НИКОЛАЙ
УСКОВ

ARDIS: АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1971 году чета американских славистов Карл и Эллендея Профферы основали издательство «Ардис». Иосиф Бродский позднее сравнил их труд с переворотом, который некогда совершил Гутенберг. Скромному издательскому дому Профферов русская культура обязана очень многим: и восстановлением прерванной связи с серебряным веком, и спасением от забвения замалчиваемой литературы 1920–1930-х годов, и публикацией запрещенных в СССР актуальных писателей. Фактически «Ардис» — в противовес советскому литературному канону — создал другую историю русской литературы XX века, традиции которой мы следуем до сих пор. Столь подробно, на основе редких архивных документов и многочисленных интервью, история уникального издательского проекта рассказывается впервые. Автор книги — Николай Усков, кандидат исторических наук, историк и журналист, с 2016 года главный редактор, затем редакционный директор «Forbes».

- Николай Усков
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Ardis 1971–1996
  - Список иллюстраций
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318

- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384

Николай Усков
Ardis: Американская мечта о русской литературе

Татьяне Лоскутовой

Предисловие

В 2021 году американскому издательству «Ардис» исполнилось 50 лет. В 1971 году, в разгар холодной войны, чета американских славистов, Карл и Эллендея Профферы, создали издательский дом, которому русская культура обязана столь многим: и восстановлением прерванной связи с серебряным веком, и спасением от забвения замалчиваемой литературы 1920–1930-х годов, и публикацией актуальных авторов, которых власти СССР не допускали до печати. Сегодня трудно представить, что когда-то целый пласт русской литературы — то, что мы теперь называем классикой, — был почти неизвестен читателю. Какие-то имена были намертво запрещены, что-то можно было достать только в старых изданиях, давно ставших библиографической редкостью, что-то ходило в самиздате, но часто лежало в столах писателей или личных архивах их вдов и знакомых. О многом мы вообще не подозревали.

Владимир Набоков, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Иосиф Бродский, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Василий Аксенов, Владимир Войнович, Сергей Довлатов и многие другие — всех их русский человек моего поколения часто впервые прочел в книгах, изданных «Ардисом». Даже в тех случаях, когда те или иные авторы иногда печатались в Советском Союзе, полное представление об их творчестве и важнейших произведениях мы смогли получить только благодаря этому, на первый взгляд, скромному издательскому дому.

Было время, когда книга с дилижансом на форзаце — эмблемой «Ардиса» — считалась невероятной ценностью, атрибутом принадлежности к кругу избранных и паролем, допускающим в этот круг. Часто ее просили почитать хотя бы на одну ночь.

Не будет преувеличением сказать, что сам канон русской литературы XX века был создан именно Профферами в небольшом университетском городе Энн-Арбор в штате Мичиган. С началом перестройки запрещенные в СССР писатели были изданы массовыми тиражами главным образом по книгам, впервые увидевшим свет на берегах речки Гурон (это были, как водится, пиратские публикации).

За 25 лет «Ардис» издал 226 книг на русском языке и 320 — на английском. Профферы не только заново открыли для русского читателя литературу XX века, но и коренным образом изменили представление западной славистики о России. Более

того, именно благодаря «Ардису» многие важные произведения XX века были переведены на английский язык и стали достоянием мировой культуры.

Вскоре после смерти Карла Проффера на вечере его памяти в 1985 году Иосиф Бродский скажет: «Запряженная лошадьми коляска… это «марка» «Ардиса», издательства, которое Карл Проффер с женой Эллендеей основали в начале 70-х годов. Этот дилижанс наглядно иллюстрирует знаменитую пушкинскую фразу: «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Во многих отношениях «Ардис» действительно стал дилижансом, преодолевавшим громадную, временами весьма враждебную, территорию — я имею в виду реальность русской литературы за последние сто лет… То, что Карл Проффер сделал для русской литературы двадцатого века, сравнимо с изобретением Гутенберга, ибо он снова начал печатать книги. Издавая по-русски и по-английски произведения, обреченные никогда не видеть черноты шрифта, он спас многочисленных русских писателей и поэтов от забвения, искажения, неврозов, отчаяния… Он делал то, что делал, из простой любви к русской литературе… Он просто хотел, чтобы она была, существовала в печати, на бумаге, стояла на ногах наравне с другими и была с ними сравнима. Он не мог стерпеть, когда у него на глазах ее мучили, увечили, оскорбляли. Но, в отличие от многих, разделяющих эти чувства, он решился действовать. Или, говоря еще проще, он сделал для русской литературы то, что сами русские хотели бы, но не могли сделать.

За это, за возвращение русской литературе ее целостности и достоинства, мы ему благодарны. Обычно, когда человек читает книгу, он редко думает об издателе: благодарность достается автору. Однако специфика русской истории сделала издателя не менее важной фигурой, чем писатель; она привела к значительному сокращению этого различия… Если Карла Проффера будут вспоминать вместе с его авторами, то потому, что, подобно им, он действовал исходя из внутренней необходимости. Следует добавить, однако, что в его случае эта необходимость не была окрашена неизбежной у авторов примесью эгоизма».

В 1987 году Иосиф Бродский получит Нобелевскую премию по литературе. И в ее присуждении была существенная заслуга Профферов, много сделавших для поэта в самое трудное время его жизни — накануне эмиграции и в первые ее годы.

Должен сразу объяснить, чем эта книга не является. В строгом смысле это не академическая монография. Будучи основана на источниках, в том числе неопубликованных, она не

претендует на то, чтобы зафиксировать уровень достигнутых научным сообществом знаний по широкому кругу вопросов. Хотя мой исторический бэкграунд подталкивал меня пуститься в сторону от основного повествования, я, кажется, смог обуздать большинство этих порывов. «Ардис» никогда толком не становился предметом самостоятельного изучения, пусть и давно заслуживал, поэтому я отсекал все смежные сюжеты, которых в этой истории множество и которые неизбежно привели бы текст к целлюлиту, а меня — к неврозу.

Но даже в таком виде книга, очевидно, получилась не вполне сбалансированной. В силу огромной роли, которую в истории нашей культуры сыграла русская часть «Ардиса», она, очевидно, оказалась в центре моего повествования. Не могу сказать, что английский редакторский портфель Профферов меня вовсе не интересовал: без него «Ардис» бы не достиг своей цели по воскрешению подлинного ландшафта русской литературы и продвижению его настоящих героев. Однако углубленное изучение английской части потребовало бы более фундированного разговора о состоянии американской славистики, ее трендах, школах, персоналиях, переводческих техниках. Такой разговор крайне важен, но рисковал бы затянуться. А поскольку эта книга обращена прежде всего к русскому читателю, я постарался касаться тех или иных публикаций в английской части, только когда это было необходимо для понимания редакционной политики Профферов.

В истории не так много книг об издателях. Роль Карла Проффера в русской культуре, как справедливо заметил Иосиф Бродский, была совершенно особенной. Сознавая это, я всякий раз старался подавить в себе соблазн заняться оценкой избранных им и Эллендеей писателей, что переполнило бы книгу подробностями их творческих метаний и жизненного пути. Подчас тот или иной персонаж увлекал меня, вероятно, чуть больше остальных, но я все-таки старался ограничиться точкой зрения Профферов. Я также не собирался оспаривать их выбор и задним числом указывать на просчеты. Скорее, меня интересовало, как они выстраивали принципы своей редакционной политики и что считали важным в русской литературе XX века и в своей жизни. Возможно, иногда Профферы ошибались, но через пятьдесят лет всегда виднее.

И наконец, всякая биография, по замечанию Набокова, неизбежно превращается в автобиографию. Зная об этом, я не пытался спрятаться в капсуле наукообразного самоустранения. Напротив, никогда не скрывал, что вырос в атмосфере «Ардиса» и многим в себе обязан труду этих выдающихся американцев. Эта

история буквально разворачивалась на моих глазах, она часть моей жизни, хотя, будучи подростком, я, конечно, многого не понимал и не знал. Спустя годы мне просто стало интересно разобраться в том, как у них все это получилось.

Помимо опубликованных воспоминаний Профферов и переписки Карла с Набоковыми эта книга основана на архивных документах «Ардиса», которые хранятся в библиотеке Мичиганского университета, и многочасовых интервью. Прежде всего, конечно, с Эллендеей Проффер Тисли. Я безмерно благодарен ей и за книги «Ардиса» — с них началась моя взрослая жизнь — и за то терпение, которая она проявила, пока я работал над этим проектом, оказавшимся бесконечно долгим. Татьяна Лоскутова, Вячеслав и Светлана Ивановы, Андрей Битов, Владимир Войнович, Михаил Барышников, Джордж Клайн, Роберт Кайзер, Питер Финн, Евгений Рейн, Маша Слоним, Алексей Цветков, Рональд Майер, Ольга Майорова и Алексей Лидов также щедро помогали мне разобраться со многими аспектами этой невероятной истории, за что не могу не выразить им свою искреннюю признательность.

Моя особая благодарность — Джанет Крейн, которая в библиотеке Мичиганского университета отвечала за славянские, восточноевропейские и евразийские исследования. Она помогла сделать мою работу над архивом «Ардиса», который занимает 27 ящиков писем, документов и видео, интенсивной, а пребывание в Энн-Арборе приятным. Не могу не выразить свою признательность и новому библиотекарю Брендану Ньюбуурту, который, преодолевая пандемические ограничения, добился сканирования архивных фотографий для этой книги. Я также многим обязан РГБ и Библиотеке иностранной литературы, которые помогли оперативно собрать коллекцию доступных в России и еще хорошо сохранившихся обложек «Ардиса».

Редактор «Ардиса» в 80-е годы Рональд Майер согласился прочесть мою рукопись и указать на ошибки и недочеты. За это вынужденное возвращение к редакторскому труду я ему бесконечно благодарен.

Много лет назад я брал интервью у Константина Эрнста для одного из журналов, который тогда редактировал. Наш разговор случайно коснулся «Ардиса», и Константин Львович признался, что давно собирает его издания. Позднее у нас возникла идея написать книгу, посвященную Профферам, которым мы лично и все наше поколение обязаны столь многим. Без поддержки Константина Эрнста, его твердости и настойчивости эта книга вряд ли бы состоялась.

Глава I
НА ОТЛОГОМ ПРИГОРКЕ СТАРИННЫХ РОМАНОВ

«Я увидела сначала только ноги, потом стала поднимать наверх голову. Ноги уперлись во что-то сиреневое, с двумя белыми полосами. Это была мини-юбка или маленькая косыночка вокруг бедер — не знаю… Золотые волосы, плечики немножко вперед и приподняты. Безумно красивые, ни на что не похожие томные глаза. Было ощущение, что верхние веки до конца никогда не опускались и не поднимались. Такие бывают у кукол, у иных тоже глаза никогда не закрываются. Поэтому взгляд всегда был томный, даже когда она говорила гадости, злилась, даже когда она поправляла бретельку так, чтобы та спала еще ниже. Я не видела у Эллендеи другого выражения лица…

Карл… Его изумительный, ласковый сарказм распространялся на все. Не могу сказать, именно ли в этом заключается английский (или, точнее, американский) юмор… Он блистательно говорил по-русски, немножко вальяжно, очень спокойно. Складывалось ощущение, что они с Эллендеей были двумя музыкальными инструментами, дополняющими друг друга. Быстрая Эллендея с быстрыми вопросами, с быстрыми ответами, часто вместо собеседника. И Карл, который вставлял короткие комментарии из пяти-шести слов, при этом они были совершенно равноценны пространным речам любого за столом. Он говорил так значительно и так интересно, что его все время хотелось слушать, он выступал в контрасте, он дополнял ее.

Вообще же, в нем сидел какой-то изумительный мальчик. Карл вел себя академично, не позволял себе открытых хулиганств, но, по-моему, не мог дождаться, когда все это произойдет с Эллендеей, а с ней это происходило все время. Вот тогда в его глазах появлялся тихий восторг… Впрочем, я не знаю, делала ли она что-то такое, что не вызывало у него восторга»[1].

Так вторая жена моего отца, художник Татьяна Лоскутова, описала свою первую встречу с Эллендеей и Карлом Профферами в феврале 1969 года в Москве. Именно в этой последовательности: Эллендея и Карл, а не в той, как обычно представляют эту пару в истории русской культуры второй половины XX века: Карл и Эллендея Профферы, основатели издательства «Ардис». Это не удивительно. У Тани с Эллендеей были совершенно особенные отношения.

Эллендея утверждает, что знанием русского языка обязана именно Лоскутовой: «Мы познакомились, влюбились, это было очень рано, наверное, в феврале, в конце февраля (1969 года. — *Н. У.*). И если бы не Таня, я бы не говорила по-русски, потому что она ни одного слова не говорила по-английски, а мы хотели посплетничать, это было ясно. Так я должна была очень быстро выучиться, чтобы общаться со своей подругой… Вскоре Надежда Яковлевна (Мандельштам. — *Н. У.*) меня похвалила: «После двух месяцев ты стала говорить». Это Таня, моя Таня»[2]. За прошедшие пятьдесят лет у моей мачехи едва ли была подруга ближе Эллендеи Проффер, хотя дружба с необозримым людским морем, кажется, самая постоянная из ее страстей. «Не знаю, на какой минуте мы с Эллендеей поняли, что мы сестры», — поясняет Таня, вспоминая первый день их знакомства.

«Этот дом стал базой, они приходили к нам после своих дел и вместо дел», — рассказывает Лоскутова о кооперативном писательском доме на «Аэропорте» по адресу Красноармейская, дом 25, квартира 30. Это, конечно, не самый первый адрес «Ардиса», но все же весьма для него важный.

История «Ардиса» — тема для меня личная. Я старше его всего лишь на год, я вырос среди разговоров о нем и на книгах, которые «Ардис» печатал, сам жил в квартире на Красноармейской, после того как отец и мачеха в 1989 году перебрались во Фрэмингхэм, штат Массачусетс; на той самой кухне, где часто сиживали Профферы и их сотрудники, я долго еще жарил яичницу и пил вино, а мои друзья — как в свое время друзья отца и мачехи — спали на полу на матрацах.

Кстати, Эллендея по привычке остановилась у нас, когда в Москве праздновали 25-летие «Ардиса» в 1996 году. Кажется, больше в этой квартире она не бывала. Я ее продал вскоре после рождения моего сына в 2001 году — там помимо кухни было всего две крошечные комнаты, и в эти скромные 45 квадратных метров непостижимым образом поместилось столь многое: бесчисленные встречи, долгие русские разговоры, любови, сплетни, «канаста» (карточная игра, которой нас всех заразила Эллендея) ночи напролет, анекдоты, литература, политика, эпоха. Парадоксально, но история Ардиса закончится годом позже нашей Красноармейской — в 2002-м.

Карла я не знал. Отец только недавно женился на Татьяне Лоскутовой, и мне еще не позволялось бывать у них дома: моей матери нужно было время. А в 1979 году Карлу отказали в визе. Никто, конечно, тогда не догадывался, что больше Карл в Россию не приедет. В 1984 он умер от рака в возрасте 46 лет. Эллендею я увидел впервые в 1987 году, когда ей, наконец, после шести лет

отказов дали визу, — высокую, стройную женщину с какой-то огромной всепобеждающей улыбкой. У нас тогда улыбались иначе: стеснительно и обреченно.

У Эллендеи и сегодня лучистые голубые глаза, умные, цепкие, а главное — совершенно хулиганские. И смеющиеся, и недоверчивые, и озорные, и серьезные, и ледяные — кому как повезет. Я запомнил, как она шла в вихре своих роскошных золотистых волос так энергично, так целеустремленно, словно впереди оставалось не три жалких метра до стенки, отделявшей нас от соседей, Аграновичей, а простиралась целая взлетно-посадочная полоса Шереметьево. Когда она появлялась, квартира сразу становилась тесной, плотно утрамбованной огромной энергией этой женщины. Таня описывает ее как «маленькое торнадо, точнее, тонкое торнадо — она была очень тоненькая: вокруг нее все вихрилось всегда».

Но чаще Лоскутова называет Эллендею «ирландской крестьянкой»: «ирландской», потому что таковы корни ее предков, а «крестьянкой» — за абсолютное отсутствие снобизма. Эллендею многие звали «королевой», но на самом деле ей свойственны и простота, и практицизм. Когда мой отец и Татьяна Лоскутова с многочисленным семейством оказались в Вене на пересылке в США, Эллендея приехала встречать их. Она, будучи, как обычно, на высоченных каблуках, решительно подхватила пару тяжелых чемоданов и стала как ни в чем не бывало подниматься по крутой лестнице гостиницы. Таню это поразило.

Эллендею всегда отличала неутомимость, непобедимая уверенность в себе, воля, обескураживающая прямота и непреодолимая убежденность в собственной правде. Убежденность эта иногда казалась стихийным бедствием, даже блажью. Ее речь, напротив, журчала нежно, серебристой струйкой-мелодией, плескавшейся по острым камешкам американского акцента. И этой мелодии так соответствовало ее волшебное имя.

Только такая женщина, которая была лично знакома с Набоковым, защитила диссертацию по Булгакову, была конфидентом Надежды Мандельштам, хорошо знала Елену Булгакову и Лилю Брик, много значила для Иосифа Бродского, разбиралась в русской литературе XX века лучше иных российских филологов, могла подарить мне, подростку, не какую-нибудь очередную книжку, а пачку презервативов: «Ну, Колья, тебе это понадобится, ньет?»

Эллендея словно опровергала слоган, придуманный Карлом для студентов: «Русская литература лучше, чем секс!» Я думаю, она бы сформулировала его более шаловливо: «Русская

литература не хуже, чем секс!» Женщина твердых этических принципов, осуждавшая, в частности, Бродского за потребительское отношение к женщинам, она тем не менее была слишком умна, чтобы недооценивать секс. Я рос стеснительным мальчиком, и, признаюсь, подарок Эллендеи понадобился мне нескоро. Не исключено, что я воспользовался им уже после того, как прочел изданные Профферами книги Набокова, Булгакова и Бродского, по крайней мере некоторые из них. Это были тоже ее подарки. Увы, не всегда мне, но моей семье, моему поколению.

Наверное, в силу той огромной роли, которую Профферы сыграли в жизни моей семьи, меня лично, эта книга так долго не ложилась на бумагу. Годами, разбирая документы из архива «Ардиса», встречаясь с героями этой истории, расшифровывая интервью, я переживал и страх, и очарование, и ответственность, и оцепенение. Я медлил, говоря себе, что исследовательская работа еще не закончена, что я еще не готов. Я и сейчас не готов.

* * *

«Сразу после полудня Ван вышел с двумя чемоданами в солнечную тишь сельского полустанка, от которого к усадьбе Ардис, куда он ехал впервые, вела извилистая дорога. <…> Тут к перрону подкатил наемный экипаж, и ярко-рыжая дама с соломенной шляпой в руке, смеясь над собственной спешкой, побежала к поезду и едва успела взобраться в него, как он тронулся. Ван решил воспользоваться предоставленным ему случайной складкой в ткани времени транспортным средством и погрузился в старенькую calèche. Получасовая поездка оказалась не лишенной приятности. <…> Миновали Торфянку, сонную деревушку о трех-четырех бревенчатых избах, с мастерской для починки молочной посуды и завязшей в жасмине кузней. <…> Дорога ныряла и горбилась, и на каждом подъеме старенький заводной таксомотор медлил, как бы совсем засыпая и нехотя одолевая усталость.

Заскакали по булыжникам Гамлета, сельца наполовину русского… Расступились, пропуская их к старому мосту, березы. <…> Наконец растительность обрела вид более южный, дорога огибала уже Ардисов парк. За новым поворотом, на отлогом пригорке старинных романов, открылась романтическая усадьба. То был великолепный загородный дом, сложенный в три этажа из светлого кирпича и лиловатого камня…»

Нет сомнения, что этот путь в свой Ардис, «на отлогом пригорке старинных романов», Владимир Набоков, преодолевая

волнение, мысленно проделывал не раз — дом, который он утратил навсегда, дом, в который так хотел вернуться и который, поселившись в гостинице Montreux Palace, придумал заново в причудливой русско-американской вселенной своего романа, где и сама Швейцария находилась в штате Вашингтон. Ada, Ardor, Ardis, Ladora — это аллитерация задает роману не только внутренний ритм, она составляет самостоятельный поэтический текст, проникнутый ностальгией по утраченной Аркадии на Ладоре. По-гречески Ардис — это «острие стрелы», по-набоковски — «направление Времени, ардис Времени». Но время, тотчас возражает Ван, никуда не направлено. «У нас всего две доски. Прошлое (вечносущее в моем разуме) и Настоящее (коему разум мой сообщает длительность и тем самым — реальность)». Ардис — как будто воплощение прошлого и настоящего, точка соединения времен, когда «прошлые тени и очертания сквозили в еще мягком протяженном, личиночном «ныне». Ардис — место, где «на вершине Прошлого задувает вихрь Настоящего», точка «сиюминутности», которая «является единственной ведомой нам реальностью; она следует за красочной пустотой уже не сущего и предшествует полной пустоте предстоящего». «Философски Время, — заключает Ван, — есть только память в процессе ее творения. В каждой отдельной жизни от колыбели до смертного одра идет формирование и укрепление этого станового столба сознания, этого времени сильных. «Быть» — значит знать, что ты «был». «Не быть» подразумевает единственный новый вид (подметного) времени: будущее. Я отвергаю его. Жизнь, любовь, библиотеки будущего не имеют».

* * *

Карл и Эллендея Профферы прочли эти строки Набокова в Москве в 1969 году. Они жили тогда в гостинице «Армения» на Неглинной в номере 310, там, где сегодня стоит Ararat Park Hyatt. Карл пишет Набокову про Эллендею: «Между тем, моя королева разлеглась с Пниным, периодически хихикая, на кровати у нас дома, в уютной гостинице «Армения» (!!! Как писали в былые времена). Что до меня, то я горю желанием как можно скорее насладиться «Адой». <…> …А «чугун» значит «котелок»[3]. На это Вера Набокова по поручению мужа ответила: ««Чугун» — это ужасно вульгарное провинциальное слово для обозначения «котелка» — вот мое мнение»[4].

Набоков удовлетворил желание Карла поскорее прочесть «Аду». Он попросил Playboy прислать Профферу свой новый

роман в расчете на то, что Проффер, автор «Ключей к Лолите» — первого литературоведческого анализа самой шумной книги Набокова, — напишет отзыв для раздела писем. Пакет с романом крупнейшего русского писателя эпохи, запрещенного и практически не известного на родине, отправленный редакцией скандального журнала Playboy, прибыл в Москву дипломатической почтой, чтобы оказаться в руках двух американцев, сидящих по ту сторону «золотого (в соответствие с «Адой») занавеса» в номере гостиницы «Армения», зимой, среди засыпанных снегом домов и улиц коммунистической столицы — сцена, вполне достойная набоковского нарратива. Впрочем, писатель все это и организовал.

Проффер пишет Набокову: «Хотя Эллендея и я, близнецы в неизбежном смысле, были поражены сладкой тающей меланхолией при виде (и ощущении) затмения Лолиты (этой яркой серой звезды), мы испытали счастье, оказавшись в авангарде читателей Вашей хроники не Багрова-внука (аллюзия на Аксакова, которая есть и у Набокова. — *Н. У.*)»[5] Правда, ни о чем таком в своей рецензии для Playboy Карл не скажет, хотя роман, похоже, действительно стал для «близнецов в неизбежном смысле» важным событием.

Фрагмент «Ады» вышел в апрельском номере Playboy, а в июльском Карл уже писал, улавливая иронию происходящего: «Мне выпало особое удовольствие стать, возможно, первым человеком в Советском Союзе, который прочел этот потрясающий фрагмент»[6]. «У нас не было ничего нового почитать на английском, — вспоминает Эллендея. — Газеты в посольстве были недельной давности, а библиотека остановила комплектацию на Роберте Пенне Уоррене. Хотя брак наш был на редкость счастливый, «Ада» мгновенно внесла раскол в семью: оба хотели читать ее безотлагательно. Он, конечно, был специалистом по Набокову, зато я — запойной читательницей, и с этим, казалось мне, надо считаться. Мы стали воровать друг у друга книгу самым подлым образом: звонил телефон, Карл неосмотрительно откладывал роман, чтобы взять трубку, я тут же хватала книгу и убегала в ванную, чтобы прочесть следующую главу. Мы глотали роман, запоминали какие-то куски практически наизусть, и после того «Ада» заняла в нашей памяти особое место, связавшись с этой гостиницей, с этой зимой и отчаянной жаждой прочесть что-нибудь свежее по-английски и чем-то уравновесить давление изучаемого русского мира. Чем-то, что напомнит нам, что мы происходим из английского языка, хотя — парадокс — роман был написан русским эмигрантом»[7].

Этот парадокс станет содержанием их жизни. И Карл, уже

тогда ощущая себя на перекрестке двух миров, прежде всего обращает внимание на их взаимопроникновение у Набокова и осваивает роль интерпретатора, которая станет его судьбой: ««Torfyanka» (Peat Bog) is a «dreamy hamlet» of log «izbas» (huts); and «Gamlet, a half-Russian village», is actually allusion to Hamlet (Gamlet in Russian)»[8]. Спустя почти полвека Эллендея вторит своему мужу, обращая внимание уже на другие аллюзии: действие романа разворачивается «в поместье «Ардис», будто перекочевавшем сюда из Джейн Остин через Льва Толстого и преображенном любовью Набокова к русским усадьбам своего детства»[9]. «И вот, когда мы начали издательство, Карл сказал: «Пусть будет «Ardis», потому что это комбинация России и Америки»», — вспоминает она.

Шестой дом по Неглинной улице, былая гостиница «Армения», уже снесенная, но зацепленная в настоящее именем нового отеля Ararat Hyatt, вполне мог бы претендовать на честь считаться местом рождения «Ардиса». Но и Неглинная, 6, подобно Красноармейской, 25, — не более чем еще один важный адрес в истории «Ардиса». Как, собственно, и Монтрё или Адаво Монтру, где Набоков впервые вывел имя «Ардис» на одной из карточек, на которых обычно писал свои книги.

Сам Карл Проффер называл другой адрес рождения издательства — Новые Черёмушки, «застроенные новыми уродливыми типовыми домами, выросшими вокруг старой Москвы. Таксисты из центра, хотя и не признавались в этом, лишь смутно представляли себе Большую Черёмушкинскую улицу»[10]. Там, в доме 50, корпус 1, в квартире 4 жила вдова Осипа Мандельштама, Надежда Яковлевна, которую Профферы впервые посетили 17 марта 1969 года. У нее были «светлые ведьминские глаза, мелкие кошачьи зубы и детская улыбка с легкой приправой яда», — вспоминает Элледнея[11].

«Со временем мы запомнили долгую дорогу от Ленинского проспекта до станции метро «Профсоюзная» и дальше, и по просьбе Н. М. — она боялась слишком заметного визита иностранцев — высаживались, не доезжая до нее. Перед ее домом, одной из трех одинаковых многоэтажек, «башен» (как она их называла), проходила трамвайная линия, но прямого трамвая или автобуса из центра не было, поэтому мы всегда приезжали на такси. Надо было перейти рельсы и по разбитой дорожке, губительной для автомобилей, обойти дом к ее подъезду. В подъезде было темно, как во всех домах, и попахивало мусором и канализацией. Дверь слева от тесного лифта открывалась в коридор, который вел к ее квартире»[12].

Карл рассказывает о бедности, в которой жила Надежда

Яковлевна, и о том, как трудно ей было сделать плохой подарок. Но «самый важный наш подарок Н. М. вернула. К концу нашего пребывания в 1969 году мы приобрели у хорошего русского приятеля, великого собирателя книг («Все, что в человеческих силах, я могу достать», — самодовольно говорил он), первое издание первой книги Мандельштама «Камень» (АКМЕ, 1913, 500 экз.)».

Приятелем, которого упоминает Карл, мог быть микробиолог Вадим Федоров, тогдашний муж Татьяны Лоскутовой. Правда, странно, что Карл, описывая, как «Камень» попал к нему в руки, употребляет весьма двусмысленное слово — «приобрели». И Таня, и Эллендея свидетельствуют, что «Вадим не мог ничего продавать Карлу». Вообще, Федоров был страстным библиофилом, от которого даже советовали прятать редкие книги. Говорят, Вадим был не в силах с собой совладать, но Таня считает, что не в этом случае: «Когда речь шла о таком раритете, глаз с него не спускали, да и он бы себе этого не позволил. Вообще, он тратил все деньги на книги, я ему брюки штопала, а так он был, конечно, авантюрным человеком, но при этом благородным». Так или иначе, но приятель, от которого «Камень» перешел к Профферам, предупредил их, что это редчайшее издание, и, скорее всего, другого экземпляра в жизни они не встретят. Профферы решили, что «Камень» станет отличным прощальным подарком Надежде Яковлевне: «Когда мы отдали ей книжку в кухне, она улыбнулась, сказала что-то в том смысле, что не видела ее много лет, задумчиво полистала, прочла несколько строк вслух, а затем сказала: «Я знаю все это наизусть. Заберите ее — вы получите удовольствия больше, чем я». Никто из нас троих не знал тогда, что в эту минуту родился «Ардис»»[13].

Действительно, через полтора года репринт «Камня» Осипа Мандельштама станет первой книгой с выходными данными «Ардиса», что вполне символично. Ведь именно «старая дама с Черёмушкинской улицы… была катализатором многих событий в нашей жизни, ее память — мостом между двумя эпохами», — напишет Карл незадолго до смерти[14].

* * *

И все же появление в книжной коллекции Профферов «Камня» не предопределило создания издательства, хотя камень — предмет вполне пригодный, если верить Евангелию, для основания солидного учреждения. Подобно другой великой книге нашей цивилизации, «Илиаде», отправной точкой в истории

«Ардиса» являлся не камень, но гнев — гнев двух молодых американцев-либералов: Карлу в 1969 году был 31 год, Эллендее — 25. «Мы были в ярости от того, какую жизнь вынуждены вести умные люди, и, думаю, идея «Ардиса» родилась из этого гнева», — вспоминает Эллендея[15].

Не знаю, находилась ли она когда-нибудь под обаянием образа Маргариты, громящей квартиру критика Латунского в Драмлите, но мне ее слова о гневе напомнили именно эту сцену пьянящего освобождения и возмездия: «Венчающая список надпись «Дом драматурга и литератора» заставила Маргариту испустить хищный задушенный вопль» — вполне извинительная аллюзия, когда имеешь дело с крупным американским булгаковедом, тем более что подростком я всегда представлял себе Маргариту Эллендеей. Конечно, во всякой женщине можно разбудить Маргариту, но не всякая могла так страстно добиваться своего: «она была деятельна как пять медсестер, как два слесаря», — вспоминает Лоскутова.

Другое дело Карл. Как мог выглядеть его гнев, я затрудняюсь сказать. Саркастические профессора, прячущие вечную улыбку в усах, кажется, не способны на такие эмоции. «Его трудно было рассердить, но гнев его бывал сильным и действенным, — возражает Эллендея, — он определенно сыграл роль в нашем решении публиковать то, что не могло быть опубликовано в Советском Союзе, восстановить утраченную библиотеку русской литературы»[16].

Одним словом, гнев двух американцев, как и положено для этой рационально устроенной цивилизации оптимистов, оказался созидательным (в отличие, кстати, от гнева героев «Илиады»). В своем мемуаре об Иосифе Бродском Карл описывает их примечательный разговор о разнице между русской и американской литературой: «По мнению Иосифа (высказанному около 1970 года), главной особенностью американской литературы можно считать «жажду справедливости»: в ней подразумевается, что каждый человек ответственен за свое прошлое, настоящее и будущее и что он способен повлиять на ход вещей. Поэтому краеугольный камень нашей литературы — «Моби Дик», его характеры и сюжетные линии просматриваются во всех остальных значительных произведениях, особенно у Фолкнера. В русской же литературе, особенно у Достоевского, главная идея — обретение покоя, а не действие. В отличие от американца, русский движется от сомнений к покою (я спросил: «То есть от Ставрогина к Зосиме?» — и он ответил, что да, вместе с Иовом)»[17].

Несколькими страницами позже Карл вновь возвращается к

этой теме: «Идея сопротивления была важна для него (то есть Бродского. — *Н. У.*) и его сверстников — в Советском Союзе так редко поднималась тема сопротивления злу, что русские очень ценили ее в иностранных фильмах. По той же причине он и многие другие обожали вестерны: ведь в них торжествовала так называемая мгновенная справедливость»[18].

Карл никак не обнаруживает своего отношения к этим словам Бродского. И все же, вероятно, было в нем нечто от переселенца на Средний Запад или ковбоя, который по рождению и воспитанию своему, конечно, никак не мог стремиться к покою, но хотел действовать и добиваться «мгновенной справедливости». Эта почтенная культура культа 36-го калибра — краеугольный камень американской цивилизации; надо полагать, она была в крови даже у некоторых профессоров.

Профферы застали русскую литературу после побоища, тянувшегося уже не одно десятилетие. Вакханалия официальных посредственностей и настоящие писатели, лишенные возможности печататься, неизданные, забытые, запрещенные тексты, разорванная ткань времен, утрата знаний и памяти. В конце концов, «быть — значит знать, что ты был», как говорил набоковский Ван. «Что делать?» — этот очень русский вопрос в России часто остается без ответа. В тот свой приезд в 1969 году ни Карл, ни Эллендея тоже еще не нашли ответа на него. «Ардису» только предстояло стать «вершиной Прошлого, на которой задувал вихрь Настоящего» — и в смысле времени, и в смысле качества текстов.

А пока двое американцев, оглушенные своей необыкновенной поездкой в Россию — на обратном пути они впервые встретились с Набоковыми в Лугано, — вернулись в Америку. Карл тогда еще был ассистент-профессором славянских языков и литературы в Индианском университете.

«Осенью 1969 года он собрал маленькую компанию наших друзей в Индианском университете… и показал им примерное содержание первого выпуска журнала, посвященного русской литературе. Всех нас увлекала эта идея, но никто не верил в ее осуществление — кто будет журнал финансировать? Кто будет покупать? Ни один из нас не занимался издательской деятельностью, мы ничего в этом не смыслили». Большинство участников этой встречи станут в 1971 году сотрудниками журнала Профферов — Russian Literature Triquarterly (RLT), который попытается воссоздать почти скрывшийся под ложью ландшафт русской литературы, совсем неизвестный западной науке[19].

«Набоков, Цветаева, Ходасевич, Бунин и многие другие, —

вспоминает Карл, — больше не считались частью русской литературы. Они не только были вычеркнуты из советских учебников — их почти также игнорировали западные литературоведы и историки литературы. Например, до 80-х в англоязычных историях русской литературы не находилось места ни Набокову, ни Цветаевой, ни Ходасевичу»[20].

Академик Вячеслав Иванов, один из крупнейших ученых XX века, близкий знакомый Профферов с их первых визитов в СССР, говорил в интервью для этой книги: «В американской славистике просто пусто было к тому времени. Она следовала задам советских издержанных мыслей. Он открыл подлинную русскую литературу для Америки, но одновременно и для России»[21].

Пока что, однако, до осуществления замысла Карла было далеко. «Все складывалось очень непросто, — вспоминает Эллендея. — Мы сразу получили троих детей, потому что первая жена Карла пыталась покончить с собой. Об этом я не хочу говорить. Но факт есть факт. Карл преподавал, я преподавала, писала диссертацию, и было трое детей, которые пережили тяжелую психологическую травму. У нас ничего не было — ни дома, ни машины. И ничего не случилось в том году».

В следующем году Профферы снова съездили в Москву, вскоре Карл получил кафедру в Мичиганском университете. Он стал самым молодым профессором в истории университета. И в сентябре 1970 года Профферы переехали в небольшой университетский город Энн-Арбор, которому суждено было стать столицей Антитерры — Америкороссии, набоковско-профферовской вселенной, между провинциями которой курсировало «предоставленное им случайной складкой в ткани времени транспортное средство» — дилижанс работы лучшего русского графика В. А. Фаворского.

«В поисках подходящей эмблемы издательства я просмотрела все свои книги по русскому искусству и остановилась на гравюре Фаворского с каретой. Пушкин сказал, что переводчики — почтовые лошади просвещения, — вот и дилижанс», — пишет Эллендея, которая с первых дней взяла на себя заботу о визуальном стиле «Ардиса»[22]. Это была заставка-ксилография к роману П. П. Муратова «Эгерия» 1921 года издания. На оригинале дилижанс запряжен четверкой лошадей, но первая пара, заворачивающая куда-то вбок, была Эллендеей отрублена. Профферам, как американцам вообще, были чужды окольные пути, по крайней мере, если речь не шла о вывозе рукописей из Советского Союза.

Было бы соблазнительно думать, что стихи Осипа Мандельштама 1911 года, опубликованные в «Камне» и

воспроизведенные в первом репринте «Ардиса», стали провидческим обращениям к лошадям Фаворского:

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.
А я вверяюсь их заботе,
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте,
Навстречу звездному лучу.
Горячей головы качанье,
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.

Но, увы, «провидческие» кони Мандельштама — всего лишь красивая натяжка, потому что дилижанс на титуле появился не сразу. Хотя образ «почтовых лошадей просвещения» фигурирует уже в предисловии к первому тому Russian Literature Triquarterly, изданному Ардисом в 1971 году[23], саму эмблему Эллендея нашла в 1972-м. И первое место, в которое дилижанс Фаворского доставил самих Профферов в 1973 году, был их новый дом в Энн-Арборе, по адресу, известному теперь любому специалисту по русской литературе 70–80-х годов (он стоит на сотнях писем писателей, поэтов, их родственников, переводчиков, литературоведов, графоманов и сумасшедших): 2901 Heather Way, Ann Arbor, Michigan, 48104.

Это был их второй дом в Энн-Арборе. Поначалу они поселились в скромном таунхаусе, да и само появление издательства весной 1971 года едва ли представлялось им чем-то судьбоносным. Потом, годы спустя, это событие обрело масштаб и пафос — как в их собственных, так и в чужих глазах. А пока все выглядело буднично: «Карл заскучал и решил, что ему нужно хобби, — может быть, печатать поэзию на ручном прессе», — вспоминает Эллендея[24].

Это случилось по адресу 615 Watersedge, Ann Arbor, Michigan, 48105. Именно туда из типографии доставили экземпляры первой книги «Ардиса»; и какое-то время «Камень» Осипа Мандельштама лежал в профферовском гараже, в ожидании своих «лошадей» (притянутых мною за уши). «Издательство было создано «почти случайно» молодым профессором и его женой… которые решили опубликовать книжку стихов, сброшюрованную на столе с подсветкой, над кухонной раковиной», — писал журнал Toledo в

1983 году со слов Профферов[25].

Обретение нового дома на Heather Way словно отмечало изменение, произошедшие с семьей за последние годы, уже вполне очевидный к тому моменту, и масштаб, и пафос их дела, которое из hobby стало практически full time job. Путь на Heather Way неизбежно должен напоминать дорогу Вана в Ардис, мимо изб Торфянки и наполовину русского сельца Гамлета, хотя я, преодолевая его в первый раз за рулем арендованного «Крайслера», в компании бывшего редактора «Ардиса» Рона Майера, подумал о Переделкине или Кратове. Неширокая, побитая жизнью, ухабистая дорога петляла между соснами, кленами, елями, тополями, кустами орешника и, может быть, даже березами. Нередкие выбоины облюбованы черными лужами. Поворот, лужайка и — как кстати! — «на отлогом пригорке старинных романов» (я нисколько не преувеличиваю) «открылась романтическая усадьба», обрамленная вековыми елями и еще какими-то кустами. Все было именно так.

Разумеется, сам по себе этот дом едва ли мог привлечь особое внимание Владимира Набокова, знавшего толк в домах, но для Профферов он был что надо: «Единственный разумный финансовый шаг, который мы когда-либо сделали», — признавались они позднее[26]. Эллендея вспоминает: «Нам нужны были деньги, чтобы купить наш дом, потому что «Ардис» не мог существовать без большого дома, где можно хранить книги, нам нужно было переехать. Бродский уже перебрался к нам из России и жил у нас в маленькой комнате, весь наш таунхаус был размером с эту комнату (мы сидим в относительно небольшой гостиной нынешней калифорнийской виллы Эллендеи. — *Н. У.*), и мы делили его с детьми, Иосифом. Потом приехала сестра — ну кошмар, — вспоминает Эллендея их первый дом в Энн-Арборе по Watersedge. — Выручил брат Карла, он был инженером в Детройте: «Я знаю, как вам помочь с первоначальным взносом для покупки большого дома. У нас есть чертежи». Мы говорим: «Чертежи для чего?» Он говорит: «Для КАМАЗов»».

Да, мы переводили «чертежи прошивочных машин для завода речных грузовиков КАМАЗа». Фирма Detroit Broaching Company выпускала штуки, которые режут металл, они продали громадное количество этих машин КАМАЗу. КАМАЗ потребовал от них, чтобы чертежи были с русским переводом. Сами мы в этом, конечно, ничего не понимали, но Карл купил технологический словарь. В результате нам заплатили шесть тысяч за эту работу, и мы купили наш дом».

Это был обширный «элегантно-потрепанный и хаотичный» особняк с просторным полуподвалом, который занимала

редакция, семья же разместилась в двух этажах наверху[27]. «Теперь у нас было место и для кабинетов, и для хранения книг, и для многих русских гостей, иногда живших у нас месяцами», — пишет Эллендея[28].

Проффер с гордостью сообщает Владимиру Набокову: ««Ардис» — предприятие, все еще во многом семейное, но теперь издательство занимает большую часть нижнего этажа довольно живописного здания, которое мы недавно приобрели на четырех акрах холма над Энн-Арбором и рекой. Дом этот первоначально (в 1928 году) строился как загородный клуб, потом был превращен неким эксцентричным миллионером в курятник, а затем вновь стал жилым домом сотрудника автомобильной компании «Форд», чей счастливый перевод в западное захолустье обеспечил нам место для размещения наборного автомата фирмы «IBM»»[29].

* * *

Судьба дома на Heather Way оказалась зарифмована с судьбами мира, страны и ее литературы. Вскоре после смерти Карла на вечере его памяти в Нью-Йоркской публичной библиотеке Иосиф Бродский, друг и поэт, который многим обязан Профферам (а они, надо полагать, ему), скажет: «Если бы не слепящая боль его последних дней, он вполне мог бы заметить, что покидаемый им мир выглядит или, как минимум, мыслит иначе, нежели мир, который он знал всего лишь пятнадцатью годами раньше; эту разницу он мог бы частично зачесть и на свой счет»[30].

Это был трагический момент, хотя, как мы видим из нашего далёка, одновременно и звездный час издательства. Слова в память о Карле Бродский произнес 1 апреля 1985 года, всего за 22 дня до апрельского пленума ЦК КПСС. В Советском Союзе начиналась перестройка, которая изменит не только страну, но и «Ардис». Без «золотого занавеса» и он не мог оставаться прежним.

«Понимаешь, после перестройки вообще было наше лучшее время в финансовом смысле, — призналась мне Эллендея. — Американцы наконец стали покупать наши книги». Да, этот успех был результатом многих лет кропотливой работы, малозаметной для широкой американской публики, но никто кроме «Ардиса» оказался не готов удовлетворить внезапно возникший голод на все русское. «Со мной было собрание сочинений Набокова, потом собрание сочинений Булгакова, что заставило Советский Союз издать Булгакова, между прочим, — продолжает Эллендея. — И

главное — мы подготовили антологию «Гласность», которая имела очень широкий резонанс. А потом самая-самая наша успешная книга, это было в 1995 году — перевод «Мастера и Маргариты»».

Недавно, выпивая в одном каннском баре, я разговорился с барменшей, которая почему-то оказалась американкой. Она прочла «Мастера и Маргариту» в переводе «Ардиса», и мы с ней об этом говорили. Это была ее любимая книга.

Хуже было с Россией: «Россия стала пиратствовать сразу, никаких договоров с нами не было, хотя они знали, где мы находимся. Я не подавала в суд. Я считала, что, может быть, это только краткий шанс, может быть, недолгий, а потому надо издать всех и как можно скорее. Конечно, для «Ардиса» это было очень плохо. Впрочем, русская часть никогда ничего особенного не приносила в материальном смысле. Она была важна для нас эмоционально».

Чудесное пространство Америкороссии, средоточием которого был дом на Heather Way, стало рассыпаться. Несвобода, породившая гнев двух американцев-либералов, скрепляла его, наделяла эмоциями, энергией, азартом, миссией. Конец Советского Союза обозначил закат «Ардиса»: «Без русской части все было бессмысленно. Это душа «Ардиса»», — говорит Эллендея.

Вроде бы она приняла решение продать дом на Heather Way не поэтому, но, думаю, невидимая сила пыталась вытолкнуть ее в новую жизнь, поскольку старая закончилась. Она говорила мне, что как-то видела сон о теплом море — он окажется провидческим, воспроизводящим пейзаж в окрестностях ее нынешнего дома. Вообще, Эллендея всегда серьезно относилась к своим снам, часто их записывала и пыталась анализировать, могла серьезно расстроится, если сон показался ей дурным предзнаменованием. Моей мачехе она говорила: «В нашем с тобой возрасте, Таня, надо жить у теплого океана». В 1994 году Эллендея продала усадьбу на Heather Way и переехала в Калифорнию. А в следующем году «Ардис» обрел свой последний адрес.

Нынешний дом Эллендеи стоит на высоком берегу Тихого океана в изнеженном пригороде Лос-Анджелеса — Дана-Пойнте. Это вилла в испанском стиле, увитая бугенвиллией и окруженная пальмами. Сочный веселый цвет персиковых стен, черепичная крыша, лазурный бассейн, кованная решетка, горшки с цветами — она ничем не напоминает новоанглийский шарм Heather Way, сдержанный и графичный, как обложки «Ардиса».

«Почему ты решила продать издательство в 2002-м?» —

спрашиваю я ее: «Ардис» перешел к компании Overlook Press. — «На самом деле надо было продать гораздо раньше, в 1996-м». — «И что же помешало?» — «Да… я этого не сделала. Не смогла» — «Почему?» — «Было очень трудно уйти. Это была я». — «А что ты делала в тот день, когда продала?» — «Плакала… Мы сделали свое дело. Потом был просто нормальный конец, я старела. Конец этой дороги…»

Глава II
БАСКЕТБОЛ VS РОССИЯ

Самое загадочное во всей этой истории — как человек, выросший на Среднем Западе, у которого дома даже не было книг, стал одним из самых эрудированных знатоков предмета столь небанального, столь потустороннего, столь вызывающе отвлеченного и непрактичного, каким, без сомнения, была русская литература для США. Да еще сумел покорить им красавицу-аспирантку, ставшую его женой и партнером в изучении, издании и переводе русских писателей.

Сам Карл много лет спустя так изобразил свою генеалогию в одном из писем к Копелевым, близким друзьям и авторам «Ардиса»: «Вас порадует, что я еврей. Будучи в Лондоне, я позвонил единственному Профферу в телефонной книге. И мы встретились… Его семья происходит из Варшавы. Он не очень осведомлен о прошлом, но его отец… оставил свою семью, поскольку его отец — раввин, и он хотел, чтобы тот оставался ортодоксальным евреем; вместо этого отец стал полковником российской императорской армии (примерно около 1890–1900 годов?). Издавна их фамилия была Профферштайн. Я предполагаю, что трое братьев Профферов, которые приехали в Америку из Голландии в 1837 году… больше не хотели оставаться евреями, и они … изменили фамилию… Правда, все это по мужской линии, поэтому я не могу считаться евреем. Но что мне по-настоящему нравится во всей этой туманной истории — что я связан с Россией. Может быть, все это было в моих генах?»[31]

Этот пассаж, конечно, говорит не столько о корнях Проффера, сколько о его качествах — чувстве юмора и некой авантюрной пытливости: ведь встретился же он в Лондоне с человеком из телефонной книги, если, конечно, все это не придумал. Так или иначе, реальность была прозаичнее.

Карл Рей Проффер появился на свет 3 сентября 1938 года в Буффало, штат Нью-Йорк. «Родня его отца — бедняки из Оклахомы с примесью крови индейцев-ирокезов в жилах — состояла преимущественно из ковбоев и фермеров; столь же скромно выглядят и предки Карла с материнской стороны, происходившие родом из северной части Среднего Запада и из Канады», — вспоминает друг Карла, профессор Бартон Джонсон из Санта-Барбары[32]. Таня Лоскутова рассказывала, что Карл был неприхотлив в еде, но одновременно крайне деликатен. И чтобы

смягчить свой отказ, начинал издалека: «У нас на ферме, когда это готовили, я ничего не ел, я могу только…» — и называл два-три ерундовых блюда. Фермерско-ковбойские корни, пусть и в таком ироничном ключе, вероятно, составляли какую-то часть идентичности Карла, и ему нравилось этим бравировать.

В 1938 году в СССР свирепствовали репрессии. В одном из пересыльных лагерей во Владивостоке, всего через пару месяцев после рождения Проффера, умрет Осип Мандельштам (мы помним, что встречу с его вдовой, Надеждой Яковлевной, Карл потом будет считать отправной точкой «Ардиса»). Михаил Булгаков в 1938 году продолжит работать над пьесой «Батум», посвященной юности Иосифа Сталина (пьеса так и не была поставлена). Изможденный изоляцией и нищетой Булгаков умрет, когда Карлу исполнится два года, в 1940 году. В Ленинграде тогда же родится Иосиф Бродский, а в Москве — моя мачеха, Татьяна Лоскутова.

В 1938 году нацисты устроят масштабный еврейский погром — «хрустальную ночь». К счастью, семья Набоковых (Вера Набокова — еврейка) годом ранее покинула Берлин и перебралась в Париж. Там, в год рождения Карла, в эмигрантском журнале «Современные записки» завершится публикация главного русского романа Набокова — «Дар». Мир тем временем идет к войне: Проффер — ровесник аншлюса Австрии и Мюнхенского сговора. Но все это, конечно, далеко от проблематики Среднего Запада.

По словам Эллендеи, он «рос в семье инженера, который не окончил даже среднюю школу». Ей вторит Бартон Джонсон: его отец «имел за плечами всего восемь классов школы и не питал особого уважения к высшему образованию»[33]. «Он начинал у станка General Motors, когда ему было семнадцать лет, — продолжает Эллендея. — Ради работы отец Карла переехал из Оклахомы в Манси, штат Индиана, начинал простым рабочим, а закончил свою карьеру директором, топ-менеджером громадной производственной системы, у него миллион авторских патентов на автоматизацию этой системы. Хорошие мозги, творческий склад ума, при этом в доме не было ни одной книги. Думаю, ни отец, ни мать Карла их просто не читали».

Тем не менее уже тогда случилось нечто, позволяющее увидеть в высоком спортивном подростке будущего интеллектуала с саркастической улыбкой. 1952 год. Карлу 14 лет. В США бушует маккартизм, президентом избран Дуайт Эйзенхауэр, в СССР — разгар кампании по борьбе с безродными космополитами и врачами-убийцами. Сталин готовит новый большой террор. И в рифму с 1937 годом, когда страна отмечала

столетие со дня смерти Пушкина, в 1952 году с помпой празднуют другой сюрреалистичный юбилей — 100 лет со дня смерти Гоголя, писателя, которому Карл вскоре посвятит свою докторскую диссертацию.

В Калифорнии тем временем проходило большое шоу одного знаменитого американского комика, рассказывает Эллендея: «Попасть туда не было никакой возможности». А Карлу, вероятно, этого очень хотелось — парадоксальное устремление для будущего эксперта по Гоголю и Набокову. Но решение он нашел яркое. И в нем уже угадывается та изобретательность, которая позволит Профферу превратить непрактичную страсть к русской литературе в бизнес. Карл пришел в «газету своего маленького города в Индиане и сказал: «Я буду вашим журналистом». Они дали ему пропуск, и он написал статью, которую затем напечатали. И это при том, что он в тот момент ничего не читал».

Когда Карлу исполнилось пятнадцать, его семья переехала в Бэй-Сити, штат Мичиган. Там он стал звездой школьной команды по баскетболу. Эллендея вспоминает: «Но в Мичиганский университет он пошел только потому, что его друзья туда пошли. Он даже не думал университет заканчивать. Учился очень хорошо, но оказалось, что он был слишком слаб для баскетбольной команды, он был на втором месте, а это для него — не то. Итак, первый год в Мичигане. Карл думает, какой язык выбрать».

Это было в 1956 году. Мир пришел в движение, вектор которого был еще не вполне очевиден. Одиозный сталинский премьер Молотов цинично отправлен послом в Монголию. Маккартизм в США захлебнулся (злополучный сенатор умрет в следующем году от цирроза печени), на XX съезде КПСС Хрущев выступил со своим смелым докладом, разоблачающим культ личности Сталина. Элвис Пресли впервые попал в американские чарты с песней Heartbreak Hotel.

Семья Бродских за год до этого получила полторы комнаты в доме Мурузи, куда еще предстоит приехать Профферам. Тогда же, в 1955 году, Бродский бросит школу. И в том же году в СССР будут изданы «Дни Турбиных» Булгакова, а Пастернак закончит «Доктора Живаго». В 1955 году Набоков опубликует свой главный английский роман — «Лолиту», пока что во Франции, в издательстве Olympia Press. Грэм Грин назовет ее «одной из трех лучших книг года». Его оценка окажется чрезмерно осторожной («Лолиту» теперь считают главным романом XX века). Тем не менее отзыв Грина станет началом триумфа писателя[34].

В 1956 году, пока скандал только нарастает, Набоков продолжает переводить «Евгения Онегина» в Гарварде. Василий

Аксенов заканчивает Ленинградский медицинский институт и начинает работать врачом на Крайнем Севере. Анну Ахматову снова стали печатать в СССР, она уже год как живет в маленьком домике в Комарово, где позднее ее впервые увидит Бродский. В 1956 году был реабилитирован Лев Копелев (освобожденный из лагеря за два года до этого), а в музее Пушкина открылась первая выставка Пикассо.

В 1955 году в Женеве прошла конференция, на которой СССР и США попытались нащупать пути к «разрядке международной напряженности» (как тогда выражались). Но в 1956 году случится венгерская революция, и советские войска оккупируют страну. Хрущев произнесет свою знаменитую фразу, адресованную Западу: «Мы вас закопаем». Тем временем Фидель Кастро возвращается на Кубу из мексиканской эмиграции, чтобы начать вооруженную борьбу с режимом Батисты.

Политический фон очень важен для понимания выбора, который сделал Карл Проффер в 1956 году, решив в конечном итоге изучать русский язык. Эллендея находит этому шагу скорее эстетическое объяснение: «Он стоял перед доской объявлений с образцами языков и впервые увидел русский алфавит. Его внимание привлекла буква «Ж», похожая на бабочку, и он сказал себе: «Какой интересный алфавит»»[35]. Получается, что «Ж» как бабочка — случайная аллюзия на энтомологическую страсть Набокова — неожиданно впорхнула в жизнь баскетболиста со Среднего Запада и увлекла его в новый мир, где ему вскоре доведется свести знакомство с набоковскими голубянками Madeleinea lolita и Nabokovia. Надо признать, этот образ слишком живописен, чтобы что-то объяснить.

Выбор Карла был, вероятно, более осознанным и нонконформистским, если не протестным. Юность его пришлась на начало холодной войны и истерику маккартизма в США. «Россия присутствовала в повседневной жизни молодых американцев, — вспоминает Эллендея, — и присутствие это было окрашено чувством страха. Мы прятались под столами в классе во время учебных тревог и знали, почему наши родители строят бомбоубежища. Нам снились бомбежки, и в нашем сознании Советский Союз был страной, которая подавила народные движения в Венгрии и Чехословакии. Вожди Советского Союза казались непостижимыми, и это рождало страх, что они под влиянием паранойи могут напасть на нас»[36].

Впрочем, страх всегда пробуждает любопытство, а назойливая пропаганда не могла не вызвать у подростка-студента идиосинкразии и желания разобраться во всем самостоятельно, наперекор правде отцов. Во всяком случае, такие эмоции были

весьма характерны по нашу сторону железного занавеса как для поколения моего отца, практически ровесника Карла, так и для моего собственного. Никому неведомая и всеми ненавидимая страна вполне способна стать предметом романтического увлечения, особенно если учитывать, что баскетболист Карл везде хотел быть первым. Эллендея вспоминает: «Конечно, над ним туча — Россия наш враг, — но Карл не такой, он устал от этого, мы все устали от этого».

Пора наивной влюбленности западных интеллектуалов в Советский Союз была уже на исходе. Берлинский кризис и оккупация Венгрии давали вполне ясное представление о природе и характере советского режима. Одновременно свобода слова на Западе весьма эффективно уравновешивала слишком умильные оценки собственного мира, который как раз в это время был расколот борьбой за расовое равноправие. В недалеком будущем случится еще и война во Вьетнаме, которая надолго поссорит практически всех думающих людей США с правительством.

Накопившаяся усталость от холодной войны, спорадически переходившей в горячую (к счастью для всех, периферийную), способствовала кристаллизации в интеллектуальной среде вполне себе беспартийного мнения: «все они хороши» — и «наши», и «ваши». Есть мы и они, есть люди, а есть правительства. Пройдет всего несколько лет, и в 1971-м, в год основания «Ардиса», Джон Леннон, голос эпохи и поколения, выразит эту мысль ясно, но без злости, как это и было свойственно мироощущению хиппи:

Imagine there's no countries
It isn't hard to do
Nothing to kill or die for
And no religion too
Imagine all the people
Living life in peace
You may say that I'm a dreamer
But I'm not the only one
I hope someday you'll join us
And the world will be as one.

* * *

Вместе с русским языком Карл в 1956 году получает и совершенно исключительного преподавателя. Вот как он пишет о

нем в предисловии к диссертации о сравнениях у Гоголя, опубликованной в 1967 году: «Прежде всего я хотел бы поблагодарить Игоря Шевченко, который вел первый год русского языка в университете Мичигана, когда я начал там учиться в 1956 году. Оригинальность, юмор и вдохновение редко можно встретить на начальном языковом курсе. Если бы этот одаренный учитель не обладал такими качествами, мой интерес к России мог бы никогда не развиться»[37].

«Шевченко был одним из первых настоящих интеллектуалов, встреченных Карлом»[38], — утверждает Эллендея. — Вот тебе пример того, что происходит с эмигрантами в Америке, — поясняет она в личном интервью. — Игорь Шевченко, очень известный историк Византии, человек большого культурного кругозора, эрудированный, талантливейший ученый, который, конечно же, не должен был преподавать просто русский язык, но он этим занимается. Карл получает от него уже не только язык».

Игорь Иванович Шевченко родился в пригороде Варшавы в 1922 году в семье украинских эмигрантов-националистов и, по свидетельству крупного российского византиниста, академика Российской академии художеств Алексея Лидова[39], хорошо его знавшего, чувствовал себя скорее украинцем, чем русским. Впрочем, так же, как и Гоголь, он всегда находился на перекрестке этих двух славянских культур. Как знать, не Шевченко ли Карл обязан своим интересом к Гоголю? Во всяком случае, Эллендея называет будущее погружение Карла в Гоголя «немыслимым»: «Представь, этот сын Среднего Запада, баскетболист, отличный спортсмен, не неврастеник, он никогда не знал сомнений. И вдруг — влюбиться в Гоголя!»

Лидов запомнил Шевченко как «человека высокого, красивого, властного, победительного, с хорошим чувством юмора, но не по отношению к самому себе. Он был невероятный ходок по женской части, даже в очень преклонном возрасте. Такой альфа-самец с весьма потребительским отношением к женщинам. К американцам относился немного свысока. Впрочем, американская академическая тусовка его тоже недолюбливала, полагала наглым хамоватым нуворишем. Шляхетство сочеталось в нем с удивительным плебейством. А вообще, он обладал исключительным влиянием на людей. Был абсолютным лидером, львом».

Шевченко активно владел пятью языками, в общей сложности знал с десяток языков, причем не только в современной, но и в средневековой форме, славился выверенной переводческой техникой. «Греческие тексты он переводил точнее многих», — свидетельствует Лидов. Впрочем, его увлекало не только

прошлое. В 1946 году Шевченко, еще не достигнув академических высот, вступил в переписку с Оруэллом и получил от него благословение на перевод и украинское издание его повести «Скотный двор» для распространения в лагерях военнопленных. Она вышла под названием «Колгосп тварин» с предисловием Оруэлла, которое является классическим.

Перебравшись в Америку в 1949 году, Шевченко входил в кружок крупного медиевиста Эрнста Канторовича в Беркли, штат Калифорния, преподавал в Мичиганском и Колумбийском университетах, стал профессором в Дамбартон-Оксе, главном американском центре византинистики, и в Гарварде, а также долгое время возглавлял всемирную ассоциацию византинистов (в этом качестве с ним познакомился и я, тогда еще студент-медиевист).

Сам Шевченко однажды сказал, что историки делятся на две категории: «Ярко раскрашенная бабочка, порхающая над цветником» и «пресмыкающаяся гусеница, чей по-червяковски приземленный взгляд охватывает даль одного капустного листа». Автор некролога в New York Times (Шевченко умер в 2010 году) утверждал, как и положено для подобных текстов, что Шевченко был и тем и другим.[40]

В действительности ему, конечно, был ближе «по-червяковски приземленный взгляд». Алексей Лидов утверждает, что Шевченко был исследователем «знаточеского плана», «непробиваемым позитивистом», который совершенно не воспринимал отвлеченных идей, считал их «дешевкой», испытывал подозрение к любым обобщениям и концепциям, они вызывали у него агрессию и раздражение. Трудно сказать, до какой степени Шевченко мог повлиять на формирование исследовательского стиля юного Проффера, но и он станет со временем «непробиваемым позитивистом».

«На следующий год начнутся уроки русской литературы, — вспоминает Эллендея, — и Карл влюбляется в Пушкина, в Гоголя. На третий год он отправляется в Шотландию, в университет Сент-Эндрюса в Эдинбурге. Там-то Карл и стал ученым. Это произошло очень быстро… В Сент-Эндрюсе он получил список книг для самостоятельного изучения. И за один год — 1958-й — что-то случилось с ним, он был как ракета, я до сих пор сама не понимаю, потому что я читала книги всю жизнь, а он ничего не читал, кроме того, что надо, в его доме не было никаких книг, никаких музеев в детстве он не посещал. Все это было скрыто в нем пассивно, спало, ждало момента».

Впрочем, и старая страсть — баскетбол — еще не вполне отпустила. В Сент-Эндрюсе Карл основал американскую

баскетбольную команду. Но это был уже не прежний баскетболист со Среднего Запада. Эллендея добавляет: в Эдинбурге он открыл для себя работы философа-скептика Дэвида Юма, одного из самых ярких деятелей шотландского Просвещения в XVIII веке: «Прочитав его труды, Карл увидел в нем гения и родственную душу»[41]. Гносеологический скептицизм — полезное приобретение для будущего исследователя и редактора.

Карлу в 1958 году исполнилось двадцать лет. В одном из первых писем к Набокову, в 1966 году, он признается: «До 20 лет я не читал ничего более серьезного, чем «Справочник по игре в баскетбол» Шаркета»[42]. «Как ни странно, его друзья говорили: «Ты будешь хорошим адвокатом», и он был бы хорошим адвокатом: систематическое мышление, логика. Карл очень умный человек. Но за один год ему стало не до этого, он влюбился в русскую литературу, и все» — рассказывает Эллендея. Превращение баскетболиста, не читавшего книг, в ученого заняло, конечно, больше одного года. В общей сложности прошло семь лет — с 1956 года, когда Проффер познакомился с Шевченко, до 1963-го, когда он защитил диссертацию о Гоголе.

За это время многое случилось и с Карлом, и с миром, и с литературой. В 1957 году, в возрасте девятнадцати лет, он женился на девушке по имени Джанет: она училась в колледже, который вскоре оставила. В том же году вышел второй английский роман Набокова — «Пнин», а «ураган «Лолиты»», как выражался сам Набоков, вовсю набирал обороты[43]. В 1958 году, в то самое время, когда Проффер отправился в Сент-Эндрюс, роман наконец напечатают в США. В 1957–1958 годах Набоков делает первые наброски «Ады»[44]. В 1958 году выйдет американское издание «Доктора Живаго», которое Набоков встретит ревниво, считая его дрянью и макулатурой[45]. Тем не менее в 1958 году именно Пастернак, а не Набоков будет удостоен Нобелевской премии по литературе. Правда, в 1960 году отвратительный скандал, поднятый на родине, сведет поэта в могилу.

Между тем Набоков, хоть и оставшийся без премии, становится всемирно известным писателем. Стэнли Кубрик приступает к работе над экранизацией «Лолиты» (фильм выйдет в 1962 году), а изрядные заработки позволят Набокову вернуться в Европу и поселиться в 1960 году на берегу Женевского озера, в Montreux Palace, который должен был напоминать ему роскошные отели его детства. Там он создаст «Бледное пламя» и завершит «Аду».

В 1957 году 17-летний Бродский напишет свое удивительное стихотворение «Прощай, позабудь и не обессудь». Он уже два года

как бросил школу и работает то фрезеровщиком, то помощником прозектора в морге, то кочегаром в бане, то матросом на маяке, то рабочим в геологических экспедициях. В 1961 году Бродский познакомится с Анной Ахматовой.

В 1958 году в журнале «Юность» напечатаны первые рассказы Василия Аксенова — «Факелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы». В следующем году он напишет свою первую повесть «Коллеги», которая будет экранизирована в 1962 году и сделает его одним из самых модных писателей в СССР. Владимир Войнович в 1956 году переедет из Керчи в Москву. Созданная им под впечатлением полета Гагарина песня «Четырнадцать минут до старта» станет гимном советских космонавтов и будет процитирована Хрущевым. В 1962 году Войновича примут в Союз писателей. В годы учебы Карла первые шаги в литературе делает и Андрей Битов. В 1957 году он поступает в Ленинградский горный институт, в 1960 году «Молодой Ленинград» публикует три его рассказа, а в 1963 году «Советский писатель» выпустит первый сборник Битова — «Большой шар».

Новое поколение русской литературы входило в жизнь вместе с Проффером, они были людьми одного времени и одного настроения, уставшие от прошлого, пытающиеся обнаружить в противоречивом настоящем ростки более позитивного будущего. На этом пути их иногда ждало разочарование, но они не оставляли своих исследований характеров и судеб. Одновременно взошла международная звезда самого крупного русского писателя старшего поколения — Владимира Набокова, которому еще предстояло сыграть ключевую роль в создании будущей Америкороссии. Были живы и некоторые важные герои серебряного века, прежде всего Анна Ахматова, передавшая условную лиру Бродскому (как когда-то Державин — Пушкину), и Надежда Мандельштам, приступившая как раз в 60-е годы к работе над своими воспоминаниями.

Глава III
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЬЯНИЦА

«В Мичигане тогда не было даже докторской программы (по русской литературе. — *Н. У.*), — вспоминает Эллендея. — Карл первый выпускник докторской программы, он получил докторскую степень за огромную работу по «Мертвым душам», когда ему было всего двадцать пять… Он стал не только ученым, он стал великолепным ученым».

Карл, будучи действительно самым молодым обладателем ученой степени в истории Мичиганского университета, относился ко второму-третьему поколению американских славистов. Кафедры славистики в США стали открываться в 50–60-е годы под влиянием холодной войны. Значительную роль в их становлении играли субсидии Государственного департамента, заинтересованного в изучении русского языка и наращивании экспертизы в области советологии.

По свидетельству Ольги Майоровой, профессора той же кафедры Мичиганского университета[46], что и Карл Проффер, славистику в США создавали два типа ученых: эмигранты из России и стран Восточной Европы, а также люди, сформированные Второй мировой войной, выучившие языки, которые работали в разведке или обеспечивали коммуникацию с Советским Союзом.

Важную роль в становлении американской славистики сыграл выдающийся лингвист XX века Роман Якобсон, с 1949 года профессор в Гарварде. Профессор Ладислав Матейка, которого Карл называет в поминальнике к диссертации о Гоголе, был учеником Романа Якобсона. Таким образом, Карл приходился Якобсону академическим внуком. Матейка родился в Чехословакии в 1919 году, закончил Карлов университет и после войны, поскитавшись по Европе, в конце концов осел в США, где защитил повторно диссертацию в Гарварде под руководством Якобсона. В 1959 году он стал профессором в Мичигане. По свидетельству Ольги Майоровой, Матейка сыграл ключевую роль в превращении Мичиганского университета в один из ведущих центров славистики. Она также полагает, что его издательская деятельность могла каким-то образом повлиять на решение Карла создать «Ардис». В 1962 году Матейка основал Michigan Slavic Publication, который печатал научные труды по славянским языкам, литературе и культуре и вскоре стал главным центром по распространению в Америке работ русской формальной школы

(Шкловский, Тынянов, Якобсон, Эйхенбаум), пражских структуралистов и советских семиотиков (Лотман, Успенский). Причем Матейка издавал работы как на русском, так и на английском.

Один из отцов российской компаративистики, тоже наследник Якобсона, академик Вячеслав Иванов рассказывал мне: «У Карла была тонкая интуиция. Российские формалисты очень мало написали. Но когда в разговоре я кого-то или что-то упоминал, он всегда знал». Забегая вперед, нельзя не отметить, что идеи формалистов сильно повлияли на литературоведческие монографии Карла о Гоголе и Набокове и, по мысли Вячеслава Иванова, подготовили его подход к оценке и описанию русской литературы. Позднее «Ардис» с удовольствием будет печатать российских формалистов 1920-х годов. Профферы неизбежно шли здесь вслед за Матейкой: В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, В. Виноградов, В. Жирмунский… Немалый интерес проявлял Карл и к тартуской семиотической школе, работам Лотмана, тоже наследника Якобсона, — наверное, самому яркому явлению в советской гуманитарной науке 1970–1980-х годов[47]. Профферу, по свидетельству Вячеслава Иванова, формализм был близок, потому что он стал «первой попыткой подойти к изучению литературы вне религии, философии, идеологии. Как говорил Шкловский, безразлично, какой флаг над крепостью. Политика мешает пониманию литературы. Ее надо изучать как искусство».

Из других учителей Карла, упомянутых в благодарственном предисловии к «Сравнениям у Гоголя», сегодня жива только Асся Гумески, которая возглавляла его докторский комитет, то есть была — по нашей академической иерархии — научным руководителем диссертации Проффера. Асся Гумески, украинка по происхождению, во время немецкой оккупации оказалась в трудовом лагере в Австрии, откуда после войны перебралась в США и получила докторскую степень в 1955 году за работу, посвященную неологизмам у Маяковского. С 1953 года она устроилась в Мичиганский университет.

Правда, в историю славистики Гумески вошла не столько как исследователь, сколько как автор двух классических учебников по русской и украинской грамматике. Ольга Майорова говорит о ней как об «очень душевном человеке». «Ее едва ли можно назвать крупным ученым, но она основательно вкладывалась в студентов, была прекрасным преподавателем». Асся, которая является эмеритированным профессором в Мичигане, мало что помнит о годах учебы Карла. Она рассказывает лишь о том, как редактировала перевод поэмы Бродского «Горбунов и Горчаков», который Карл подготовил для первого тома RLT. Туда она внесла

единственную правку, указав Карлу, что лисички — это не маленькие лисы, а грибы.

На вопрос, могла ли украинка Гумески предложить Профферу заняться Гоголем, Ольга Майорова отвечает, что в американской академической традиции выбор темы обычно остается за студентом. «Это первый важный шаг, и его должен сделать сам молодой человек». При этом, в отличие от Эллендеи, Майоровой не кажется выбор Гоголя сколько-нибудь странным, даже для баскетболиста, не склонного к сомнениям. «И сейчас после того, как я даю читать «Нос», больше половины студентов пишут по Гоголю».

* * *

В «Сравнениях у Гоголя» Проффер приводит рассуждение Ф. Л. Лукаса о четырех типах читателей: «(1) Гурманы, которые концентрируются на совершенной фразе, вставленной то там, то здесь, (2) Пьяницы, которые ищут эмоциональной глубины и опьянения в вымышленном мире, (3) Органайзеры, неустанно говорящие о «форме» и «интеграции», (4) Моралисты, которые судят об искусстве неизменно с точки зрения его отношения к реальной жизни. «В частном плане, — подчеркивает Проффер, — автор этой книги относится ко второй группе», то есть к «пьяницам». «Но литературные алкоголики, как пьяницы вообще, через некоторое время рискуют превратиться в лирически бессвязных зануд. А поскольку есть нечто неприличное в том, чтобы выставлять собственный порок на всеобщее обозрение, профессионально я отношу себя больше к третьей группе». Таким образом, Карл официально причисляет себя к наследникам формалистов[48].

Будучи формалистом, а в душе «литературным пьяницей», он, вероятно, никак не мог пройти мимо самого загадочного русского писателя и его вымышленных миров. Гоголь интригует еще и потому, что совершенно непонятно, какой он на самом деле. «На него претендовали и романтики, и реалисты, и символисты (или те, кто воображали себя таковыми), и подвижники от искусства ради искусства, и фрейдисты, охотящиеся за символами, и несколько поколений отъявленных социалистов, — пишет Карл. — Каждая группа верила, что в Гоголе они обрели доказательство истинности собственных взглядов на природу литературы»[49].

Эта многозначительность Гоголя открывает перед непредвзятым исследователем изрядный простор для

интерпретаций, но ни одна из «догматических систем не была в состоянии до конца «объяснить» Гоголя… Гоголь и «Мертвые души» не закатываются в стандартизированную критическую лузу так же аккуратно и послушно, как бильярдный шар»[50].

Эти рассуждения принадлежат уже вполне уверенному в себе ученому и содержатся в книге, хоть и изданной на основе диссертации, но спустя четыре года после защиты. Для двадцатилетних — серьезный срок. Тем не менее мысли, высказанные Карлом в 1967 году, вполне позволяют представить, что могло привлечь его, еще юного исследователя, в Гоголе. Это исключительная литература в сочетании с неисчерпаемостью темы, что позволяло бесконечно жонглировать оттенками смыслов и интерпретаций — вполне пьянящее занятие, которое однажды логически приведет его и к Набокову.

Вероятно, уже в годы учебы он прочел эссе Набокова о Гоголе, изданное в 1944 году. И выбранная им оттуда цитата рифмуется с собственными словами Карла об опьянении вымышленным миром: «Высочайшее искусство Гоголя «обращено к тем тайным глубинам человеческой души, где тени других миров проходят как тени безымянных и беззвучных кораблей»»[51].

В 1962 году Карл впервые едет в СССР, чтобы в Ленинской библиотеке продолжить работу над своей диссертацией. В стране оттепель. «Новый мир» публикует рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича», молодые поэты — Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава — публично читают свои стихи в Политехническом музее и на площади Маяковского.

В 1962 году Бродский встретит Марину Басманову, которой посвятит лучшие свои стихи, а «Ардис» много лет спустя их опубликует. В том же году Бродский приезжает во Псков, где его принимает Надежда Яковлевна Мандельштам (позднее именно она сведет Профферов с Бродским). В том же году Саша Соколов поступит в Военный институт иностранных языков, который, не доучившись, бросит в 1965 году, и, кося от армии, проведет три месяца в психиатрической клинике имени Кащенко, где обретет и опыт и образность, необходимые для написания такого романа, как «Школа для дураков». Проффер еще не подозревает, как тесно будет переплетена его жизнь с теми, кто в 1962 году, быть может, ходил с ним по одним улицам или по крайней мере дышал одним воздухом.

Сама поездка 24-летнего аспиранта Мичиганского университета в СССР стала возможна благодаря разрядке международной напряженности, весьма непродолжительной. В

том же 1962 году Кеннеди введет торговое эмбарго против Кубы, а уже в следующем году разразится Карибский кризис, едва не закончившийся третьей мировой войной. «Нас было 40 американцев, которые учились в России, в два раза больше, чем за два предыдущих года», — напишет Карл по итогам своей поездки в сентябре 1962 года в местной газете, вырезки из которой хранятся в архиве «Ардиса»[52].

Проффера пьянит ощущение первопроходца, оказавшегося там, где до него не ступала нога «белого человека»: «Итак, американец, который говорит на их языке и живет в университете (Карла разместили в общежитии МГУ. — *Н. У.*), в глазах большинства русских выглядит в диковинку. Нас, американцев, почти всегда вычисляли как иностранцев, но только немногие русские имели достаточно опыта, чтобы предположить, откуда мы родом. Десятки раз меня спрашивали о моей национальности, и когда я называл ее, нормальной реакцией было недоверие с характерной улыбкой на лице, дескать — да ладно, ты нас разыгрываешь. Если мне удавалось убедить их, что я не придуриваюсь, следующая реакция была более разнообразной, но только однажды за пять месяцев она была враждебной. Обычно русские очень любознательны и гостеприимны. В отношении нерусских народов Советского Союза (вроде армян или грузин) это еще более справедливо. Среди русских практически нет ожесточения против американцев, но их отношение к политике нашего правительства менее дружелюбно».

Далее Карл подробно описывает темы разговоров с аборигенами: как им, американцам, «разрешили» учиться в СССР и ходить повсюду «без гида», кто их родители, чем они занимаются, где они будут работать после окончания учебы. «И только затем нас расспрашивали о более серьезных вещах, как правило, по поводу слухов о материальном благополучии в США. Очень редко нам задавали провокационные вопросы при всех. Если же кто-то спрашивал: «Зачем ваша страна окружает нас военными базами?» — обычно другой русский говорил ему, чтобы тот заткнулся, и что дружеские посиделки — не место для политических дискуссий». Что это было? Страх или тоже усталость от риторики холодной войны, которую испытывал и сам Карл?

Проффер пытается разобраться в культурной антропологии, ментальном устройстве обитателей неизвестной страны: «В целом для нас, американцев, оказалось гораздо более трудным убедить русских в нашей точке зрения, чем мы предполагали. Прежде всего русский привык иметь простой односложный ответ на все вопросы, одно решение всех проблем. Это внушается ему с

рождения через любые каналы официальной информации. Таким образом, когда он спрашивает, почему в США распространена безработица и как мы собираемся от нее избавиться, он ожидает полного ответа, который опровергнет ответ, приготовленный для него коммунистической доктриной. Но простого решения проблемы безработицы не существует, и я честно не могу сказать, что через 20 лет все будет решено. А вот это — своего рода побег из действительности, к которому русские постоянно прибегают. Когда они не могут ответить на вопрос о каком-нибудь недостатке в их стране, они просто говорят: «Ну, через двадцать лет все будет по-другому». Такой ход откладывает спор на потом, переносит его в область догадок. И больше нет возможности спорить логически».

Позднее Карлу не раз придется оказываться в похожей ситуации, когда русские интеллектуалы будут ожидать от него «полного ответа, который опровергнет ответ, приготовленный… коммунистической доктриной». Ни тогда, ни позднее у Карла не будет «односложных ответов» и «простых решений». Его мир не был черно-белым — или, точнее, красно-белым. Свобода от клише и стереотипов облегчила ему вхождение в новую культуру и, вероятно, в конечном итоге помогла найти ту специфически аполитичную нишу, в которой «Ардис» начал успешно работать, поначалу не встречая противодействия советских властей.

* * *

Защитив диссертацию в 1963 году, в возрасте 25 лет, «Карл был очень молодым профессором, — вспоминает Эллендея, — и даже отращивал себе усы, чтобы его принимали всерьез»: таким, усатым, Проффер и войдет в иконографию русского литературного процесса 70–80-х годов. «Поначалу он преподавал в колледже Рида, это хороший, престижный колледж в Портланде, штат Орегон», — продолжает Эллендея. Один за другим у Карла и Джанет появляются трое мальчиков: Эндрю (1963), Кристофер (1965) и Йэн (1966) — им Карл посвятит свою книгу о сравнениях у Гоголя.

Уже в 70-х мальчикам предстоит сопровождать Проффера и его вторую жену, Эллендею, в поездках в Россию. Эти трое светловолосых ангелов, одинаково стриженных под сказочного Иванушку, еще попадут на классическую фотографию с Иосифом Бродским, сделанную в доме Мурузи в декабре 1970 года во время их второго совместного с Эллендеей визита в Россию.

Колледж Рида — сравнительно компактное учебное

заведение, вмещающее пару сотен студентов на одном потоке. «Однажды Карл просто сказал себе: «Я хочу преподавать в другом месте, в большом университете», — поясняет Эллендея. — Имей в виду, что в те годы нигде в стране не было работы для славистов. Карл отправил письма в разные крупные университеты с довольно наглым заявлением: «Я вам нужен, другого такого, как я, нет». Откликнулись три, в конечном итоге он нашел место в университете Индианы, где училась в аспирантуре и я».

Итак, переход в Индианский университет, расположенный в Блумингтоне, оказался для Проффера судьбоносным. В 1966 году он встретил Эллендею. Тогда же случилось и другое важное знакомство, определившее многое в его жизни. Закончив рукопись «Ключей к «Лолите»», он 10 августа 1966 года написал свое первое письмо Набокову, буквально «на деревню дедушке»: «В телеинтервью Вы сказали, что письма с адресом: Набокову, Монтрё, доходят. Надеюсь, что так»[53]. Ему ответила Вера Набокова: «Поистине выдающимся достижением международной почты был случай, когда моему мужу в Монтрё доставили письмо, адресованное «мистеру Набокову, Новый Орлеан», — это один из немногих крупных городов Америки, где мы никогда не бывали»[54].

В Портланде и Блумингтоне завершается формирование Карла-ученого. Результатом этих крайне плодотворных четырех-пяти лет станут три его книги, которые выйдут практически одновременно: в 1967–1968 годах Карл публикует «Сравнения у Гоголя» и «Письма Гоголя», — подборку переводов, которую он подготовил совместно с профессором из Рида, Верой Кривошеиной[55], а также «Ключи к «Лолите»», первое серьезное исследование главного романа Набокова.

Рецензент авторитетного британского издания Times Literary Supplement описывал эти работы как *profferized*, обыгрывая созвучие фамилии автора и глагола *to ferment*, который можно перевести как «волновать», «будоражить». Сам Проффер называет свои «Ключи к «Лолите»» «проферментом для последующего изучения набоковских сокровищ» — то есть это что-то вроде «закваски», вызывающей волнение, брожение[56]. Рецензент явно включился в эту профферовскую игру с собственной фамилией, хотя, кажется, потерял по дороге согласные: «Профферированные, то есть волнующие, энергичные. Их отличает неповторимая авторская живость и энтузиазм, которые пульсируют в обрамлении грандиозного научного аппарата. Опубликовать эти три работы в продолжение одного года — невероятное достижение для прежде неизвестного ученого»[57].

Описание тайных механизмов писательского стиля, любовь к

деталям, выявление аллюзий и скрытых цитат, проникновение в авторскую кухню, примат документа над интерпретацией, точность перевода были для Проффера много важнее любой генерализации, которая неизбежно отрывала от твердой почвы источников и переносила в зыбкий мир субъективных фантазий. К ним у Карла так и не развилось вкуса. Сочинению сумм он предпочитал экзегетику, что, наверное, хорошо для будущего издателя и редактора.

В предисловии к «Сравнениям у Гоголя» Проффер без смущения объясняет свой подход к литературоведению: «Практически во всех академических книгах о книгах пространные теории и генерализации являются менее интересными, чем анализ отдельных пассажей, выявление до этого не учтенных связей между одной деталью и другой»[58].

Если «пространным теориям» реалистов и символистов Карл еще готов отдать должное, то над ультрамодными фрейдистами и структуралистами он откровенно потешается. Так, Проффер называет выводы фрейдистов «эмбриоповыми результатами эмбриоповой науки»[59], а самих исследователей — «весьма злокозненным братством».

«Всякий должен признать, — пишет Карл, — что они по праву заслужили такое наименование, поскольку только немногие из них получили адекватную профессиональную подготовку и в психологии, и в литературе — на практике речь идет о людях, которые однажды прочли «Толкование сновидений», считают себя на этом основании лицензированными охотниками за символами и теперь лихорадочно каталогизируют все упоминания носов у Гоголя»[60].

«Лара Гишар говорит Юрию Живаго, что превращать философию в профессию для нее столь же странно, как питаться исключительно маринадом (в романе — хреном. — *Н. У.*), — переходит Карл к критике структуралистов. — Фразы типа «структурный анализ», «организация вербального материала» и «органическое целое» звучат соблазнительно научно, но мы не должны забывать, что это всего лишь метафоры, которыми легко злоупотребить. Только талантливый шарлатан или эмоциональный кретин может искренне верить, что этими фразами литература исчерпывается. Есть люди, которые произносят слово «структура» с придыханием и благоговейно. Их восторг, несомненно, родственен тому упоению, в каком пребывал безымянный поручик из Рязани по поводу своих новых сапог (Проффер отсылает к известному пассажу из «Мертвых душ». — *Н. У.*)».

Вслед за Ларой Гишар Карл, очевидно, полагал, что

«философия должна быть скупою приправой к искусству и жизни», а потому в его книге самыми отвлеченными окажутся рассуждения лишь по поводу термина «сравнения» и некоторых риторических фигур. В ней нет даже привычного для научной работы заключения. «Выявление до этого не учтенных связей между одной деталью и другой» — основное содержание его диссертации.

Проффер анализирует 334 сравнения из «Мертвых душ», причем в широком контексте творчества как самого Гоголя, так и его современников. И обнаруживает довольно солидную начитанность не только в литературе первого ряда, вроде Пушкина, Гоголя или Лермонтова. Он свободно ориентируется в творчестве Марлинского, Одоевского, Нарежного, Погорельского, Загоскина и Булгарина, причем его эрудиция явно значительнее, чем он в состоянии продемонстрировать в рамках сравнительно небольшой книги.

«Обращаясь к «Мертвым душам», — пишет Проффер, — я хотел главным образом разобраться, что олицетворяют персонажи, появляющиеся в них, каковы характерные особенности приемов и стиля, которые использует Гоголь для создания своих героев, и каково происхождение некоторых из этих приемов»,[61] в частности пространного сравнения — его Гоголь заимствует в эпической поэзии Гомера.

«А вот это вы должны оценить, — сообщает Проффер Набокову в 1966 году. — Три года назад я написал диссертацию о сравнениях в «Мертвых душах». Там на семидесяти страницах речь идет о гомеровском «блуждающем» сравнении. Тогда я еще не читал «Пнина». Жизнь вновь подражает искусству».

Парадоксально, но в романе Набокова рассказчик и Пнин однажды едут на автобусе по Вест-Сайду, и Тимофей Палыч, действительно, обстоятельно рассуждает «о разветвленных сравнениях у Гомера и Гоголя». «Если Тимофей Павлыч [зачеркнуто: профессор Пнин] еще разговаривает с Вами, — продолжает Карл, — передайте ему привет и скажите, что я пошлю ему экземпляр книги о Гоголе, когда она выйдет в будущем году»[62].

Так, мистическим образом диссертационная тематика Карла вписана в набоковский нарратив 1957 года — в том году студент Проффер еще только начинал читать Пушкина и Гоголя. Учитывая многообразную роль Набокова в жизни Карла, это совпадение кажется судьбой.

Глава IV
СОБРАТ-ГЛОССАТОР

Когда именно Карл увлекся Набоковым, неизвестно. Сам он сообщает писателю, что «большая часть моих первоначальных комментариев к «Лолите» сделана на основе двухтомника в мягкой обложке, приобретенного у сомнительного типа в Брюсселе на Всемирной ярмарке 1958 года»[63]. Карл, несомненно, имеет в виду самое первое издание романа, которое вышло в Olympia Press. В 1958 году Проффер как раз отправился в Европу на стажировку в Сент-Эндрюс. Согласно замечанию, цитированному выше, «Пнина» он прочел уже после защиты своей диссертации в 1963 году.

Значит ли это, что «Лолита» его сначала не зацепила? Ведь характер дарования Набокова таков, что, прочтя хотя бы одну его книгу, хочется немедленно взяться за все остальные. Не исключено, что в годы учебы Проффер был слишком погружен в русский XIX век и сначала узнал Набокова-литературоведа, автора эссе о Гоголе и комментария к «Евгению Онегину», а уже потом добрался до Набокова-писателя.

При таком векторе движения было, очевидно, труднее ошибиться с оценкой «Лолиты». Ее скандальная слава рано или поздно должна была докатиться до молодого мужчины эпохи сексуальной революции, да еще и слависта, но она же легко могла ввести в заблуждение. Тем не менее именно Проффер стал первым ученым, который подошел к «Лолите» как к высокой литературе, и некоторые его наблюдения были многократно подтверждены и повторены в обширном набоковедении, которое только-только начало складываться на рубеже 60–70-х годов[64]. Правда, оценивая резонанс от своих исследований сам Карл был сдержан. В июле 1968 года он сообщает Набокову: ««Ключи к «Лолите»» вызвали, между прочим, шквал равнодушия»[65].

Впрочем, главного читателя он все-таки обрел. В первом же письме Набокову Проффер кратко описывает содержание своей рукописи: «Три главы имеют рабочие названия: «Литературная аллюзия», «По следам Куильти»… и «Стиль». Среди прочих тем в первой главе рассмотрены Гумберт Чембер Эрхампер, Плюрабелита, Хризофемида, Мирандолина, опьяневшая Кандида и голубая Химена, кони Овидия, Ахарняне, Алеко, передающий Лессарранбергоа свой кинжал (Вы всадили его прямо в подложечную ямку читателю), и письмо, отправленное Бейли 22 ноября 1817 г. Вторая глава, посвященная А.К. Дойлу,

содержит рассуждения о персах, розах и «непристойно торчащем красном переде спортивной машины» — это было писано в темные лета, ярко расцвеченные великолепной молнией. Она заканчивается вспышкой «уотерпруф» на Очковом озере и кратким эссе о буквах «q» и «w», о «наморщивании» лба и рассуждениями об артикуляции»[66] — этот птичий язык, который я, пожалуй, оставлю без перевода, невероятно понравится обоим корреспондентам. Так они и будут общаться на протяжении работы Карла над текстом.

Набоков получил рукопись «Ключей к «Лолите»» где-то в конце августа 1966 года и примерно через месяц, 26 сентября, направил Профферу свои первые комментарии[67]. «Ваши исправления, — отвечает Проффер, — могли бы быть включены в Приложение 3, но полагаю, вы не захотите их публиковать, поэтому оставлю свои ошибки как есть. Передо мной дилемма: мне не хочется сознательно оставлять ошибки (о прочих я беспокоиться не буду), но в то же время представляется нечестным играть с подсказки создателя игры — как если бы Гумберт, вмешавшись, сделал несколько вторых подач за Ло. Может, вы посоветуете мне, что делать»[68].

«Создатель игры» через Веру Набокову милостиво разрешил использовать исправления, но попросил не называть его по имени, «так как иначе может создаться впечатление, что все остальное неоспоримо»[69]. В результате в «Ключах к «Лолите»» писатель присутствует под псевдонимом Mark V. Boldino, которого Проффер благодарит за «авторитетные замечания». Это не вполне корректная анаграмма имени Набокова: «В имени «Mark V. Boldino»… буква «V» значит «Viva». Существует предание, должен заметить, совершенно безосновательное, что его прадедушка по материнской линии происходит от некоего абиссинца, проданного королю испанскому за бутылку болгарского рома»[70]. Это сравнение, конечно, с Пушкиным.

Диалог писателя и литературоведа, растянувшийся на остаток жизни Набокова, до 1977 года, — перестрелка двух блестящих интеллектуалов пулями, отлитыми из эрудиции, иронии и церемонной учтивости. Это, несомненно, разговор на равных, поскольку Проффер при всем своем восхищении и упоении Набоковым сумел-таки сохранить с ним безопасную дистанцию и не превратился в карикатурного воздыхателя при особе живого классика.

Чего стоит хотя бы его почти дерзкое заявление, в котором он ставит Гоголя — другую свою страсть — выше Набокова: «Произведения Набокова сделаны из тщательно подогнанных деталей, и автор прекрасно знает место каждой части в

головоломке. Выражение «dans l'art n'existe pas hazard» (фр. «в искусстве нет ничего случайного») в общем не совсем верно. Однако к искусству Набокова его можно применить в более строгом смысле, чем к произведениям большинства писателей. Это одна из сильных сторон Набокова — и в то же время, на мой взгляд, его главная слабость, не позволяющая ему подняться на вершину писательского Олимпа, которой достигли некоторые его предшественники (такие как Гоголь) в русской литературе XIX века, и состоящая в том, что он является исключительно хитроумным мастером. Есть одно крылатое выражение, приписываемое знаменитому русскому полководцу Суворову: …«Тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитр». Его вполне можно метафорически и с полным основанием применить к Набокову-художнику. Тайная основа и техническая сторона мастерства Гоголя скрыты так глубоко, что практически невозможно формально проанализировать его творчество. В отношении же Набокова порой кажется, что у него слишком многое идет от головы и поэтому его можно анализировать»[71].

Набоков был, вероятно, задет этими словами и ответил: «Значительная часть того, что «думает» мистер Набоков, была придумана его критиками и комментаторами, включая мистера Проффера, за думы которых мистер Набоков ответственности не несет. Многие милые комбинации и подсказки, хоть и вполне приемлемые, никогда не приходили мне в голову, или же они являлись следствием авторской интуиции и вдохновения, а не ремесла и расчета. Иначе не стоило бы огород городить — ни Вам, ни мне»[72].

Профессор университета Висконсин Александр Долинин, специально исследовавший взаимоотношения Набокова и Проффера, отмечает: «Когда он (Набоков. — *Н. У.*) признает, что многие «комбинации и ключи», замеченные Проффером и другими исследователями, не были им предусмотрены и тем не менее являются приемлемыми, то вольно или невольно постулирует примат интенций текста над интенциями автора — крайне редкий для Набокова случай авторского самоумаления. Возражение на замечание Проффера становится комплиментом критику, наблюдения которого смогли удивить и в то же время убедить создателя текста»[73].

Наверное, поэтому ответ Проффера выглядит почти торжествующе. Он не отказывается от своего заключения, которое считает рациональным, но признает его дерзость: «Что касается расчета в противоположность интуиции, я рад, что меня исправили. Приношу извинения за мысли, придуманные мистером Профферром и приписанные мистеру Набокову.

Подозреваю, что подобные искажения происходят скорее от недостатка смиренности, нежели ума»[74].

Профессор Долинин, комментируя далее слова Проффера, говорит о его «чувстве собственного достоинства в науке и жизни». Отнюдь не со всеми замечаниями «создателя игры» Карл безропотно согласен. И речь идет даже о частностях: «Скажем, упомянув в рукописи «Ключей…» замечание, которое Шарлотта на дурном французском языке делает дочери: «Ne montrez pas vos zhambes», он высказывает предположение, что здесь подразумевается знаменитый моностих Валерия Брюсова «О закрой свои бледные ноги». «Аллюзия на Валерия Брюсова — это чушь», — резко возражает Набоков. Но Проффер не сдается и в печатной редакции книги оставляет свое предположение без изменений, лишь добавив оговорку, обращенную прямо к оппоненту: «Быть может, это чушь, но…»»[75]

Как и в случае с «Мертвыми душами», Карл не пытается втиснуть «Лолиту» в какую-то «пространную теорию или генерализацию». Он называет свою книгу «опытом экзегезы и пристального чтения», тем самым «проферментом для последующего изучения набоковских сокровищ, скрытых за потайными дверцами, в сундуках с двойным дном». Это «не «интерпретация» Лолиты.

«Исключая некоторые непроизвольные отклонения, я не занимался анализом характеров героя и героини, идейного содержания и морали романа, полагая, что всякий, кто его внимательно прочитал, разберется в этих общих вопросах и что любой парафраз кристального текста Набокова в большей степени достоин осуждения, чем изнасилование Мабель Гавель» (одна из одноклассниц Лолиты. — *Н. У.*)[76].

Проффера снова интересует погружение в текст, изучение его анатомии. Он делает рентгеновский снимок или томографию, но не для того, чтобы поставить диагноз. Проффер — «литературный пьяница», он поглощен вдумчивым чтением, единственный смысл которого — «восторг узнавания и уколы эстетического наслаждения»[77].

Карл называет Набокова «автором-садистом», поскольку всякий, кто берется за его чтение, «должен иметь под рукой энциклопедии, словари и записные книжки, если желает понять хотя бы половину из того, о чем идет речь… Это немного досадно, поскольку произведения искусства могут потребовать умственных усилий, несоразмерных пользе, от них получаемой, — хотя литературные головоломки порою увлекательны. Читатель обязан быть исследователем»[78].

И вновь: «Мало кто из писателей требует от своей аудитории

больше, чем Набоков… Исходные данные предполагают, что идеальный читатель «Лолиты» должен быть опытным литературоведом, свободно владеющим несколькими европейскими языками, Шерлоком Холмсом, первоклассным поэтом и, кроме того, обладать цепкой памятью»[79]. В моменты исследовательского отчаяния Проффер вдруг может позавидовать простецам: «Невежество становится их преимуществом» — слишком напряженным и исполненным ловушками кажется процесс погружения в текст[80].

Надо учитывать, что в распоряжении Карла не было ни компьютера, ни поисковиков, ни Википедии, ни электронных библиотек. Выявляя бесчисленные аллюзии Набокова, он должен был бы утонуть в каталожных карточках, которые я еще застал в качестве единственного орудия академического исследователя. Проффер обнаруживает у Набокова более сотни важнейших аллюзий на Эдгара По, Проспера Мериме, Вергилия, Аристофана, Джеймса Джойса, Овидия, Роберта Браунинга, Артюра Рембо, Антона Чехова, Мориса Метерлинка, Александра Пушкина — всего его список включает 63 автора[81]. «Надо всегда быть начеку, поскольку поверхностных и доверчивых читателей ждет участь набоковских бабочек»[82].

Эта «оргия аллюзий»[83] требует от исследователя невероятной и весьма разносторонней начитанности, которая обычно приобретается годами. «Ключи» Проффер написал довольно быстро, между 15 июля и 24 ноября 1966 года, по собственной датировке[84], но мы-то помним, что Набоков получил первоначальный вариант рукописи уже в конце августа 1966 года, а готова она была еще раньше, 10 августа, когда Проффер написал свое первое письмо Набокову: «Мне бы хотелось получить более точный адрес, чем просто Монтрё, прежде чем доверить 150 с мучениями напечатанных страниц международной почте»[85]. За месяц еще можно написать текст (хотя это кажется сомнительным), но, очевидно, лишь при условии довольно основательной предварительной подготовки.

Вероятно, Карл работал над темой в промежутке между 1963 и 1966 годами параллельно с чтением курсов в колледже Рида и университете Индианы. Для приобретения столь разносторонней эрудиции три года — совсем небольшой срок. Проффер должен был провести бесчисленные часы в библиотеке при единственной поисковой машине того времени — паре глаз.

Как тут не вспомнить о Пнине: «Пока он находился на благословенной стадии сбора материала, и многие достойные молодые люди почитали для себя за честь и удовольствие наблюдать, как Пнин вытягивает каталожный ящик из обширной

пазухи картотеки, несет его, словно большой орех, в укромный уголок и там тихо вкушает духовную пищу, то шевеля губами в безгласных комментариях — критических, озадаченных, удовлетворенных, — то подымая рудиментарные брови и забывая их опустить, и они остаются на просторном челе еще долгое время после того, как теряются все следы неудовольствия и сомнения».

Разгадка аллюзий и детективных головоломок — не единственная работа Проффера-читателя. Долинин отмечает: «Проффер вскрывает механизм набоковского «блестящего» стиля, основанного на парономазии, квазипоэтической инструментовке и визуальной образности. Яркие примеры каламбуров, ассонансов, аллитераций, метрических вкраплений и т. п., приведенные им в третьей главе книги, давно стали хрестоматийными и положили начало плодотворной традиции изучения языка Набокова»[86].

Характерная деталь, явно осложнившая Профферу чтение: в одном из первых писем Набокову Карл признаётся, что он дальтоник[87]. Это объясняет неожиданный комментарий в книге: «Насыщенность его (Набокова) романов и критических работ цветовыми оттенками всегда меня раздражала». И далее Карл с облегчением констатирует, что в «Лолите» писатель играет с цветом меньше, чем в «Память, говори»[88]

Вообще же, Проффер считает Набокова прежде всего американским писателем: «Ясность (порой обманчивая), простота и благородство его английского не идут ни в какое сравнение с языком его русской прозы. В «Даре» его повествовательные предложения настолько перегружены причастными оборотами, заключенными в скобки пояснениями и утомительным обилием точек с запятой, что читателю приходится с трудом продираться сквозь эти нагромождения»[89].

В примечаниях Проффер продолжает настаивать, хотя вроде бы чувствует некоторую непрочность своей позиции: «Позвольте сразу признаться, что я отнюдь не билингв. Однако никто, чьи вкусы сформированы прозой Пушкина, Лермонтова и Толстого, не может считать стиль Набокова образцовым, даже когда (например, в «Отчаянии») он менее сложен, чем в «Даре». «Орнаментальная проза» была одним из интересных, хотя и неудачных увлечений в русской литературе 1920–30-х годов»[90]

Набоков проигнорировал эту категоричность и даже — что было, вероятно, особенно непросто — весьма унизительную классификацию собственной персоны по разряду «орнаментальной прозы». Очевидно, что писателя больше интересовала высокая оценка его английского, данная native

speaker, чем его же мнение по поводу качества русских текстов. Тем более что Набоков, кажется, впервые обрел читателя, которого был лишен долгие годы, и даже назвал его «собратом-толкователем»[91].

Правда, «a fellow glossarist» точнее перевести как «собрата-глоссатора», коль скоро Проффер по-медиевальному именует свой труд «опытом экзегезы». Эрудитский, глоссаторский подход Карла к профессии рано или поздно должен был привести его к самоустранению из диалога между писателем и читателем. Склонность к литературному пьянству превратила его в издателя, который парафразу — изнасилованию условной Мабель Гавель, всегда будет предпочитать «кристальные тексты». Вероятно, Проффер как пионер набоковедения еще мог бы стать главным биографом писателя. Но поездка в Россию в 1969 году полностью изменила его жизнь. И это Альфред Аппель из Стэнфорда, другой комментатор «Лолиты», с которым Набоков состоял в переписке в те же годы[92], а позднее новозеландец Брайен Бойд станут классиками набоковедения, но не его первопроходец. Правда, и Аппель, и Бойд всегда весьма хвалебно отзывались о Профферe[93].

Карл отныне станет «проферментом» — издателем, превратившим свой литературный алкоголизм в бизнес, переводчиком, составителем антологий и библиографий, редактором журнала, автором предисловий, статей, обзоров, воспоминаний и рецензий, наконец, лоббистом русской литературы и литераторов, лектором и научным руководителем. Вполне закономерная и достойная судьба для поклонника формализма в литературе и позитивизма — в исследовании, который предпочитал участь гусеницы, чей «по-червяковски приземленный взгляд охватывает даль одного капустного листа».

Глава V
ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ ПОДРУЖКА

Среди 63 авторов из списка набоковских аллюзий фигурирует, разумеется, один из излюбленных набоковских прозаиков — Джеймс Джойс, на которого Проффер дает весьма неожиданную ссылку: «Экстатическое описание Гумбертом своей первой ночи с Ло является частичным парафразом сцены в пабе Ника из «Поминок по Финнегану»»[94]. Так — в отличие от пассажа с гомеровскими сравнения из «Пнина» — уже жизнь влияет на литературу: Проффер со свойственной ему дерзостью вводит на этот раз себя в набоковский нарратив про Гумберта.

Под видом цитаты из Джойса, якобы вдохновившей Набокова, он описывает свои первые впечатления от Эллендеи: «Затем прилипчиво-огненная пташка тигристо вкралась с поцелуями в услужливые руки Сопвита — сияющая, размякшая, томно-плавная, с нежнейшим взглядом таинственных, порочных, зазывных золотисто-голубых глаз. Любвеобильная подружка». Далее следует поддельная ссылка с говорящими ингредиентами: «Finnegans Wake, 1st impression (London: The Bodley Head, 1944), P. 576»[95].

В письме Набокову от 15 апреля 1968 года Карл счел нужным объясниться: «Примечание 30 к первой главе может вызвать некоторые трудности при чтении. Мою жену зовут Эллендея (или Линди), она родилась 24 ноября 1944 года (см. Предисловие), а я — Сопвит Кэмел (см. Указатель), я эллендицирован». Это, конечно, же аллюзия на пушкинское «я огончарован». «Первое впечатление появилось в пабе «У Ника», — продолжает он, — «Хэлло, хэлло» — популярная в те времена песня, 576 — номер моего кабинета, a bodley head — нечто вроде каламбура». Не слишком стыдливый enfant terrible имеет в виду «головку тела» или что-то в этом роде. (Словом, это была не вполне обычная переписка между классиком и его «ведом».)

Как именно все произошло, понять по Профферовым недомолвкам сложно. Представим, что это было примерно так. В некоем пабе «У Ника» Карл получил «первое впечатление» от Линди-Лондон под песню Hello, Hello, которая принадлежала популярной тогда рок-группе из Сан-Франциско Sopwith Camel (по имени британского самолета фирмы Sopwith, прозванного «верблюдом»). В январе 1967 года их хит Hello, Hello достиг 26-го места в американских чартах и, по всей видимости, звучал повсеместно. Ну а остальное случилось, как у многих других

преподавателей и аспиранток. Не потому ли здесь указан номер кабинета Карла? Немного сбивает с толку, правда, привязка «экстатического описания» первой ночи Гумберта и Лолиты именно «к сцене в пабе Ника». Но не все ли нам равно?

В том же письме Набокову Проффер отмечает дизайнерские дарования своей жены, которые затем найдут применение в производстве книг «Ардиса»: «Моя жена придумала картинку для обложки, которую редактор использовать отказался: хорошенькая узкобедрая девочка в черном бикини, читающая журнал про кино, а за спиной у нее пара огромных роскошных крыльев, скопированных с фотографиии в книге «Память, говори». «Мы не «Гроув-пресс» — сказал редактор, натягивая запачканные чернилами белые перчатки. Небольшое насекомое-мутант в правом верхнем углу — вот все, что осталось от той картинки»[96].

Надо отметить, что Набоков полностью проигнорировал пассаж про «подружку», ее Сопвита и прочее, ограничившись церемонным и весьма ироничным в этом контексте комплиментом: «Большое спасибо за оба экземпляра Вашей элегантной книги с умело стилизованными бабочками». Далее следовал лист деловитых замечаний и неожиданно сентиментальная подпись: «Пожалуйста, дайте мне знать, если захотите использовать эти исправления… Это согреет сердце старого Болдинского баронета»[97]. Вероятно, лишь необычное для их переписки напоминание о возрасте выдает некоторое, весьма легкое, сочувствие престарелого писателя к сексуально-матримониальным успехам своего юного друга.

Женская версия истории знакомства выглядит иначе. Эллендея — к тому времени аспирантка университета Индианы — вспоминает: «Он никогда не был моим профессором, что плохо, потому что он преподавал Пушкина и Гоголя. В результате теперь у меня большие пробелы по этим писателям. Впервые я запомнила его так: моя подруга Кристина была его студенткой и была в него просто влюблена. Я устала постоянно слышать от нее его имя: «Проффер говорит то, Проффер говорит сё…», меня от этого уже тошнило. И тут она мне сообщает: «Он читает лекцию о «Лолите», не хочешь послушать?» Ну, мы и пошли. Там были какие-то старые эмигрантки, хорошо воспитанные русские старушки, и молодежь, скажем, пятьдесят человек. Карл начинает читать куски из «Лолиты» — самые невозможные места про мастурбацию и так далее. И эти пожилые женщины чуть ли не падают в обморок. Я, кстати, подумала, что он совсем не мой тип, впрочем человек интересный, живой, никто бы не рискнул читать такое, кроме него. Кстати, удивительно, как он сразу понял, что

«Лолита» — не порнография, а великая литература. Он доверял своему вкусу, даже будучи молодым. Я не могу объяснить его, абсолютно не могу… После той лекции о «Лолите» мы все познакомились, он был очень добр с аспирантами и был для них всегда доступен, и он всем помогал, сколько мог. Карл был очень молод, всего на шесть лет старше нас. Мы гуляли и пили все вместе. Мне он как мужчина тогда не очень нравился. К тому же я была замужем, он был женат, растил детей. Но в январе следующего года выдался теплый день, и между нами все началось…

Пауза.

— Как?

— Не расскажу. Это не надо».

Может быть, действительно не надо, коль скоро у нас есть рассказ самого Карла. Или Эллендея имела в виду что-то другое? Так или иначе, их роман развивался стремительно с января 1967 года, как раз когда хит Hello, Hello группы Sopwith Camel был у всех на слуху. За это время распались оба брака, дети Карла остались с Джанет, а уже 15 апреля 1968 года Проффер сообщает Набокову об Эллендее как о своей жене. Достопамятное примечание 30, разумеется, отсутствовало в рукописи «Ключей», которую Карл отправил писателю в августе 1966 года: вероятно, несколькими неделями позже Проффер впервые увидит Эллендею. Поэтому ему и пришлось объясняться теперь, в письме, сопровождавшем экземпляры уже напечатанной книги. Примечание 30 стало продуктом молодого и безрассудного романа, равно как и посвящение всей книги: *for Ellendea*.

Эллендея родилась 24 ноября 1944 года в Филадельфии и окончила Мэрилендский университет в Колледж-Парке в 1966 году. «Мой путь был другим. К тому времени, как мы познакомились, я уже много читала: и дрянь, и хорошие книги. Своего настоящего отца я не знала, он был архитектором, мой отчим — ракетный ученый, мать — психолог, она читала, имела склонность к культуре, но никто в семье не изучал языки. Как и у Карла, родители были в ужасе, что нашим предметом изучения стала Россия. Кому это нужно? Они считали, что мы шпионы. Как еще объяснить столь ненормальный выбор?! Но вернемся в мое детство. Мне 12 лет. Я не знаю, как это случилось, это было в воздухе — слово «Достоевский». Я прочла «Преступление и наказание» и поняла: Достоевский — невероятный русский писатель. Это был шок. И дальше, когда мне исполнилось шестнадцать, я прочла Толстого. Но все те годы я занималась французским языком, русский найти было невозможно. Правда, однажды, когда мне исполнилось шестнадцать, наш

преподаватель математики открыл русский клуб, мы начали изучать алфавит, но так и не закончили, остановились на середине. Но он дал мне почитать Маяковского на английском. Итак, мои первые три точки — это Достоевский, Толстой — я читала его на пляже так: «Хватит войны! где Наташа?» — и перелистываю, перелистываю — и, наконец, Маяковский. Я прочла его «Флейту-позвоночник». И вот я в университете, я занимаюсь языками, изучаю сразу шесть языков, в том числе китайский и русский, пока мой преподаватель не велел бросить китайский. И параллельно идет русская и французская литература, и последний год — двадцатый век французской литературы. Я считала, что это все говно. В это время мы уже читали Бабеля, разных русских писателей, и я приняла решение поступать в аспирантуру все-таки на русское отделение. Видишь, мой путь в русскую литературу более прямой, нормальный. А то, что случилось с Карлом, удивительно».

1 мая 1968 года Набоков сообщает Профферу, что работает сейчас «над огромным новым романом»[98]. Это была «Ада», которая очень скоро совершит свое невероятное путешествие в Москву, в гостиницу «Армения». А 22 июля 1968 года Проффер пишет супругам Набоковым: «Поскольку я не знаю, с каким именно выражением вы говорили как-то раз о постоянном потоке наезжающих к вам блестящих американских интеллектуалов, я чувствую некоторую неловкость, и все же: в будущем году мы с женой планируем провести несколько месяцев в Советском Союзе и будем в Европе несколько раз — ориентировочно в первую неделю февраля, первую неделю июня (в ожидании разрешения советских властей) и в начале сентября. Могли бы мы встретиться с вами?»[99] Ответ подписала Вера Набокова: «Здесь всегда рады блестящим американским интеллектуалам»[100]. Следующее письмо Карла придет в Монтрё уже из гостиницы «Армения».

Но перед этим благодаря Набокову произошло еще одно важное событие в жизни Профферов, от которого тянутся нити ко всем прочим их встречам и знакомствам в Москве и Ленинграде в следующем, 1969 году. «У нас было рекомендательное письмо Надежде Яковлевне (Мандельштам. — *Н. У.*) от Кларэнса (Флитвуда) Брауна, известного американского слависта, который первым стал заниматься творчеством Мандельштама. Это нас Набоков с ним свел», — вспоминает Эллендея. С ним-то они и встретились в Нью-Йорке накануне отлета в Москву.

Глава VI
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

По сравнению с первым визитом Проффера в СССР в 1962 году в стране многое изменилось. Оттепель закончилась. Уже в 1962 году Хрущев разнес выставку художников-авангардистов в Манеже, вскоре он обрушится и на молодых писателей. В 1963 году началось преследование Иосифа Бродского, прозванного газетой «Вечерний Ленинград» «окололитературным трутнем». В начале 1964 года состоялся суд, который приговорил поэта к пяти годам принудительного труда в деревне Норинская Архангельской области. Правда, в сентябре 1965 года его освободили, вероятно, под давлением Жана-Поля Сартра.

В октябре 1964 года Хрущев был смещен с поста первого секретаря ЦК КПСС, и страну возглавил Леонид Брежнев. В СССР наступала эпоха застоя. Правители, уставшие от непредсказуемости, чрезвычайщины и штурмовщины, словно старались унять пульс и справиться с одышкой. Они искали покоя и довольства. Во второй половине 60-х смену вех ознаменовали пышные юбилеи: двадцатилетие победы (1965), пятидесятилетие Октябрьской революции (1967), пятидесятилетие Советской армии (1968) и, наконец, 100-летие со дня рождения Ленина (1970), которое праздновали за год до основания «Ардиса».

Система, опомнившаяся от разоблачений Сталина, пыталась игнорировать неприятное, забыться в самолюбовании и зафиксировать непоколебимость существующего строя, который был объявлен «развитым социализмом». Тревожная, разрываемая фарами воронков сталинская ночь сначала сменилась бодрым, полным надежд хрущевским утром, а затем вступила в свой сонный, знойный брежневский полдень: березы белы, хлеба спелы. Власть больше не манила надеждой на «светлое будущее». Она славила победы прошлого, воспевала благодать настоящего, отметала сомнения, а отщепенцев карала избирательно.

В 1965 году начинается следствие и процесс по делу Синявского и Даниэля, которые публиковали на Западе свою прозу, переданную через дипломатов. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1965 года Михаил Шолохов скажет на XXIII съезде КПСС, что если бы «молодчики с черной совестью» попались бы в 20-е годы, то «ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни»[101]. Синявскому в 1966 году дали семь лет, Даниэлю — пять лет в колонии строгого режима. Но это был

скорее инерционный приговор.

Публикации советских писателей в «Ардисе» уже не приведут к таким последствиям. По крайней мере до конца 70-х годов в стране установится относительно травоядное время. Относительно — потому что диссидентов будут преследовать, сажать и отправлять в психиатрические больницы. Но появится и новый вид наказания, который как тогда, так и сегодня кажется скорее наградой: лишение советского гражданства.

В 1966 году в Уголовный кодекс вводится статья 190-1: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Власть дает понять, что по поводу прошлого и настоящего допустимо лишь «чувство глубокого удовлетворения». С середины 60-х начинается наступление на ведущий журнал оттепели — «Новый мир». Его главный редактор, Александр Твардовский, будет смещен в 1970 году. В 1968 году СССР и ряд других социалистических стран введут войска в Чехословакию. «Пражская весна» закончится.

Эллендея рассказывает: «В январе 1969 года мы поехали по научному обмену в Москву. По дороге мы остановились в Нью-Йорке, и у нас состоялось несколько важных встреч в манхэттенских барах». Как помним, в одном из баров Профферы увиделись с Кларенсом Брауном, который дал им рекомендательное письмо к Надежде Яковлевне Мандельштам, предопределившее их судьбу. В другом баре Карл и Эллендея пересеклись с Глебом Струве, «знаменитым литературоведом из эмигрантов». Он объявил им, что они должны отказаться от поездки, «потому что в прошлом году Советы ввели танки в Чехословакию: на его взгляд, даже посещение Советского Союза было бы аморальным. Но нашего решения ничего не могло изменить. Мы устали от ожесточения «холодной войны», мы хотели увидеть Советский Союз и сделать собственные выводы. Мы не могли гордиться своей страной, где шла такая тяжелая борьба за гражданские права афроамериканцев и считалось возможным бомбить мирных жителей Камбоджи и Вьетнама. Это заставляло усомниться в наших позициях в «холодной войне». Мы хотели больше узнать о Советском Союзе»[102]. В другом мемуаре Эллендея добавляет: «Мы скептически относились к любым общепринятым точкам зрения»[103].

Глеб Струве — эмигрант первой волны, сын видного философа, экономиста и политика начала XX века. Инерция его жизненного опыта не позволяла разглядеть нюансы. А они, несомненно, были. Разбуженную оттепелью страну уже невозможно было заставить съежиться и затихнуть. К тому же пафос революционного преобразования натуры, кажется, совсем

покинул отяжелевших кремлевских вождей.

В 1963 году в редколлегию журнала «Юность» были введены самый модный поэт эпохи Евгений Евтушенко и самый модный прозаик Василий Аксенов. Тираж издания достиг двух миллионов экземпляров. В 1964 году открывается театр на Таганке Юрия Любимова. На экраны выходит «Гамлет» Григория Козинцева с Иннокентием Смоктуновским в главной роли. В 1965 году в СССР — взрыв популярности «Битлз», и слово «ударник» навсегда меняет свое значение. В 1967 году фирма «Мелодия» опубликует десять песен ливерпульской четверки. Годом раньше в «Новом мире» выходит повесть «Созвездие Козлотура» Фазиля Искандера, которая уже через десять лет, в 1975 году, будет опубликована в английской части «Ардиса». В том же 1967 году Константину Симонову удается добиться издания в журнале «Москва» «Мастера и Маргариты» Булгакова, хоть и отцензурированного. 140-тысячный тираж «Москвы» распродан. «Вертикаль» стала вторым фильмом, где Высоцкий поет с экрана. Первый — «Я родом из детства» (1966).

В 1968 году начинает издаваться «Хроника текущих событий» — самый острый политический бюллетень советского самиздата. В ходу и другие самиздатовские издания: поэты серебряного века, Бабель, Пильняк, Булгаков, Платонов, Солженицын. Академик Сахаров пишет в 1968 году брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая публикуется во многих странах и широко расходится в самиздате. Власти пока что ограничиваются тем, что отстраняют Сахарова от работы на секретном объекте в Арзамасе-16.

Наконец, 25 августа 1968 года семь человек вышли на Красную площадь с лозунгами против вторжения в Чехословакию: это была первая в современном СССР демонстрация протеста. Одним из ее участников стал Павел Литвинов, внук сталинского наркома иностранных дел и двоюродный брат Маши Слоним, будущей сотрудницы «Ардиса».

В пострефлексии о появлении «Ардиса», как помним, на первое место выйдет гнев по поводу положения умных людей в России и состояния ее литературы. Но вначале скорее было любопытство к этой большой, неизвестной для американцев стране и желание непредвзято, не втягиваясь в политику ни на чьей стороне, во всем разобраться, тем более что разнонаправленность сигналов, доходящих из-за железного занавеса, интриговала. Собственные проблемы США, о которых вспоминает Эллендея, были важным условием для фокусировки такого ракурса.

Профферы выросли в стране, где в некоторых (южных,

разумеется) штатах афроамериканцы разными способами отстранялись от выборов, не могли учиться в школах и университетах вместе с белыми, должны были занимать специальные места в транспорте, не допускались во многие магазины, рестораны, гостиницы. В 1955 году, за год до того, как Карл приступил к изучению русского языка, 42-летняя чернокожая швея в Алабаме была задержана и оштрафована за отказ уступить место в автобусе белому пассажиру. В ходе последовавшего за тем бойкота общественного транспорта выдвинулся молодой священник-афроамериканец Мартин Лютер Кинг. Накануне отъезда Профферов в СССР в апреле 1968 года Кинг был убит, хотя возглавляемое им движение за равноправие в целом достигло своих основных целей. Все позорные ограничения для афроамериканцев были отменены, но дискуссия о подлинном равноправии продолжается по сей день.

Война во Вьетнаме началась в 1945 году как национально-освободительная и была направлена против французского колониализма. Постепенно она переросла в столкновение двух блоков — американского и советского. Разделение страны на социалистический Север и капиталистический Юг вроде бы на время войну остановило. Но неумелое правительство Юга довольно быстро стало терять популярность, чем воспользовался Север для развертывания партизанского подполья, которое вошло в историю под именем Вьетконг. США, и прежде поддерживавшие Францию, а затем Южный Вьетнам, с 1961 года стали наращивать свое военное присутствие в стране, а с 1965 года перешли к полномасштабному вторжению. Американские интеллектуалы восприняли это предприятие в штыки. Ричард Никсон шел на выборы 1968 года под лозунгом прекращения войны, но в реальности ввязался в конфликт с коммунистическими войсками Северного Вьетнама еще и в Камбодже.

Не стоит удивляться, что все эти сюжеты, которые разочаровали Профферов в их собственной стране и во многом помогли сформировать непредвзятый взгляд на Советский Союз, не были до конца понятны их новым русским друзьям. Эллендея вспоминает разговор с Бродским и его приятелем, известным переводчиком Андреем Сергеевым, состоявшийся в Москве в 1969 году: «Андрей и Иосиф нападают на нас из-за нашего отношения к войне во Вьетнаме. Как и большинство людей нашего возраста, мы против войны. А они считают, что мы дураки, если не стремимся уничтожить коммунизм везде, где можем. Что до протестующих студентов в Америке — поделом, что их бьет полиция, пусть занимаются своими студенческими делами, а не играют в политику. Этот спор естественно переходит к теме

гражданских прав. Андрей и Иосиф в один голос говорят, что протестующие своего счастья не понимают — любой русский был бы рад жить так, как обыкновенный черный американец»[104].

Проффер, описывая тот же вечер, отмечает, что «мы и по сию пору ведем с Иосифом подобные… споры, и, насколько мне известно, никто из нас никогда не принимал их чересчур близко к сердцу, но Андрей был очень расстроен и через несколько лет разорвал с нами отношения, решив, что у нас, особенно у Эллендеи, слишком уж левые взгляды»[105].

Неприятие коммунизма к тому моменту уже стало общим местом в интеллигентной столичной среде. С оттепелью и особенно после вторжения в Чехословакию ушли последние иллюзии по поводу социализма, если у кого-то они еще были. Ни афроамериканцы, ни студенты, ни вьетконговцы не могли найти сочувствия у людей круга Бродского хотя бы потому, что их превозносила советская пропаганда. «Мне жаль это говорить, я люблю людей, но вы должны отправиться туда и сбросить на них водородную бомбу. Это очень печально, но они же не люди», — говорил Бродский двум американским университетским либералам по поводу Вьетнама[106].

Если смотреть из сегодняшнего дня, не очень понятно, как после этого Профферы смогли сохранить с Бродским отношения: «Чудо, что наша дружба не разбилась в самом начале о камни политических разногласий», — удивляется Эллендея[107]. Встретившись с Михаилом Барышниковым (Бродский близко дружил с ним и обычно называл Мышью), я спросил Михаила Николаевича о политических взглядах поэта. Он пояснил, что подобные разногласия были у Бродского и позднее с Сьюзен Зонтаг, да и с самим Барышниковым: «Он не прошел Гарварда, а там очень учат спорить. Тон его задевал… Надо все-таки отдавать противоположной позиции какой-то вес и необязательно расходиться в синяках»[108]. Но Бродский ни тогда, ни много позднее этого не умел. Только сила, неизмеримо большая, чем политические взгляды, могла удержать Иосифа и американских либералов рядом и объединять затем долгие годы: «Все мы были людьми, преданными своим убеждениями, пристрастными, и знали это друг о друге», — вспоминает Эллендея[109].

Чтобы разобраться в том, почему политические разногласия, переходящие в ожесточенные споры, не помешали Профферам завязать множество важных для будущего «Ардиса» отношений, надо понять, чем были американцы для русских конца 60–70-х годов.

«У нас украли мир», — говаривала Анна Ахматова. Усталость от железного занавеса развивала в интеллигентской среде тягу ко

всему иностранному как к альтернативному и новому, способствовала рождению в сознании поколения идиллического образа «свободного мира». Его приятие без рефлексии и сомнения было актом самоопределения, интеллектуального отстраивания от тоски и пошлости тоталитарной реальности. Этот виртуальный образ чем дальше, тем больше обретал черты своего рода антикоммунистического Эдема, который архетипически схож с «небесной родиной» из видений средневековых монахов-мистиков.

Немалую роль в успехе Профферов в обеих советских столицах сыграла, несомненно, их «заграничность», и она перевешивала и Вьетнам, и студентов, и афроамериканцев. Профферы были для многих посланцами Эдема, которые залетели в их грешный мир и тем самым приобщили прозябавших за железным занавесом мечте, чуду. Карл вспоминает: «Эллендея и я намеренно одевались здесь так, как одевались обычно. Сперва по привычке, а потом еще и поняли, что большинству русских это нравится больше, чем старания иностранных студентов одеваться как местные, не выделяться в толпе. Имея дело с настоящим живым американцем, русские предпочитали, чтобы он хотя бы выглядел как американец».

Этот пассаж появляется в мемуаре, посвященном Надежде Яковлевне Мандельштам, которая, по словам Проффера, не очень интересовалась одеждой. Она любила говорить про себя, что «уже не женщина, а просто человек». Тем не менее «всегда изучала наряды Эллендеи с чувственным удовольствием, особенно сапоги и пояса. Она с удовольствием щупала ткань, а однажды, потрогав на ней тяжелый пояс из латунных дисков, соединенных цепочками, сказала: «Какая прекрасная штука»»[110].

В другом месте Карл пытается разобраться, что именно привлекало в них Бродского: «В ту пору мы решили, что в моем случае важную роль сыграли сдержанность и ироничность, характерные для моего происхождения, вкупе с серьезным интересом к Пушкину, Гоголю и Набокову, а также высокий рост и откровенно заграничный облик… Что касается Эллендеи, то он скорее оценил ее внешность, чем интеллект: Иосифа нередко увлекали самые поверхностные вещи»[111]. Эллендея дополняет воспоминания мужа: «Карл очень высокий и, по словам наших русских друзей, похож на Роберта Луиса Стивенсона… Внешне он сдержан, скептичен»[112].

В разговорах со своими близкими друзьями Копелевыми Проффер однажды идентифицирует себя с WASP (белые англосаксонские протестанты): дескать, ему свойственно сдерживать свои эмоции, что характерно для этого класса

американского общества. Из его письма понятно, что открытых и эмоциональных русских, вроде Копелевых, эта черта привлекала в Проффере «по контрасту». «Что касается меня, — продолжает Карл, — сдержанность — это отчасти вопрос саморепрезентации. Если я буду говорить о своих чувствах слишком много, я начну плакать»[113].

То, каким колоритным явлением в советских столицах были Профферы, легко представить по сцене, описанной Карлом в своих воспоминаниях о Бродском. В 1972 году они гуляют от дома Мурузи до Петропавловской крепости: Карл, Эллендея, дети — Эндрю, Кристофер, Йэн — и Бродский. Они не просто идут и беседуют, а перебрасываются фрисби: «Конечно, Ленинград не в первый раз видел фрисби, но все равно, наверное, было странно наблюдать, как столько людей перебрасываются этой штуковиной в разных местах города и внутри крепости»[114].

В тяге русских интеллектуалов к паре американских славистов материальное и духовное было неразрывно переплетено. Надежда Яковлевна была польщена вниманием к наследию, которое хранила, и стремилась передать Профферам как можно больше знаний и связей, чтобы лучшее в русской литературе обрело законное бессмертие. Но ее радовали и волшебные мелочи из другой жизни, которой она была лишена. Один раз Эллендея привезла Надежде Яковлевне итальянское пончо и полотенца («всякий, кто пользовался советским полотенцем, поймет, какая роскошь здесь пушистые американские полотенца»), в другой раз — постельное белье, духи, мыло, масла для ванны, наконец, чай «Твайнингс», который она обожала. «В Советском Союзе, в ее мире это были маленькие сенсации», — замечает Проффер[115].

Карл и Эллендея, их сотрудники и друзья с пакетами из «Березки» или валютного гастронома на Дорогомиловской, где могли отовариваться только иностранцы и блатные русские с «сертификатами» (на них обменивалась валюта, заработанная в «загранке»), казались сущими волшебниками. Благородная водка какой-то особой очистки, невиданные в СССР джин, виски, «несетевая», как тогда говорили, колбаса, сыр, консервы, заграничные сигареты (в мое время особой популярностью пользовался ментоловый Salem) — все это было прорывами в зазеркалье.

Помню, как ребенком я осторожно и, разумеется, тайно вырезал из заграничных журналов, привезенных отцу и мачехе иностранцами, купоны для подписки. Дизайн, шрифт, фактура этих купонов казались мне совершенно потусторонними, переносящими меня через непреодолимые границы накрепко

закупоренный страны в большой мир.

Удушливый стыд по поводу тайного коллекционирования этой ерунды прошел лишь после того, как я прочел у Проффера, что абажур настольной лампы Бродского в доме Мурузи был обклеен этикетками сигарет «Кэмел»: «Иосиф сказал, что в 1945-м его отец привез с фронта несколько пачек, и с тех пор они ему дороже Рембрандта или любого другого художника»[116]. Частички отнятого у нас Запада, даже самые пустяковые, хранились как реликвии святых — драгоценные и спасительные мощи чудотворцев. Это было забавно.

Жаль, что в те времена я еще не мог оценить вкус виски on the rocks: кубики льда заманчиво позвякивали в бокалах взрослых. Думаю, про то, что для некоторых напитков иногда нужен лед, я узнал именно на красноармейской кухне под влиянием занесенных из-за океана нравов.

И, конечно, Профферы были поставщиками главной ценности книгоцентричной советской интеллигенции: у них были книги. Например, Надежде Яковлевне они привозили Библию, детективы Агаты Кристи, стихи Элиота[117]. Эллендея вспоминает, как Копелевы, едва с ними познакомившись, заявились в их номер в гостинице «Армения» и забрали все книги с фразой «они нам нужнее». Видимо, к Копелевым угодил и столь важный для этой истории экземпляр «Ады», присланный Карлу Набоковым для рецензии в Playboy. Просьбами привезти не только свежие книги «Ардиса», но также самые разнообразные научные издания, беллетристику пестрит переписка с Профферами их многочисленных российских приятелей.

В архиве «Ардиса» есть папки тех корреспондентов Профферов, которые не имели прямого отношения к литературному процессу, были просто друзьями, знакомыми. Среди них, например, Владимир Вигилянский, который в 2005–2012 годах возглавлял пресс-службу патриарха Московского и всея Руси, а тогда только вступал во взрослую жизнь и просто искал общения с людьми из большого мира. В марте 1971 года он пишет Профферам: «Вот мне и исполнилось 20 лет. Стараюсь посмотреть на себя со стороны и ужасаюсь. Ведь 20 лет — это же очень много! А я до сих пор еще мальчишка. Треть жизни прожита, а сделано так мало![118]»; «У меня все по-прежнему. Еще полчаса назад меня можно было застать за чтением «Что делать?» Чернышевского в сопровождении песен E. Fitzgerald. Чтение учебников у меня «идет» только под музыку. Мне в этом помогает «Вудсток», Fitzgerald, Beach Boys и пластинка с блюзами Lonnie Johnson…»[119]; «В Москве продолжается кинофестиваль. Посмотрел много разной дряни, но попадались и интересные

фильмы. Например, Zabriskie Point Антониони, серьезный философский итальянский фильм — «Нонконформист» и еще несколько фильмов. Надо сказать, что для Москвы этот фестиваль — небывалый случай. Мы еще ни разу не видели столько секса, как сейчас. Тут тебе и польский секс, и итальянский, и французский, и американский, и шведский, и испанский — в общем, на все лады — выбирай, что хочешь. В голове у меня вертятся педерасты, лесбиянки, проститутки и множество голых тел»[120].

С кем еще он мог это обсудить?! Молодой человек (в сущности, подросток) открывает для себя жизнь, музыку, кино, чувства, и ему не хочется говорить о творчестве Зыкиной или «золотом фонде советского кинематографа», вроде ужасной «Волги-Волги», ему душно и скучно в рамках навязанного советского дискурса. Вигилянский ищет искреннего, кросс-культурного диалога. Профферы, как и другие иностранцы, посещавшие СССР, могли обеспечить такой диалог, свободный от ханжества, клише и предрассудков: еще одна их притягательная сторона для столичных интеллектуалов. Характерно, что это привлекало не только юного Владимира Вигилянского, но и Надежду Яковлевну, даму семидесяти лет (на тот момент).

В СССР секса, как известно, нет, поэтому обсуждать его удобнее всего было с иностранцами. «Однажды мы говорили о том, какие книги могли бы ей прислать, и я почему-то затронул тему порнографии. Она сразу заулыбалась и сказала приторно-умоляющим тоном: «Ах, если бы вы прислали мне какую-нибудь порнографию! Обожаю порнографию!» Профферы ограничились двумя изданиями: журналом Cosmopolitan — и Надежда Яковлевна с Эллендеей «с большим интересом» обсуждали «типичные статьи», — а также известным исследованием женской сексуальности американской феминистки и сексолога Шир Хайт — Hite Report» («мастурбация, стили сексуального поведения, лесбийства» — описывает Карл содержание этого издания)[121].

Почему сами Профферы не отшатнулись от советских либералов, по крайней мере тех из них, кто, как Бродский, предлагал раскатать Вьетнам под парковку? Думаю, помимо естественного любопытства к культуре, которую они выбрали своей академической специализацией, Профферы были способны на сочувствие: «Мы были молоды, энергичны и близко к сердцу воспринимали идею освобождения. И главное, мысль и действие для нас были тесно связаны. В общем, мы действовали скорее инстинктивно… Россия — страна в цепях; это не было новостью, но столкнуться с этим лично совсем не то, что читать об этом»[122].

Профферы сумели забыть о своих политических расхождениях, которые, как говорят американцы, что соль на столе. Ее можно просто стряхнуть. В конце концов, «самое незначительное в человеке — это его взгляды», — постулирует Карл[123]. Поэт Алексей Цветков, работавший в «Ардисе» в 70-е, так описал мне свои ощущения от американцев: «Русские для меня закрытые, ксенофобы, естественно, — так всегда было, — люди, которые думают, что они уже все знают заранее. А вот американцы, наоборот, всегда подозрительны к стереотипам, тогда как русские очень быстро ищут себе стереотип. Я говорю не о всех американцах, но тот слой, к которому собственно принадлежали Карл и Эллендея… вот это было для меня открытием. Я увидел совершенно иной подход к жизни, другой взгляд на мир»[124].

* * *

Профессор Колумбийского университета Марк Липовецкий впервые обратил внимание на важность изучения социального капитала Профферов: «Именно в силу этих новых отношений и дружб «Ардис» полнее и ярче, чем что бы то ни было, воплотил представления о литературе, которые сформировались в кругу советских, по преимуществу московских и ленинградских либералов, с конца 60-х годов… Функция «Ардиса» как «собирателя» либерального эстетического канона, кажется, еще никогда не обсуждалась, хотя она очень важна. Ведь именно благодаря «Ардису» и произошла институционализация этого канона»[125].

«Ардис», таким образом, вырос не только из гнева, но и из любви, привязанности к людям, с которыми Профферов свела исследовательская судьба. Это был довольно ограниченный круг — несколько десятков, может, в общей сложности сотня человек в обеих столицах. И ключевой фигурой, через которую Профферы вошли в либеральную тусовку Москвы и Ленинграда, была Мандельштам.

Карл называет вечерний прием у Надежды Яковлевны, состоявшийся вскоре после их знакомства в 1969 году, старомодным словом «салон», хотя место действия было глубоко советским. Квартира вдовы состояла из двух комнат: кухни размером два метра на четыре и спальни — метров пять на три с половиной. Маленькая газовая плита, холодильник, шаткий стол, пара треногих табуреток, диванчик и прочее в том же духе, озаренное голыми лампочками[126].

Профферы будут строить свою Америкороссию именно в подобных декорациях, варьировавших крайне незначительно. Советская кухня как главное место светской жизни эпохи развитого социализма — штамп. На крохотных кухнях мало кто помещался. Вот и в тот памятный вечер у Надежды Яковлевны пришло не менее десятка человек, «и вскоре уже негде было сесть. Люди бродили между кухней и спальней, принесенные бутылки вина и водки быстро опустели»[127].

Оглядываясь в свое детство, сам недоумеваю, как наши убогие квартирки вмещали столько людей, тарелок, бутылок и сигаретного дыма. У нас на Красноармейской, где Профферы были частыми гостями, входная дверь вообще была распахнута, а в проем вставлена трехногая табуретка. Это был наш кондиционер — или, быть может, мессенджер домобильной эпохи: «Ждем, заходите». Впрочем, мои воспоминания относятся к позднему времени. Поначалу такие встречи проходили за плотно закрытыми дверями, к ним допускались только проверенные люди, а на телефон, как я тоже еще помню, часто клали подушку. Карл вспоминает, что во время их визитов Надежда Яковлевна «почти всякий раз закрывала занавески в обеих комнатах»[128]. Страх глубоко сидел в советском человеке.

Подобные вечера были единственной доступной коммуникационной платформой советской интеллигенции. Обмен мнениями, передача важной информации, распространение самиздата и тамиздата, встречи с интересными людьми, в том числе иностранцами, — немногие квартиры Москвы и Ленинграда, превратившиеся в такие коммуникационные узлы, заменяли либеральной интеллигенции журналы и газеты, к концу 60-х пустые и неискренние. Здесь формировалось общественное мнение, ценности и смыслы эпохи.

Сообщество, которое Профферы начинают собирать вокруг себя, состояло из четырех категорий: писательские вдовы, то есть хранители памяти своих мужей, специалисты по Булгакову, ибо Эллендея уже готовила свою диссертацию о нем, перспективные писатели и поэты, а также просто общительные люди, вводившие американцев во всё новые круги московско-ленинградского андеграунда. «Ардис» питался этими знакомствами, привязанностями и дружбами на протяжении всей своей истории.

Клубок их первоначальных связей легко распутывается: они все ведут на Черёмушкинскую улицу, в квартиру Мандельштам; остальное Профферы приобрели благодаря знакомым знакомых, а также своей энергии, любопытству и постепенно приходящей к ним славе.

На описанном выше салоне у Мандельштам Профферы

знакомятся с Львом Копелевым и Раисой Орловой — ключевой парой литературно-диссидентской Москвы «Мы их полюбили, яркие смешные люди», — вспоминает Эллендея. В 1960-х Копелевы жили на улице Горького, в 1970-х перебрались на Красноармейскую, дом 21.

Улицы Черняховского и Красноармейская были в 1960–1980-е годы главным литературным районом Москвы, хотя история этой местности начинается немного раньше, со строительства ЖСК «Московский писатель» на улице Черняховского еще в 1957 году. К «Московскому» вскоре присоединится «Советский писатель», где, собственно, находилась квартира Копелевых и Татьяны Лоскутовой. Аксенов, Ахмадулина, Войнович, Искандер, Галич и многие другие — все они были соседями.

«Есть на свете немало людей, которые в жизни не видели ни одного живого писателя — пишет Войнович в «Иванькиаде», опубликованной в «Ардисе» в 1976 году. — А у нас их больше сотни. Известные, малоизвестные и неизвестные вовсе. Богатые, бедные, талантливые, самобытные, бездарные, левые, правые, средние и никакие. В прежние времена ели друг друга, теперь мирно живут под одной крышей и те, кто ел, и те, кого ели, но не доели».

Карл ехидно отмечал: «Мир русских писателей и критиков тесен и централизован, зачастую династичен и, бывает, инцестуозен… В Москве, например, сотни писателей живут в квартале кооперативных домов, специально для них построенных. Мы так и не смогли решить, усложнит ли это тесное соседство будущую историю русской литературы или сильно упростит, но факт этот надо иметь в виду»[129].

Еще в середине 1970-х Проффер обращает внимание на важную особенность литературной среды Москвы: она фактически «отрезана от реальной жизни». Из аэропортовской резервации литераторы перемещаются в дом творчества в Переделкино или другие дома отдыха, разбросанные по стране. У них свои доктора (поликлиника Литфонда находилась во дворе «Советского писателя»), свои кинотеатры, свой ресторан — Центральный дом литераторов (ЦДЛ) с роскошными залами и роскошным угощением. Более того, член Союза писателей имел право на дополнительные 20 квадратных метров под кабинет, тогда как обычный человек мог рассчитывать только на 18 (триггер сюжета «Иванькиады»). «Это советский аналог голливудской звездости, и, без сомнения, это то, ради чего многие писатели работают со всем возможным рвением», — отмечает Карл[130].

Концентрация интеллектуалов вокруг метро «Аэропорт»

сильно упростила Профферам логистику их собственных контактов. Через Копелевых они получили доступ к десяткам писателей, литераторов, критиков и их потомков, живших у метро «Аэропорт», в том числе к моей мачехе Татьяне Лоскутовой, дочери писателя Михаила Лоскутова, и к Владимиру Вигилянскому, письма которого я выше цитировал, сыну писательницы Инны Варламовой.

Второй важный контакт, который Профферы получили от Надежды Яковлевны, — Иосиф Бродский. Она написала для Карла и Эллендеи рекомендательное письмо, с которым они отправились в Ленинград. Характерная деталь про «заграничность» Профферов: в Ленинград они «ехали с пастором Роджером Харрисоном на его ярко-красном «Плимуте-Барракуда», самом заметном автомобиле во всей стране»[131].

«Иосиф стал для нас таким же важным и близким другом в Ленинграде, каким была Надежда Мандельштам в Москве. В обоих случаях их квартиры служили центром, из которого все расширяющимися кругами расходились наши знакомства с другими русскими, по большей части писателями, переводчиками и учеными», — пишет Карл[132]. Например, с писателем и литературоведом Леонидом Чертковым и его женой Татьяной Никольской, с которыми Профферы будут поддерживать отношения и в будущем. Именно Никольская была среди тех, кто указал им на поэтессу Софию Парнок, подругу Марины Цветаевой[133].

Вскоре после первой же встречи 22 апреля 1969 года Профферы поняли, «что он (Бродский. — *Н. У.*) «свой» — один из нас. Это сродство не имело ничего общего с симпатиями и антипатиями, с дискуссиями о поэзии и политике; оно находилось на совершенно ином психологическом уровне, и при общении с любым другим русским мы не ощущали ничего похожего»[134].

Нужно, правда, отметить, что и Карл, и Эллендея сумели сохранить дистанцию по отношению к Бродскому. Внучка наркома Литвинова Маша Слоним, наблюдавшая их в «Ардисе» в 1974 году, особо отмечает, что Эллендея «никогда не участвовала в поклонстве» перед Бродским и «трезво его оценивала… Она относилась к нему чуть-чуть с насмешкой»[135]. Впрочем, трезвость чувствуется по тону не только записок Эллендеи о Бродском, но и Карла. Характерно, что поэт угрожал Эллендее судом, если она опубликует записки мужа о нем[136].

Так ли уж прав профессор Липовецкий, утверждая, что окружение Профферов сформировало их взгляд на литературу и, соответственно, господствующий по сей день либеральный канон

российской словесности? Липовецкий полагает, что «Ардис» стал зоной пересечения трех либеральных кругов российской интеллигенции: «Н. Я. Мандельштам, с которой Профферы очень подружились и о которой Карл оставил пронзительные и острые мемуары; круг «аэропортовских» либералов, в котором важнейшая идеологическая роль принадлежала Льву Копелеву и Раисе Орловой… наконец, круг Бродского и его друзей с их собственными эстетическими взглядами»[137].

На первый взгляд, все выглядит именно так, если не считать, что Копелевы и Бродский на тот момент принадлежали кругу Мандельштам. Насколько Профферы действительно были ведомыми в формировании редакционной политики «Ардиса»? Где были именно они, а где друзья, несомненно направлявшие и влиявшие на те или иные их решения?

Глава VII
НЕСОВЕТСКАЯ КУХНЯ

Карл вспоминает, что встреча с Еленой Сергеевной Булгаковой была «главной целью нашей первой поездки в Москву в 1969 году. Остальные наши встречи и публикации были скорее случайными удачами»[138].

Профферы оказались в СССР вскоре после выхода «Мастера и Маргариты», «в самый разгар его популярности». Неудивительно, что Эллендея решила заняться именно Булгаковым — его роман был, очевидно, главной литературной сенсацией второй половины 60-х годов. Хотя Надежде Яковлевне книга и не понравилась, она сама позвонила вдове Булгакова Елене Сергеевне, «тепло отрекомендовала нас и устроила нам встречу с ней». Так Профферы открыли для себя существование «вдовьей сети», которой отныне всегда будут пользоваться[139].

Знакомство с Еленой Сергеевной несомненно было важным, но именно «случайная удача» — Надежда Мандельштам — предопределит создание «Ардиса». Карл Проффер признается, что они с Эллендеей плохо понимали, к кому именно их рекомендовал Кларенс Браун: «Тогда мы слабо представляли, кто такой Мандельштам и кто такая она… О. М. (Осипа Мандельштама. — *Н. У.*) мы знали по нескольким стихотворениям, которые прочли в магистратуре, и для нас все писатели того периода (начала XX века) были такими же мертвыми классиками, как Достоевский и Толстой. Отчасти из-за нашей молодости и неискушенности нам не приходило в голову, что эти писатели чуть ли не наши современники и что люди, знавшие их и даже жившие с ними, еще живы»[140].

Эллендея приводит свой диалог с Надеждой Яковлевной весной 1969 года:

«— Вы когда-нибудь напишите о нас?

Я отвечаю:

— Нет.

Мне двадцать пять лет, и такая работа мне кажется немыслимой»[141].

Эти признания крайне важны для понимания природы «Ардиса». Профферы приехали в Москву в 1969 году не с готовым планом. Они случайно познакомились с Надеждой Мандельштам, толком даже не представляя, кто она и чем может быть полезна. Начавшееся общение постепенно стало открывать для них прошлое от серебряного века до Сталина включительно: «Она,

казалось, знала всех писателей, кого мы могли вспомнить. Особенно поразило нас, что она знала Блока и бывала на собраниях символистов (например, в «Бродячей собаке»). Она вспоминала времена, о которых мы знали только из книг. Мы без конца задавали вопросы, и она без конца нас удивляла — не только самими историями, но и резкостью, независимостью своих суждений о людях и событиях, которые были известны нам только по устаревшим книгам наших славистов»[142].

Общение с Надеждой Мандельштам сумело насытить Профферов такими знаниями, впечатлениями и эмоциями, что они уже не могли оставаться в рамках своих научных специализаций. Перед их глазами стала собираться мозаика русской литературы, какой ее никто не знал. Ни в России, ни на Западе. Это был несомненный шанс. И Профферы им воспользовались.

Впрочем, другой не менее «случайной удачей» оказалось и знакомство с Бродским. 29-летний поэт являл собой актуальный феномен той культуры XX века, об истории которой Профферам рассказывала Мандельштам. Точно так же, как в случае с Надеждой Яковлевной, Профферы почти не знали, к кому они едут, всецело доверившись рекомендации[143].

«Она (Надежда Яковлевна. — *Н. У.*) — мастерица связывать судьбы». Эллендея утверждает, что к тому времени они уже читали некоторые стихи Бродского, но были осведомлены о его существовании главным образом из-за судебного процесса. Поскольку за те шесть месяцев, что Профферы провели в СССР, они узнали множество историй пострашнее, чем недолгая ссылка в Архангельскую область, то Бродского они совсем не воспринимали как «мученика». «Ну, еще один писатель, с которым надо встретиться. В Москве больше никто не предлагал с ним познакомиться, хотя многие наши друзья знают его лично», — пишет Эллендея[144].

То, что Бродский станет одним из важнейших авторов «Ардиса» — самостоятельный выбор Профферов, поддержанный, надо полагать, авторитетным историком философии Джорджом Клайном. Именно он, совершенно зачарованный Бродским, первым опубликовал в США несколько переводов его произведений еще в 1965 году.

«Когда мы вышли от Андрея (Сергеева. — *Н. У.*) после этого долгого вечера, полного стихов и политики (тогда они ругались из-за Вьетнама. — *Н. У.*), Иосиф отдал мне законченную рукопись поэмы «Горбунов и Горчаков», — вспоминает Карл. — Нам предлагалось прочесть ее и тайком вывезти за рубеж. С нее и начались наши публикации самиздата в Энн-Арборе. Эта поэма

стала первым крупным русским произведением, появившемся в первом выпуске RLT в 1971 году, и ей же была посвящена моя единственная за всю жизнь статья о поэзии Иосифа»[145].

Характерно, что в том же томе RLT выйдут несколько переводов из Бродского Джорджа Клайна и составленная им библиография поэта. Так что если на примере Профферов всерьез исследовать взаимоотношения субъекта (редактора) и объекта (русских литераторов), не стоит абсолютизировать влияние последних. Не менее важно присмотреться к тем американским ученым, с которыми Профферы работали над RLT и английской частью «Ардиса», чьи идеи и подходы они разделяли, а исследовательские сюжеты поддерживали и развивали на своей базе. Но эту задачу я с облегчением предоставлю другим, более квалифицированным специалистам.

Что касается советских либералов, то чем больше узнаешь об оценках, данных литераторами из окружения Профферов друг другу или писателям прошлого, тем отчетливее понимаешь: никакого цельного видения русской и советской литературы у тогдашней московской и ленинградской интеллигенции вовсе не было. Если бы Профферы реализовывали только то, что нравилось их друзьям (не все из них жили в СССР — Набоков, например), «Ардис» бы не состоялся. Уже хотя бы потому, что между российскими литераторами были, мягко говоря, совсем непростые отношения.

«Мы сказали Иосифу, что посетили вечер Беллы Ахмадулиной (еще в 1969 году. — *Н. У.*), — вспоминает Карл. — Он страшно помрачнел: было очевидно, что он крайне невысокого мнения о нашем вкусе и что его снедает профессиональная ревность. «Кто дал вам билеты?» Мы ответили, что Копелевы. «Ну и зачем было туда ходить?» Потом он пробормотал в адрес Копелевых что-то оскорбительное и отвернулся с саркастическим «поздравляю»… Копелевы служили для Иосифа источником постоянного раздражения. Он считал их глупыми либералами». А еще не мог им простить, что когда-то они же были правоверными коммунистами. «По мнению Иосифа, коммунистического прошлого нельзя извинить ничем», — дополняет рассказ мужа Эллендея[146].

Презрительная оценка Бродского тем не менее никак не повлияла на взаимоотношения Профферов ни с Ахмадулиной, ни с Копелевыми. В первом же выпуске RLT несколько материалов будут посвящены Ахмадулиной, у Копелева в «Ардисе» выйдут пять книг, у Раисы Орловой — три.

Как видим, даже в самом близком кругу Профферов не было никакого единства. Та же Надежда Яковлевна, хоть и любила

поэзию Бродского и настойчиво рекомендовала с ним познакомиться, говорила, что «у него есть действительно прекрасные стихотворения, но есть и вполне плохие. Она всегда относилась скептически к крупным форматам, а у Иосифа к этому был особый талант. Она говорила, что у него слишком много «идишизмов» и что ему надо быть осторожнее — бывает неряшлив»[147].

Оценку Бродского, данную Надеждой Яковлевной, несомненно, поддержал бы и Набоков. В ответ на просьбу Карла высказать свое мнение по поводу «Горбунова и Горчакова» «Набоков написал, что поэма бесформенна, грамматика хромает, в языке «каша» и в целом «Горбунов и Горчаков» «неряшлива»»[148]. Узнав о таком отзыве, сам Бродский, по выражению Эллендеи, «разом понизил блестящего прозаика Набокова до статуса несостоявшегося поэта»[149].

Характерно, что поначалу Бродский был высокого мнения о Набокове и говорил, что из прозаиков прошлого для него что-то значат только Набоков и, в последнее время, Платонов. Особенно он ценил Набокова за «безжалостность» (у Господа Бога есть чувство юмора). И даже спорил о нем с Надеждой Яковлевной. «Н. М. бурно не соглашалась, они поссорились и довольно долго не виделись (по его словам, ссора длилась два года)». Карл признается, что им с женой было особенно неловко потому, что предмет этого спора — Набоков — проявлял к Надежде Яковлевне симпатию и сочувствие. Та же подозревала писателя в педофилии, называла «моральным сукиным сыном» и осуждала за «холодность»[150].

Правда, позднее Мандельштам поменяет свое мнение о Набокове на противоположное. «Помню, вынимая для нее подарки во время книжной ярмарки 1977 года, первым я достал из сумки наш репринт «Дара» на русском. Она страшно обрадовалась и улыбнулась такой улыбкой, от которой растаяло бы сердце любого издателя. Мне хочется думать, что Эллендея и я сыграли роль в этой перемене; в те дни мы были главными западными пропагандистами Набокова в Советском Союзе, его искренними почитателями, а также издателями его русских книг»[151]. Незадолго до смерти Мандельштам попросила Эллендею передать Вере Набоковой, что «он великий писатель, и если она говорила о нем плохо раньше, то исключительно из зависти»[152].

Та же Надежда Яковлевна, как помним, не любила «Мастера и Маргариту». Она считала эту книгу «кощунственной»[153]. Бродский же недолюбливал Булгакова, потому что полагал его слишком «популярным. Массовое не может быть хорошим»[154]. В

то же время мизантропичный Чехов для него «абсолютно ничего не значил»[155]. Он считал самым великим русским поэтом Баратынского («и уж точно не Пушкина, который ему никогда не нравился»[156]). Для Надежды Яковлевны, напротив, «Пушкин много значил»[157]. «В то время, — продолжает Карл про Бродского, — он регулярно… горячо заступался и за Тредиаковского, что нас лишь забавляло» — характерная оговорка для ученого, который еще в общении с Набоковым натренировал орган, отвечающий за независимость от кумиров[158].

Неожиданно, но Маяковского Мандельштам называла «милым человеком»[159] и одновременно была враждебно настроена к Пастернаку[160]. Важная деталь, иллюстрирующая самостоятельность Профферов-издателей: «Зная о новогоднем хвалебном послании О. М. (Осипа Мандельштама. — *Н. У.)* Пастернаку и имея к нему доступ, она не дала его ни нам, ни другим филологам. Мы получили его из других рук и, опубликовав его в Russian Literature Triquarterly, думали, что Н. М. может не простить нам, что мы поступили ей вопреки. Но она ничего не сказала»[161]. Если Надежда Яковлевна скорее имела личные счеты с Пастернаком, то Набоков, в свою очередь, ни во что не ставил именно художественные качества «Доктора Живаго». Да и о поэзии отзывался презрительно. В ответ на несколько присланных репринтов «Ардиса» он пишет Профферу: «Более других увял Пастернак»[162].

Зато Набоков высоко ценил Ходасевича и даже отдал в RLT несколько своих переводов из Ходасевича и давнюю статью[163]. Бродский с ним в этом соглашался, но самым любимым поэтом XX века называл Цветаеву[164]. Несмотря на репутацию «мальчика Ахматовой», Бродский «не очень любил ее поэзию»[165]. Мандельштам, подруга Ахматовой, естественно, в этом никак не могла с Бродским согласиться, но «элемент соперничества все же присутствовал, поскольку взаимопонимание между Мандельштамом и Ахматовой было столь глубоким, что Н. М. иногда оставалась как бы в стороне». Тем не менее «если кто-то нападал на Ахматову несправедливо или забывал о том, как Россия обходилась с одним из лучших своих поэтов, Н. М. тут же вставала на ее защиту». Неофициально, однако, считала ее «повинной в ложной многозначительности». И все-таки, когда Карл совместно с Ассей Гумески принялся за перевод «Поэмы без героя» для первого номера RLT 1971 года, она призналась по поводу поэмы: «Я ее (поэму. — *Н. У.*) не люблю и поэтому мало что могу сказать»[166].

Особенно ядовитыми были суждения Мандельштам в

отношении литераторов 20-х годов. «Когда наш друг Гэйри Керн… пришел к Н. М. и стал расспрашивать о своих любимых «Серапионовых братьях», она его совершенно раздавила, приговорив и само объединение, и почти все, написанное «братьями». Ей нравится ранний Зощенко… Но творчество «подлинного» Зощенко продолжалось недолго. Что до остальных «серапионов» — посмотрите, в кого они превратились, те, что уцелели. Большинство из них стали официально признанными советскими писателями: толстый Тихонов, обвешанный орденами, Каверин, не создавший ничего существенного после первых произведений, а только солидную советскую классику, скроенную самоцензурой по надлежащему лекалу; у Слонимского и Иванова были трудности, но они стали выдавать то, что требовалось, и сделались почтенными революционными писателями… Федин преуспел больше… он стал главой Союза писателей, громившего Пастернака за «Доктора Живаго»»[167].

Описывая реакцию либеральной Москвы на знаменитый второй том мемуаров Надежды Яковлевны, опубликованный в 1972 году, Карл замечает: «Во второй же книге она высказалась настолько прямо, что даже либералы и диссиденты, люди, страдавшие вместе с ней, были шокированы. И очень скоро литературная львица стала чуть ли не парией в литературной Москве. Она стала предметом жесточайших споров, в чем мы убеждались всякий раз, когда пытались ее защитить — и решились мы на это только потому, что были иностранцами… Те же, кто восхвалял первую книгу, после второй отказались с ней общаться. В самиздате ходили разные открытые письма. На Рождество 1973 года она показала нам письмо Каверина и попросила его опубликовать в США по-английски, что мы и сделали. Оно продемонстрировало внешнему миру характер российского интеллектуального общества. Каверин — известный «либеральный» писатель. Этот литературный спор — наглядный пример разобщения в том, что западные наблюдатели именуют либеральным лагерем»[168].

Что там Каверин?! Разобщение коснулось близкого круга Мандельштам. После публикации «Второй книги» Копелевы «перестали ее посещать и с ней разговаривать, — пишет Проффер. — (Лев даже хотел потолковать со мной насчет моей печатной «защиты» Н. М., но Рая отнеслась к нашим чувствам с большим пониманием и не дала поднять эту тему)». Легко представить, сколько всего другие, менее щепетильные люди, высказывали Профферам: «Чуть ли не у каждого был друг, любимец или родственник, которого она, по их мнению, оклеветала, — а вдобавок многие ее «жертвы» еще жили и

здравствовали… Ее называли сплетницей, лгуньей, клеветницей, старой ведьмой»[169].

«Все вранье!» — восклицала Эмма Григорьевна Герштейн, еще одна любимая старушка Профферов, по поводу второго тома мемуаров Мандельштам. «Эммочка», как ее называли в «Ардисе», тоже была свидетельницей века, близкой к Мандельштаму и другим литераторам. Эмма Григорьевна жила на Красноармейской и почти сразу оказалась в орбите Профферов. «Гнев Герштейн объясним: Н. М. утверждала, что, если Герштейн напишет мемуары, они будут полны искажений». Герштейн написала мемуары, и Карл частично опубликовал их в RLT, «специально, чтобы показать: всякий желающий может оспорить Н. М., если у него достанет смелости напечататься за границей»[170].

Тем не менее Мандельштам, именно благодаря своей резкости и искренности, по всей видимости, оставалась для Профферов самым авторитетным экспертом в русской литературе. Неоднократно Карл признается в прямом влиянии Мандельштам на свои редакторские решения.

«Из советских прозаиков «ее любимцами (с оговорками) были Зощенко и Платонов (последний возник из забвения во время нашего первого приезда в 1969 году)… Она познакомила нас с молодым филологом Е. Терновским, который дал нам машинописный экземпляр («Котлована» — *Н. У.*), мы переправили его и в 1973 году опубликовали впервые»[171]. В 1975 году «Ардис» также опубликует «Шарманку» Платонова. На английском в 70-е выйдут еще три его книги. Стоит также отметить, что репринты Зощенко и Пильняка станут одной из трех первых книг «Ардиса», опубликованных в 1971 году. Позднее «Ардис» издаст еще две книги Зощенко по-русски и три — по-английски.

В 1975 году Профферы «благодаря энтузиазму Н. Я.» издали на английском две пьесы драматурга Николая Эрдмана — «Мандат» и «Самоубийца» (русское издание «Самоубийцы» выйдет у них в 1980 году). «Постановка пьесы на Бродвее, с энтузиазмом принятая американской публикой, — результат разговоров Н. М. с нами за десять лет до этого»[172].

Важно, правда, отметить, что у Профферов даже в этих случаях было еще одно мнение (а может, несколько). В архиве «Ардиса» есть письмо известного театрального критика Константина Рудницкого, датированное 1972 годом, приятеля Копелевых, с которым Профферы познакомились уже в 1969 году. В этом письме Рудницкий в ответ на запрос Профферов дает высокую оценку обеим пьесам Эрдмана, хвалит Зощенко, но

пишет, что Платонов — «писатель очень неровный по-моему»[173]. У самого Рудницкого в английской части «Ардиса» выйдет большое исследование, посвященное Мейерхольду (1981).

«Что до современных писателей, и особенно поэтов, Н. М. говорила, что о них у нее только поверхностное мнение, составленное наспех… — вспоминает Карл. — В случае четырех наиболее известных поэтов, трех официальных и одного «тунеядца»… ее суждения в целом совпадали с суждениями большинства наших знакомых. Евтушенко и Вознесенский, по общему мнению, переоценены — циничные оружия режима, — их репутация на Западе как либералов и даже диссидентов смешна»[174].

В данном вопросе Бродский согласен с Мандельштам. Он говорил Профферам, что «не стоит читать ни Евтушенко, ни Вознесенского, но в своем роде первый все-таки лучше, потому что Вознесенский привлекает читателя только одним — каламбурами»[175]. Беллу Ахмадулину Надежда Яковлевна ценила и называла «чудной бабой»[176]. Бродский же, как помним, презирал и не мог простить ей брак с Евтушенко[177]. И это при том, что сама Ахмадулина, по свидетельству Карла, высоко Бродского ценила[178]. Да и Вознесенский тоже. Он потом будет искать при посредничестве Аксенова и Профферов расположения Иосифа[179].

Излишне говорить, что, невзирая на критические отзывы друзей, Евтушенко и Вознесенский так же, как и Ахмадулина, всегда были частью пейзажа советской литературы, который воссоздавали Профферы в RLT и антологиях.

С годами Бродский немного смягчился к Ахмадулиной. Михаил Барышников вспоминает, что он «очень тепло говорил о ней, правда, не о ее поэзии. О ее красоте, языке — она была несколько высокопарна». Тем не менее по отношению к Евтушенко Бродский будет вести себя просто неприлично. Уже в США, будучи влиятельным литератором, Бродский зачем-то станет распускать слухи о том, что Евтушенко работает на КГБ и виноват в его высылке из СССР. Он даже напишет письмо в Квинс-колледж, содержавшее откровенно ложные данные, с требованием отказать Евтушенко в месте (Эллендея называет это письмо «доносом»). В 1987 году Бродский выйдет из Американской академии искусств в знак протеста против приема в нее Евтушенко[180].

Однажды Бродский едва не разрушит своих исключительных отношений с Профферами. Причиной стал неоднозначный поступок поэта по отношению на этот раз к Василию Аксенову. Весьма популярный в СССР писатель в 1980 году был лишен

советского гражданства. Профферы активно помогали ему встать на ноги: в частности, готовили к публикации его роман «Ожог». Издательство «Фарар, Страус энд Жиру» попросило Бродского прочесть рукопись «Ожога» и дать свой отзыв. Бродский написал им, что «роман говно». Карл был в ярости и предупредил Бродского, что обо всем сообщит Аксенову. Так он и сделал[181].

Жена Вячеслава Иванова, Светлана, дочь Раисы Орловой и близкая подруга Эллендеи («Я после Тани Лоскутовой номер два», — говорит она про себя) рассказывала мне: «Аксенов был его (Бродского. — *Н. У.*) близким другом, и он был совершенно уверен, что тот даст предисловие, не говоря уже про отзыв. Аксенов был потрясен случившимся и никогда больше с ним не общался»[182]. Это не совсем так. В архиве «Ардиса» есть письмо Аксенова 1976 года, из которого следует, что у Профферов давно имелся негативный отзыв, по выражению Аксенова, «мудаковатого Иосифа» на «Ожог»: «Теперь лирическое отступление об этом персонаже… Кладу на него с прибором. Книгу читали полсотни людей совсем не глупее вашего new co-citizen'a… Joe парень способный, но не семи пядей во лбу… Я написал ему письмо, где сказал, что раз уж ты сел на трон русской литературы сиди спокойно, не двигайся, не смеши людей»[183]. История, как видим, была давняя, но и в 1980 году она не закончилась. В архиве «Ардиса» сохранилась копия резкого письма Аксенова Бродскому, датированного 1984 годом, из которого следует, что Бродский сидением на троне не удовлетворился[184].

Михаил Барышников оказался свидетелем этой драмы и объяснял мне: «Бродский был не простой человек, но ни в коем случае не подлый и независтливый. За это я могу поручиться. Он не мог оскорбить пощечиной, только прямым словом, потому что врать он не умел, особенно в профессиональных вопросах. В отношении женщин — другое дело». Барышников настаивает: Бродскому просто не понравился роман, поэтому он и дал издательству такой отзыв — «хотя Москва шумела и Володя (Высоцкий. — *Н. У.*) ему тоже говорил, они с Васей Аксеновым были друзья… У Иосифа было ощущение, что он делает очень хорошее дело, а там уже выбор за ними, кого они предпочтут, — это же не гостипография… вероятно, как я понимаю, его выбор расходился со славистами, которые любят все русское и этим живут».

Несмотря на то, что сами Профферы были на грани разрыва отношений с Бродским, они продолжат издавать его книги: в «Ардисе» в 80–90-е годы выйдет пять его сборников. В свою очередь Аксенов издаст у Профферов шесть своих книг на

русском и четыре по-английски.

Бродский — большой поэт, и потрясения, которые он мог вызвать, тоже были большими. Но часто Профферы сталкивались с подобными выпадами и от писателей, не удостоившихся такого влияния. Например, Эллендея вспоминает, как однажды Саша Соколов — писатель, открытый «Ардисом», — говорил «что-то про еврейскую мафию, действующую против него в русской литературе. Я ответила ему: «Это недостойно тебя, Саша»». Легко вообразить, сколько всего подобного довелось Профферам выслушать за время их общения с литературными кругами СССР.

* * *

Одним словом, чтобы в этом мире элементарно выжить, а уж тем более что-либо издать, Профферам необходимо было сохранять здравый смысл и хладнокровие, держать дистанцию и собирать информацию из разных источников. Их прочный научный бэкграунд, безусловно, позволил с этой задачей в основном справиться. В предисловии к первой англоязычной антологии русской прозы (1975) Профферы так описывают свою методологию: «В продолжение пяти поездок в Советский Союз… мы провели много часов в разговорах с поэтами, прозаиками, критиками, переводчиками и простыми читателями, всегда задавая один и тот же вопрос: «Если бы вы могли выбрать только лучших писателей примерно последнего десятилетия и их лучшие произведения, что бы вы включили в антологию?» В случае с самими писателями мы просили назвать их собственные лучшие работы. Результатом стала пачка бумаг, исписанных именами, прокомментированных множеством рук с плюсами и минусами, сердитыми вопросительными знаками и звездочками одобрения»[185].

В почтении Профферов к Надежде Мандельштам, несомненно, было много от академического пиетета перед историческим источником, хотя и ей они доверяли не слепо — это была во всех смыслах несоветская редакторская кухня. Скептицизм Юма, знаточество позитивистов и общение с Набоковым, обожавшим загадки и ловушки для читателей, приучили Карла одновременно и к любопытству, и к сомнению.

Россия, по выражению Ахматовой, вдруг оказалась в «догутенберговской эпохе». Рукописи, хранившиеся по домам, редкие дореволюционные издания в личных библиотеках и живое общение — единственное, что могло помочь молодым американским славистам в их путешествии по неизвестной

русской культуре.

Хранилища книг и документов были неполны и малодоступны. Карл даже называет их «кладбищами» — все сколько-нибудь подозрительное находилось под замком и было доступно только избранным и проверенным[186]. К их числу иностранцы не относились. Официальное литературоведение замалчивало существование целого пласта русской культуры — взамен оно вырастило «огромный гриб-дождевик псевдолитературы»[187]. Его изучение не имело никакого смысла.

Проффер, например, так описывает свои мытарства с Булгаковым: «До 1960-х он был практически несуществующим лицом… Например, я приехал по официальному обмену, а потому имел доступ к отделу рукописей и мог выносить книги Булгакова, но выносить было практически нечего, а журналы с его произведениями были «отцензурированы» — путем выдирки его рассказов. В отделе рукописей (куда приехавшие по обмену допускаются — если допускаются вообще после долгой канители) я мог подавать столько запросов, на сколько хватало энергии, но, как и большинство иностранцев, получить мог лишь очень малую часть интересующих меня материалов… Большинство материалов было недоступно, отчасти из-за официальной политики в отношении такого сомнительного автора, отчасти потому, что большой властью над булгаковским архивом в отделе рукописей пользовалась Мариэтта Чудакова, а она не хотела подпускать исследователей — ни русских, ни американских — к документам первостепенной важности, поскольку сама готовила книгу по Булгакову»[188].

Фактически Профферы были обречены на oral history — постоянную охоту за людьми, либо сохранившими память о прошлом, либо хорошо информированными о настоящем. В своих воспоминаниях о Бродском Проффер однажды замечает, что они с Эллендеей как подлинные собиратели oral history «вели записи от случая к случаю, но, по всей видимости, Иосиф с самого начала показался нам необычной и в каком-то смысле важной для нас личностью. Этим и объясняется то, что у меня сохранилось столько заметок, могущих послужить подспорьем для памяти»[189]. Эллендея отмечает, что некоторые, наиболее важные из таких записей Карл делал шифром[190]. Заметкам о Бродском повезло — уже в больнице Проффер успел записать свои мемуары о нем, хотя бы частично. То же можно сказать о «Вдовах России», рукописи Карла, изданной Эллендеей в 1987 году.

Судьба остальных записок, сделанных Профферами по итогам их многочисленных встреч и телефонных разговоров, неизвестна. Эллендея говорит, что дневники «Ардиса» — «так много всего,

что никто бы не смог запомнить, смешное и ужасное, всё вместе» — были утрачены при транспортировке ее библиотеки (шесть тысяч книг) в Калифорнийский университет. «Эти дневники были очень ценными» — большая «книжка для бизнеса, синего или зеленого цвета». «У меня было чувство, что пропало несколько коробок, отсутствуют, например, многие письма от Иосифа». Добавлю, что и папка Мандельштам в Мичиганском архиве выглядит куце. Письма, на которые ссылается Карл в своих мемуарах, сегодня отсутствуют.

Проффер не случайно посвятил один из двух последних мемуаров вдовам российских писателей: кроме Надежды Яковлевны он подробно рассказывает о встречах с Еленой Сергеевной Булгаковой, Любовью Евгеньевной Белозерской, Лилей Брик и Тамарой Ивановой. Он также познакомится и с Ниной Берберовой, третьей женой Ходасевича, которая с 1950 года жила в США.

Будучи человеком академической культуры, Карл отлично понимал значение личного свидетельства и знания рукописей. В либеральных кругах советских столиц не только не было единства в оценках того или иного автора, покойного или здравствующего. Имелись и крайне серьезные лакуны в знании полузапрещенной русской литературы, корпуса произведений того или иного писателя и даже подробностей его биографии.

Это подтверждает и Вячеслав Иванов, сын писателя Всеволода Иванова, которого с Профферами познакомил Копелев еще в самом начале 70-х: «Россия уже потеряла прошлое. Я рос в писательской среде и могу ответственно сказать. То поколение писателей, которое он застал, само плохо знало предшествующую литературу. Кто-то из старшего поколения, вроде Надежды Яковлевны Мандельштам, могли ему что-то объяснить, но вообще людей, которые понимали значение и роль предшествующей русской литературы, уже оставалось очень мало в России… Это сейчас все (Иванов говорит о серебряном веке и 1920–1930-х годах. — *Н. У.*) стало классикой, а тогда не было особенного представления о том, что это классика. Оно сформировалось в результате деятельности Профферов».

Так, вплоть до публикации в журнале «Москва» почти никто не знал о главном романе Булгакова. Не менее удивительно и то, что о его трех браках стало известно совершенно случайно: «Попробуйте представить себе, как трудно установить хронологию, подробности, действующих лиц, необходимых для биографии, если в стране даже такой фундаментальный и бесспорный факт «заново открывается» только через тридцать пять лет после смерти Булгакова — при том, что все три вдовы

живы, две из них по-прежнему в Москве — и по тем же адресам, где с ними жил Булгаков!» — замечает Проффер[191].

Свой мемуар о Елене Сергеевне Булгаковой Карл начинает с вопроса о том, как измерить власть. Кто сильнее — ЦК КПСС или Надежда Яковлевна Мандельштам? Партия, Союз писателей, типографии, пресса надувают официальных писателей ложным значением и пафосом. Но рано или поздно им на смену придет подлинная литература, память о которой, включая переписку, черновики и неопубликованные рукописи, сохранили именно писательские вдовы. «Я бы утверждал, что Надежда Мандельштам обладала чрезвычайной властью, — заключает Проффер, — и что наряду с ней литературные вдовы России оказали сильное и длительное влияние на историю русской литературы… Они, разумеется, действуют не в одиночку, но они первичные источники с большим потенциалом влияния»[192].

Тем не менее вспоминая встречи с вдовами Карл все время говорит о «политике знаний» или «супружеской цензуре» или о том, как Елена Сергеевна, «стратегически проливала чернила на отдельные места, считая, что их не надо видеть даже потомкам»[193]. Это «типично для русского представления о приличиях, часто подразумевающего нанесение агиографической глазури»[194]. «Страсть к агиографии — часть желания оберечь прошлое. Видеть его красивым, справедливым и трагическим»[195].

Елена Сергеевна, например, располагала экземпляром «Батума» — пьесы Булгакова, посвященной Сталину. И она «наверняка не отдала бы ее в печать, потому что (помимо ее возможного участия в создании пьесы) это произведение не красит Булгакова. С ним он попадает в компанию знаменитых писателей, прославлявших Сталина… и даже человек, добывший в конце концов экземпляр пьесы для Эллендеи, не советовал ее печатать — люди неправильно поймут Булгакова»[196]. Разумеется, Профферы совету не последовали.

Если Елена Сергеевна рассказывала не все, то и они кое-что от нее утаивали — «например, что у нас уже есть русский текст «Зойкиной квартиры» 1935 года и сведения о других редких и даже неизвестных булгаковских материалах», — вспоминает Карл[197]. «Зойкина квартира» станет еще одной из трех первых книг «Ардиса», опубликованных в 1971 году. Эту пьесу и многое другое они получили от упомянутого выше Константина Рудницкого. Он же, судя по его письму в архиве «Ардиса», датированному 1971 годом, смог организовать их знакомство со второй женой Булгакова, «которая написала о нем большие мемуары и сможет Вам, я думаю, многое рассказать»[198].

Мемуары Любови Евгеньевны Белозерской выйдут в «Ардисе» на русском в 1978 году (в рамках альманаха «Глагол»), отдельной книгой в 1979 году, а на английском — в 1983-м.

* * *

Безусловно, окружение Профферов было либеральным, хотя с некоторыми его представителями им было не просто. Либерализм советской интеллигенции был местами совсем нелиберален. Правда, ошибочно сводить «Ардис» исключительно к либеральной сцене советских столиц. Карл довольно обстоятельно знал и параллельную литературную среду, с которой его либеральные друзья почти не общались, но которая так же генерировала тексты и имела свою аудиторию. Наследниками оттепели были не только либералы и диссиденты, но и националисты, которых, как и либералов, тоже следовало бы поместить в кавычки.

«Националистические течения тех лет надо рассматривать в широком культурном контексте растущего внимания к историческому прошлому, обращению к истокам и корням, которое стало спутником начавшегося в эпоху оттепели распада советской идеологии», — отмечает Денис Козлов[199]. Вторая половина 60-х годов — как раз время подъема этого движения. И Карл, судя по переписке с Владимиром Вигилянским, этим живо интересуется.

Где-то в 1971 или начале 1972 года (письмо удается датировать только по косвенным данным) Вигилянский пишет: «Карл, вы спрашиваете про «руссистов». Это название неправильное. Их у нас называют по старинке — «славянофилами». Все они (кроме Солоухина и других) с примесью консерватизма. В основном они все бездарные писатели и поэты. Но у них есть даже свои теоретики (Лобанов, Ланщиков, Чалмаев, Кожинов). Последний самый из них талантливый. Все эти славянофилы печатаются в журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник». Живется им, надо сказать, невесело. Их бьют и справа и слева. Как известно, Кочетов в своем романе, напечатанном в журнале «Октябрь», высмеял Солоухина и всю его братию… С другой стороны, А. Дементьев, бывший сотрудник журнала «Новый мир», выступил на страницах этого журнала, где надавал большое количество тумаков так называемым «неославянам». Советую прочитать статью Дементьева. Также советую просмотреть номера журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» за последние годы»[200].

Проффер, судя по этому письму, вполне мог составить

первоначальное мнение о «руссистах». Он, безусловно, продолжил собирать о них сведения. Уже в 1976 году в обстоятельном обзоре состояния русской литературы для New York Review of Books Карл упоминает основные имена «руссистов», или, как он их называет, country writers, и дает им развернутые характеристики: Василий Шукшин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин[201]. В статье 1981 года помимо этих авторов фигурируют и другие классики «деревенщиков»: Федор Абрамов, Борис Можаев, Виталий Сёмин и Валентин Распутин[202]. В архиве сохранилось письмо Солоухина Карлу: «Встречи с Вами живы в моей памяти»[203], а также довольно теплое письмо самого Проффера к Валентину Распутину, написанное за три месяца до смерти Карла. Из него следует, что Карл и Распутин были знакомы еще до отказа Профферу в визе в 1979 году: «Хотя, как правило, близкое знакомство с писателем не усиливает любовь к нему… нам жаль, что мы не успели познакомиться ближе»[204].

Незадолго до смерти Карла «Ардис» подготовит на русском полное собрание сочинений Ивана Киреевского, видного славянофила XIX века, а также выпустит книгу Марка Альтшуллера о предтечах славянофильства в русской литературе. Это тема Карла явно занимала. И в RLT, и в антологиях «руссисты» будут представлены, а у Василия Шукшина и Федора Абрамова выйдут книги на английском. Тем не менее в целом Карл считал «деревенскую прозу провинциальной, монотонной и сентиментальной… Интерес к ней среди несоветских читателей может быть главным образом социологическим, и не только потому что культура настолько другая. Мир Маркеса не менее другой — но по мере того, как он его описывает, этот мир оживает; полнота, страсть и цвет жизни восхищают нас. Бычьи же потуги значительной части советской сельской прозы действуют как снотворное»[205].

Любопытно отношение Профферов к Солженицыну, который, с одной стороны, был знаменем диссидентского движения, с другой — по своими взглядам на прошлое и настоящее России приближался к националистическому крылу советской интеллигенции и нередко хвалил «деревенщиков». Очевидно, что к моменту рождения «Ардиса» Солженицын уже был слишком знаменит, чтобы обратить внимание на небольшое самодельное издательство где-то в Мичигане.

Первым описавший вселенную ГУЛАГа Солженицын поначалу делал весьма успешную литературную карьеру в СССР, но с окончанием оттепели попал в опалу, и его перестали печатать. Зато на Западе уже в 1968 году были опубликованы романы «В

круге первом» и «Раковый корпус», которые сделали Солженицына международной величиной. Профферы приехали в Москву в разгар травли писателя. Осенью 1969 года, уже после их отъезда, он будет исключен из Союза писателей. В 1970 году Солженицын получит Нобелевскую премию по литературе, но его преследования не будут прекращаться вплоть до высылки из страны в 1974 году.

Судя по всему, Профферы весьма интересовались восприятием Солженицына на родине: «Мнения о Солженицыне как писателе в Советском Союзе весьма разнятся. Некоторые считают его великим писателем, подобным Толстому. Большинство проводит различия между его политической значительностью и художественными способностями. Многие соглашаются, что он не в состоянии справиться с жанром романа, особенно когда отходит от своего главного предмета, тюремного лагеря»[206]. К моменту приезда в Москву в 1969 году Карл уже читал ранние произведения Солженицына, но признается: «Не представляю, чтобы я смог прочесть его романы повторно»[207]. «Я бы сказал, что Солженицын поэт глумления, но этого, самого по себе, недостаточно для искусства, — пишет Проффер в 1976 году, — Впрочем, именно его тяжелая ирония и удары кувалдой… позволяют атаковать советский строй, и никто не сомневается в его превосходстве как историка и поэта Архипелага»[208].

Вероятно, самыми активными пропагандистами Солженицына в кругу Профферов были Копелевы (позднее их взгляды, как часто бывает, поменяются). Лев работал с Солженицыным в одной шарашке, и тот вывел его в романе «В круге первом» под именем Рубина. Именно Копелев передал рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» в редакцию «Нового мира».

В другом месте своих воспоминаний Карл походя упоминает Солженицына, размышляя о Надежде Яковлевне: «Она не сидела в лагере и не соперница Солженицыну в этом отношении, зато лагеря не искривили ее и не сузили ее фокус… И, не в пример Солженицыну, в том, что будет написано на бумаге, она ни на какие компромиссы не шла. Ни одного абзаца она не вычеркнула, ни одного слова не изменила, чтобы напечататься в СССР (также, в отличие от него, она не обеспокоилась стать членом Союза писателей и никогда не надеялась получить Ленинскую премию)»[209].

Впрочем, в общественной полемике по поводу того, как посмел Солженицын в «Бодался теленок с дубом» вывести Твардовского человеком со слабостями, а не в образе «святого», Проффер встает на сторону Солженицына: «Враждебность

некоторых критиков проистекает прежде всего из обыкновения русских предпочитать жития святых откровенным биографиям»[210].

Имя Солженицына снова всплывает в воспоминаниях Карла о Бродском: «Он осудил Солженицына, назвав его сочинения просто-напросто апофеозом социалистического реализма (не первый и не последний раз мы это слышали)»[211]. Но эта оценка Бродского и в целом сдержанное отношение самого Проффера к творчеству Солженицына не помешает ему присутствовать в RLT, хотя «тюремную литературу» Карл считал «важной с социальной точки зрения, но не с литературной»[212]. Наконец, именно «Ардис» в 1987 году опубликует роман Войновича «2042», где тот под именем Сим Симыча Карнавалова выведет Солженицына как лжепророка и тирана. Войнович в интервью для этой книги будет с удовольствием описывать скандал, который вызвал его образ: «Как ты смеешь?! — говорили ему. — Это же Солженицын!» «Но мне и у Толстого не все нравится»[213].

С одной стороны, Солженицын был уже слишком высоко, чтобы начинающие издатели могли его себе позволить. В тот момент, когда Профферы начнут пробовать себя в издании не только прошлого, но и настоящего, нобелевский лауреат переберется в США и станет самым растиражированным на Западе современным писателем из России. С другой стороны — открывать издательство с прозы, которую в СССР считали глубоко антисоветской, Профферы, очевидно, не хотели. Дистанция, выбранная ими по отношению к собственному правительству, стала важной отличительной особенностью их будущего предприятия.

«Ардис» в отличие от подобных ему издательств русской литературы, парижского Ymka Press и мюнхенского «Посева», никогда не брал денег от ЦРУ. Поначалу Профферы предпочитали держаться подальше и от тех острых вопросов, которые могли вызвать гнев Советов. Приведу здесь их характерное заявление, опубликованное в первом томе RLT в 1971 году: «Мы не будем публиковать статьи о литературной политике или подобную этому критику в духе холодной войны, не важно, американского или советского сорта. Это литературный журнал, а не политический»[214].

Характерно, что даже, казалось бы, в очевидных вещах Карл, по крайней мере поначалу, пытается подбирать слова, избегая политизации. Вот примечательная оговорка в том же первом томе RLT по поводу Бродского: «Его собственная поэзия еще не нашла редакционного признания в Советском Союзе»[215] — будто бы речь идет всего лишь о молодом поэте, который никак не может

опубликоваться, поскольку редакторы сомневаются в коммерческих перспективах его издания.

Аполитизм Профферов, среди прочего, позволит им дать беспристрастную оценку тем вполне признанным писателям в СССР, которые того заслуживали. Помимо «деревенщиков», о которых уже шла речь выше, Карл будет неплохо отзываться о Чингизе Айтматове, Юрии Нагибине и Юрии Трифонове[216]. У Трифонова в «Ардисе» выйдет три книги по-английски, у Нагибина — одна.

Вячеслав Иванов, или Кома, как его называли в близком кругу, в том числе Профферы, полагает, что аполитизм «Ардиса» предопределен прежде всего влиянием формализма на эстетические вкусы Карла: «Думаю, есть неуловимый дух русской литературы, который обнаруживается в ее форме. Вот много раз повторяемая разными людьми мысль о том, что очень трудно объяснить, почему Пушкин так много значит для нас. Ведь если подходить с точки зрения внелитературных критериев, то у него, конечно, есть какие-то интересные общие мысли, но все-таки они были высказаны и до него. А вот такой формы, такого языка, такого способа описания того, что ему было интересно, не существовало. Понимание этого у Проффера было, и это понимание вело его к тому, что именно эту сторону русской литературы его коллеги слависты и их ученики не осознают. Он видел, что и в Европе мало кто это понимает и что постепенно Россия также перестает это чувствовать. Ведь и вся новая литература в СССР была построена на противопоставлении себя власти. Почему было событием, что они нашли «Школу для дураков» (Саши Соколова. — *Н. У.*). Это была книга, где фактически нет никакого противопоставления. Все-таки книга прежде всего замечательна тем, как она написана».

Наверное, именно поэтому Проффер так любил спрашивать своих русских друзей — поэтов, писателей, переводчиков: «Может ли плохой человек написать хорошую книгу?» Характерно, что поначалу Бродский, например, ответил: «Нет»[217].

Так или иначе, но этот нейтралитет «Ардису» будет соблюдать непросто. Собственные вольнолюбивые взгляды Профферов, давление среды — либеральной общественности советских столиц — и глупость охранителей неизбежно должны были привести к конфликту с властями СССР. Впрочем, в английской части Профферы будут сохранять академическую сбалансированность. В русской они, очевидно, чем дальше, тем больше станут ориентироваться на запросы своих либеральных читателей. Много позже, когда Профферу откажут в визе, он напишет: «Это чудо, что мы заслужили официальное неодобрение

только через десять лет»[218].

Глава VIII
ВЕРШИНА ПРОШЛОГО И ВИХРЬ НАСТОЯЩЕГО

Период «Ардиса» с 1971 по 1974 годы можно было бы назвать «архивным». В русской части вообще преобладают репринты. Из 17 книг, напечатанных в эти годы, только одна — сборник стихов Натальи Горбаневской — относится к советской современности. Другой современный писатель, Набоков, правда, находящийся в безопасном и комфортабельном далёке, передал Профферам права на свои русские произведения. Он будет оставаться самым печатаемым автором «Ардиса» на протяжении всей его истории: в общей сложности в Энн-Арборе выйдет 22 его книги на русском и одна на английском. Но Набоков, по выражению Битова, «продолжал серебряный век, как будто не было 1917 года»[219]. Даже если это не совсем так, учитывать его в расчетах не справедливо.

В 1975–1979 годах баланс между прошлым и настоящим начинает меняться. Из 77 книг, опубликованных на русском, 18 написаны современными авторами, включая Иосифа Бродского, Льва Копелева, Сашу Соколова, Владимира Войновича, Андрея Битова, Фазиля Искандера, Василия Аксенова, Сергея Довлатова и Эдуарда Лимонова (за вычетом Набокова).

Может сложиться впечатление, что других писателей, как говаривал Сталин, для нас и не было. Владимир Войнович в интервью для этой книги отмечал: «Это было непаханое поле. Они первыми стали приезжать, и все было в их распоряжении. Думаю, я был не единственным автором самиздата. Что мне светило? Тюрьма? Не гонорары точно. А тут какое-то издательство, которое что-то платит. Нам любые доллары нужны, сколько ни показывай».

Да, многие писатели вынуждены были работать в стол и перебиваться случайными заработками. Далеко не только те, с которыми у нас, во многом благодаря «Ардису», ассоциируется эпоха. Проффер так описывает ландшафт русской литературы в 1981 году, через десять лет после основания издательства: «Официальная русско-советская литература напоминает баскетбол на инвалидных колясках: кого-то, конечно, впечатлит напористость игроков или замечательные мышцы, развитые в определенных ограниченных зонах, и даже отдельные звезды восходят — но что-то во всем этом фундаментально не так… Есть

целые сферы человеческой жизни, о которых советские писатели вынуждены врать или в лучшем случае их игнорировать. Например: история, философия, политика, все остальные страны, образование, промышленность, сельское хозяйство, религия и секс… И потом им еще говорят, что они должны писать в духе «социалистического реализма»… А это совсем непросто — написать реалистический роман, не говоря правды». Причем Проффер имеет в виду не только официальных писателей, а скорее тех, кто публиковался от случая к случаю и надеялся, что будет публиковаться впредь.

Соответственно, свобода такого писателя была изначально скована внутренним цензором. На примере того же Войновича Проффер отмечает, что первый том «Чонкина» был написан в надежде на публикацию в СССР, второй же он писал в полной уверенности, что книга сможет выйти только за границей, когда «нож отняли от его горла»[220].

В 1976 году Карл, оглядывая советскую литературную сцену в целом, замечает: «Писатели, которым за сорок, не важно, живут ли они в СССР или за границей… скорее являются «реалистами», консерваторами по форме. Невозможно отличить диссидента от социалистического реалиста. Трифонов, Искандер, Войнович, Некрасов, Солженицын — все они люди старой школы, пребывающие в великой традиции толстовской прозы, или в менее великой, коль скоро эта традиция прошла через несколько десятилетий и множество Фадеевых. В квартире Трифонова висит фотография Хэмингуэя, Войнович использует весьма старомодного рассказчика в духе XIX века и большие куски солженицынских романов по форме вполне выдержаны в духе социалистического реализма. Некоторые даже сравнивают его с дедушкой социалистического реализма, Чернышевским, полагая, что он праведный, тенденциозный, деревянный, лишенный чувства юмора и неуклюжий…»

Проффер далее объясняет консерватизм русской прозы тем, что она была отрезана от авангардизма 20-х годов, а «шестидесятники ничего вообще не знали о Кафке, Прусте, Фолкнере или Камю. Джойс до сих пор не вышел в официальной печати»[221]. Поиск чего-то свежего, отличного от «великой» и «невеликой» традиции, будет одной из ведущих мотиваций Профферов.

Объясняя Фазилю Искандеру, как устроено издательское дело на Западе, Карл замечает, что редакторы «вообще боятся риска и независимых решений»: в особенности их пугают слишком толстые книжки[222]. В собственной издательской политике Профферов было мало расчета и множество независимых, подчас

эмоциональных и рискованных решений: «Мы смотрели на наше дело с практической точки зрения только тогда, когда это было абсолютно необходимо для нашего выживания, — пишет он Копелевым. — Большинство книг (и по-английски, и по-русски) мы выбрали, руководствуясь весьма непрактическими соображениями. В противном случае жизнь была бы скучна, «Ардис» был бы скучен, и мы были бы скучны. Кто кроме безнадежного идеалиста опубликовал бы книгу о поэтических воззрениях Шершеневича, да еще и на английском? Даже я порою удивляюсь вещам, которые сам выбираю»[223].

Битов рассуждает в интервью для этой книги: «Такой вкус, какой проявили Карл и Эллендея, никто не проявлял… Они руководствовались вкусом, а не коммерцией. В этом их великая заслуга перед русской литературой… Вкус такая вещь, которую не только знают и слышат, но нюхают, обмениваясь какими-то вибриссами. Происходит ток понимания и информация передается не только словами».

Вероятно, можно упрекнуть Профферов за то, что кого-то они опубликовали, а не следовало бы. Или наоборот. Но если смотреть в целом, их предпочтения были крайне разборчивыми. Отвергая одну из рекомендаций Копелева, Карл поясняет: «Я не думаю, что эта книга так же хороша, как другие наши издания, и мы обязаны перед всеми нашими авторами не понижать их статус, публикуя вещи, которые всего лишь интересны или всего лишь приемлемы. Я хотел бы думать, что большинство наших книг исключительные»[224].

Не стоит думать, что Карл и Эллендея в одночасье определились со своими редакционными принципами. Так, в логику их аполитичного редакционного курса, заявленного в первом томе RLT, совсем не вписывается уже первая их значительная публикация современного автора в 1975 году — биографический роман Льва Копелева «Хранить вечно». Главной здесь явно была теплая дружба с Копелевыми — их переписка в архиве «Ардиса» самая объемная и часто очень откровенная. Сочувствие и желание помочь тем, кто сражается за правду, вообще характерно для «Ардиса», но для раннего этапа это устремление было определяющим: стихи диссидентки Натальи Горбаневской (1973) и роман арестованного за самиздат Владимира Марамзина (1975) — две первые современные книги Профферов. В этом ряду Копелев выглядит естественно.

Эллендея считает, что публикация «Хранить вечно» стала одной из двух причин отказа Карлу в визе в 1979 году. «Это не наша книга», — соглашается она. Видимо, Профферы не скрывали свою оценку от самого Копелева. Он пишет: «Автор я для вас «не

наш», не писатель, не литературовед, а так, «что-то вроде чего-то»»[225]. «Все-таки никакой я не писатель, а просто бойкий записыватель», — признается он в другом письме[226].

«Это действительно политическая, историческая вещь, — продолжает Эллендея, — но он наш друг, и там очень много ценных свидетельств преступлений советской армии в Германии. Это было очень опасно, но нам было трудно отказать». Копелев передал Профферам мировые права — в архиве «Ардиса» есть письмо, в котором Лев Зиновьевич торжественно уступает Профферам 10 % своих гонораров от любых публикаций на всех языках мира[227]. В итоге Копелев принес «Ардису» «очень много денег», из которых они смогли заплатить за издание других книг. Карл подчеркивает в 1979 году: «Он заработал больше денег, чем любой русский автор, кроме Солженицына…»[228]

«Я помню, люди спрашивали, а почему ты так много Копелева издаешь, — продолжает Эллендея. — Но он действительно сделал нам громадное одолжение. Мы получили наш маленький процент с его бестселлеров. Это купили по всему миру. Это первая книга такого сорта, которая действительно принесла много денег — главным образом ему, конечно. Но то, что мы заработали, было много для «Ардиса»». Вероятно, именно с тех пор у Профферов появилась возможность чаще обращаться к современности. Их пространство для рискованных решений заметно расширилось.

Важно, что все это происходит на фоне разрядки международной напряженности. В 1975 году закончилась война во Вьетнаме. СССР присоединился к заключительному акту Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в том числе принял на себя обязательства по вопросам прав человека и основных свобод. В этом контексте «Ардис» тогда пострадал не сильно, Копелеву в советской печати досталось больше.

Долгое время сдерживающим фактором в публикации современных русских авторов, проживавших в СССР, был страх. После того, как Синявский и Даниэль за выход своих книг на Западе получили длительные сроки в колонии строгого режима, это был важный вопрос. Наталья Горбаневская, участница демонстрации 1968 года на Красной площади, испытывала терпение режима множеством смелых акций. На их фоне публикация сборника ее стихов в небольшом американском издательстве где-то в Энн-Арборе выглядела «меньшим из зол». В свою очередь, Владимиру Марамзину, находящемуся под следствием, нужна была международная поддержка, об этом еще пойдет речь ниже. Лев Копелев после девяти лет сталинских лагерей вообще ничего не боялся.

Другое дело — писатели, которые были в СССР признаны официально и даже печатались. Эллендея вспоминает: «Мы практически не знаем Битова, но мы знаем Искандера через Копелевых. Почти одновременно они закончили главные работы: Битов — «Пушкинский дом», Искандер — «Сандро из Чегема». Но им не дают опубликовать их как романы, только куски в журналах, как бы рассказы. А они смотрели, как идет дело у «Ардиса». Ведь мы максимально старались не быть политическим издательством, потому что уже есть «Посев», уже есть «Имка», уже есть разные хорошие издательства, которые, возможно, получают деньги от ЦРУ. Те, кто делают политические вещи, знают, куда идти. Но кто, кроме нас, интересуется чисто русской литературой? Никто. И Битов обращается к нам, и он очень осторожен. И Искандер — тоже самое».

Для издательств, которые возникли в контексте холодной войны и обслуживали ее идеологически, книга была оружием «мягкой силы», соответственно, она должна была быть достаточно антисоветской, чтобы оправдать деньги, затраченные на ее производство. В письме к Войновичу в 1976 году Карл подтверждает слова Эллендеи: «По нашему мнению, крупные издательские дома интересуются исключительно инакомыслием, ищут писателей, которые смогут доставить проблемы, они даже не смотрят на русскую литературу, если у нее нет такого подтекста»[229]. И, судя по этим словам Карла, отныне он знает, в каком направлении двигаться — хорошая литература хороша сама по себе. Действительно, как быть писателю, который, по словам Битова, «боролся не с Советской властью, а с соцреализмом»[230]? «В конце концов, я не хочу запирать свой роман в молчании», — признавался он Карлу тогда[231].

Битов, по мнению Проффера, находился под определяющим влиянием Достоевского и Набокова. Так же, как «Дар», Карл называет «Пушкинский дом» «музеем русской литературы». Он пишет: «Мы обнаруживаем аккуратно построенный современный роман с сильными подсказками Набокова в структурных симметриях, параллелях характеров, использовании литературных аллюзий, судьбоносной нумерологии, намеренных двусмысленностях и разрушении вымышленной реальности вариативностью ключевых событий»[232].

В интервью для этой книги Битов замечает: «Фазиль и я совпали в этом отношении: мы были первыми, кто напечатал свои большие произведения открыто на Западе, продолжая жить в СССР… Фазиль мне более-менее параллелен, но у него судьба немножко была защищена. Потому что он был национал. С их точки зрения, национал пишет о национальном. У нас дружба

народов. А я русский». Битова долго мучали сомнения и страхи. Сам он тогда с Профферами знаком не был. Идея опубликовать «Пушкинский дом» в «Ардисе» принадлежала Аксенову, через него же Карл переслал договор.

Единственное условие, которое поставил Битов, — одновременная публикация «Пушкинского дома» и на русском, и на английском. «Это прививка от расстрела, по выражению Мандельштама, чтобы, когда меня заберут, мир все-таки мог читать эту вещь, не только русская эмиграция, а другие люди, и защищать меня в какой-то мере», — объясняет он.

Тогда это условие выполнено не было: качество перевода никак не устраивало Карла. Битов хорошо помнил, как в 1978 году лежал на пляже в Болгарии и услышал из приемника новость о выходе «Пушкинского дома» на Западе. Он признался, что, возвращаясь в Москву, ждал ареста прямо в аэропорту. Пограничник долго проверял документы, но всего лишь пожурил за то, что он вернулся на три дня позже. В письме, отправленном Карлу накануне возвращения и сохранившемся в архиве «Ардиса», Битов пытается шутить, но с трудом скрывает нервозность: «Я в полном неведении, дадут ли мне отдельную квартиру или камеру»[233]. Не случится ни того, ни другого. У Битова вскоре распадется второй брак, квартира останется за женой, а в связи с публикацией «Пушкинского дома» он лишится каких-либо заработков. И иногда ему придется ночевать в своей машине.

Эллендея утверждает, что дополнительным фактором, который мог повлиять на решение Битова и Искандера опубликоваться в «Ардисе», был каталог издательства: «Они считали, что можно рискнуть, потому что, например, мы издали по-английски Нагибина, Трифонова, Шукшина. То есть то, что мы издаем по-английски, — иногда вполне советские ортодоксальные писатели. Если они пишут хорошо — нам все равно».

Действительно, для Профферов ярлык «официально признанный и издаваемый в СССР писатель» отнюдь не являлся причиной для попадания в стоп-лист, как это было в идеологизированных издательствах. Качество прозы Профферы ставили выше, тем самым в очередной раз проявляя свою независимость. Тем не менее, надо признать, это обстоятельство едва ли могло кого-то успокоить. Публикация на Западе есть публикация у «врагов».

Битов в определенный момент не справился с давлением. Его заставили потребовать через ВААП — советское агентство по авторским правам — от «Ардиса» объяснений: дескать, на каком основании они напечатали его роман. И Профферам пришлось

придумывать легенду, призванную доказать, что сам Битов к публикации «Пушкинского дома» не причастен: «А он, бедняжка, ничегошеньки не знал», — пишет в своей подробной инструкции для Профферов Лев Копелев в декабре 1978 года[234]. Судя по сохранившемуся в архиве запросу от ВААП, аналогичную тактику выбрал и Фазиль Искандер, главный роман которого выйдет в «Ардисе» в 1979 году[235].

Второй том «Сандро из Чегема» «Ардис» напечатает в 1981 году так, что, по словам Карла, роман получится почти таким же длинным, как «Война и мир». Карл называет Искандера писателем «первого ряда, которого, очевидно, совершенно не интересует политика. Он только при сильном напряжении воображения может быть назван диссидентом». Проффер считал, что книги Искандера «лучше всего могут пережить переводы и культурный экспорт». Он называл его «Габриэлем Гарсиа Маркесом Абхазии» и считал, что его «регионализм не является препятствием к пониманию в силу эпического универсального качества его текстов». В меланхолическом комизме Искандер, по мнению Карла, даже близок к Гоголю[236].

Владимир Войнович в своем интервью для этой книги утверждал, что поначалу, до «Иванькиады», Профферы не проявляли к нему интереса: «Им по их восприятию литературы гораздо больше подходили и Аксенов, и Битов, и Саша Соколов. Я где-то недавно узнал, что им «Чонкина» предлагали, но они его отвергли. Потом, конечно, пожалели, напечатали». Это не совсем так. «Чонкина» Войнович отдал в Ymka Press в 1973 году, когда Профферы еще находились в своей репринтной фазе и едва ли могли финансово потянуть большую книгу современного автора, у них тогда вышли только стихи Горбаневской. Судя по интервью, это сам Войнович пожалел, что передал книгу Ymka, ее там продержали до 1975 года. Он даже звонил Глебу Струве жаловаться. К моменту подготовки к публикации «Иванькиады» в 1976 году Войнович — известный на Западе писатель: по его словам, мировой тираж «Чонкина» со временем достиг 500 тысяч экземпляров. И Проффер тогда же весьма высоко оценивает «Чонкина»: «Это очень читабельный и смешной роман… Книга забавна до такой степени, что она совершенно необычна для русских писателей — расслабленная, с хорошим чувством юмора без «проклятых вопросов» и замыленной риторики»[237]. В «Ардисе» оба тома «Жизни и необыкновенных приключений солдата Ивана Чонкина» выйдут в 1985 году.

* * *

С приезда Бродского в Энн-Арбор в 1972 году начинается соучастие русских литераторов непосредственно в редакционной жизни «Ардиса», и это, несомненно, способствовало постепенному увеличению доли современных авторов в редакционном портфеле Профферов. Чем дальше, тем больше известность «Ардиса» оборачивалась лавинами литературного мусора, засылаемого им графоманами и сумасшедшими. Проффер говорит о «постоянном потоке писем и рукописей от русских писателей, которые настаивают на том, что мы должны опубликовать их работы. Например, некий В. Яновский (из поколения Набокова), который опубликовал дюжины книг на многих языках и угрожает нам немедленным истреблением, если мы осмелимся отклонить его книги на русском. Или В. Тарсис. Он отправил нам свое «Полное собрание сочинений», включая чудесное неопубликованное «продолжение» «Братьев Карамазовых»»[238]. Понятно, что отделять зерна от плевел с годами становилось все труднее.

Большинство из русских сотрудников «Ардиса», по свидетельству Эллендеи, были трудоустроены туда по просьбе Бродского, что говорит о немалом влиянии поэта на Профферов. Это подтверждает и друг Бродского, Михаил Барышников, в интервью для этой книги: «Иосиф говорил, что «Ардис» — «очень цивильное заведение». Он гордился, что его слушают. И, вероятно, его спрашивали». Но, как помним, жесткий отзыв Бродского на «Ожог» в 1976 году вовсе не остановил Профферов от сотрудничества с Аксеновым: «Иосиф и другие, естественно, засунули свои головы в задницы» — пишет Проффер Василию Павловичу, подтверждая, что готов взяться за публикацию «Ожога»[239].

Сам Бродский сначала жил у Профферов, впоследствии часто наведывался в гости и, очевидно, был вовлечен в работу с текстами: Энн-Арбор оставался его основной базой вплоть до 1981 года, хотя бывал он там наездами. В письме к Копелевым за 1980 год Профферы упоминают: Бродский заходил к ним по вечерам так часто, что однажды, когда поэт не пришел, маленькая дочка Профферов Арабелла сказала «Иосиф» и уставилась в окно в ожидании, что он, наконец, появится[240].

В 1974 году Бродский устраивает в издательство свою московскую подругу Машу Слоним, с которой Профферы, впрочем уже были знакомы через Копелевых. Лев Лосев, друг и биограф Бродского, утверждает, что это Бродский «выдернул из «потока самотека» рукопись «Школы для дураков» Саши Соколова»[241]. На самом деле Бродский устроит Лосева в «Ардис» только в 1976 году и он не мог быть свидетелем памятной сцены разбора редакционной корреспонденции.

Маша Слоним так рассказывает эту историю: «Рукопись пришла по почте в конверте, никто не знал, кто это, Саша Соколов?! Сам экземпляр был совсем слепой, такое ощущение, что девятый (через восемь листов копирки. — *Н. У.*). Профферы так и не смогли его прочесть. Я сама делала усилия, чтобы разобрать. Бумага тонкая, все расплывалось. Я стала набирать рукопись, ее было приятно набирать. Я сказала, что, по-моему, все это гениально. Потом приехал Иосиф, посмотрел и заключил: «Ну, может, не гениально, но пойдет». Я была уверена, что ее надо печатать. И мне было приятно, что это мое открытие»[242].

Характерно для издательского стиля Проффера: он не удовлетворен одним или несколькими мнениями, тем более что, по словам Маши, «Школа для дураков» была «чем-то совсем неожиданным, совсем другим». Да и об авторе ничего не было известно. Карл отправляет ксерокопию романа самому Владимиру Набокову. До этого он, как помним, запрашивал мнение классика только по поводу поэмы Бродского «Горбунов и Горчаков». Проффер пишет: «К счастью, книга эта на удивление не похожа на европейскую литературу. Если Вы внесете ее в свой список для чтения в ванной или на сон грядущий, мне было бы интересно узнать Ваше мнение»[243]. Хотя ответ из «Дворца», как шутили в «Ардисе», придет уже после сдачи книги в печать, он будет лестным не только для Соколова, но и для Проффера: «До сих пор это лучшее, что Вы издали из современной русской прозы»[244].

Карл — поклонник формалистов — доволен и в письме Соколову называет «Школу» «явлением в русской литературе», она показалась ему «свободной от очевидной и утомительной злободневности… В ней нет никакого антисоветского элемента, которого ищут многие западные издатели»[245]. В обзоре 1976 года для New York Review of Books Карл отмечает, что Соколов «по своему чувству меры… скорее нерусский». Для Карла он представитель менее консервативного поколения 30-летних и более «смел в форме». Проффер усматривает у этого поколения влияние Джойса, Бейли, Фолкнера и других западных классиков XX века. Карл ставит Соколова в ряд с Владимиром Марамзиным, Эдуардом Лимоновым — о них еще пойдет речь — и Юрием Мамлеевым[246]. Сам Саша Соколов, оказавшись в эмиграции в 1975 году, вскоре поселится в доме у Профферов и проработает там с перерывами до 1977 года.

Под влиянием Соколова и Бродского Профферы обращают внимание на молодого поэта Алексея Цветкова: «Он (Бродский. — *Н. У.*) на самом деле редко проявляет энтузиазм по поводу других современных поэтов, но в вашем случае он находился в

настоящем возбуждении», — пишет Карл[247]. Цветков будет неоднократно печататься в «Ардисе» и найдет там работу, которую совместит с учебой в Мичиганском университете[248].

К редакционной кухне, несомненно, был причастен еще один друг Бродского, Владимир Марамзин, с которым Профферы познакомились в Ленинграде и у которого в «Ардисе» выйдут две отдельные книги. По наблюдениям Карла, на Марамзина оказал влияние и Набоков, и Платонов[249]. Хотя Марамзин после эмиграции жил в Европе, Карл привлекал его к оценке тех или иных текстов, речь даже заходила о том, чтобы сделать его представителем «Ардиса» в Париже[250]. В частности, в их переписке Марамзин упоминает, что тоже давал положительный отзыв на Соколова (значит, в референтную группу входил не только Набоков)[251].

Лосев утверждает, что именно Бродский обратил внимание Профферов на Лимонова-поэта[252], но это не совсем так. Из письма Карла Лимонову следует, что первоначальным отбором произведений занимались Соколов и Цветков, а Марамзин «был среди тех, кто убеждал нас принять эту книгу»[253]. Марамзин писал Карлу, что — ни много ни мало! — «поэт он (Лимонов. — *Н. У.*) после Бродского несомненно лучший»[254]. Карл признается Марамзину: «Лично я не понимаю его поэзию, но мы решили принять его книгу только потому, что все — ты, Иосиф, Саша, Цветков — уговаривали столь настойчиво»[255]. В официальном обзоре Карл, однако, представляет Лимонова новатором, как помним, в ряду с Сашей Соколовым, и предполагает влияние на него обэриутов, «абсурдистской школы 1930-х годов»[256]. Впрочем, предложение Лимонова опубликовать его прозу — «Это я, Эдичка» — «Ардис» отклонил «не по моральным соображениям, но потому что он показался нам скучным и скорее скандальным, чем артистичным»[257].

Не надо думать, что Профферами было легко манипулировать. Как я уже писал выше, если бы они слушали своих друзей, «Ардиса» бы не было. Чем успешнее Профферы были в созидании Америкороссии, тем четче они определялись со своими редакционными принципами: ««Ардисом» руководит не Копелев. Им не руководит Бродский. Им не руководит __ (вставь имя по своему желанию), — пишет Карл Марамзину в ответ на его жалобы (дескать, против него интригует Копелев). — Эллендея и я вместе принимаем все окончательные решения о том, какие книги делать и в какой последовательности их публиковать. Мы очень настойчивы в том, чтобы сохранять как можно больше независимости. Мы спрашиваем (в случае с русскими книгами) как можно больше людей; мы внимательно

взвешиваем их мнения — учитывая не только индивидуальный вкус каждого из опрошенных, но и наличие у него врагов и друзей. Несчастье с нашими русскими друзьями заключается в том, что у них у всех есть топоры для заточки (идиоматическое выражение, подразумевающее наличие скрытых интенций. — *Н. У.*). И нам важно разобраться, на кого они точат свои топоры, когда рекомендуют или проклинают ту или иную рукопись. Мы никогда не опубликуем книгу исключительно по рекомендации Соколова или Копелева или Марамзина. Мы никогда не откажемся от книги по совету С. или К. или М. (разумеется, мы прежде всего с подозрением относимся к негативным отзывам, поскольку любовь в конце концов превыше ненависти). Иногда мы публиковали вещи, которые никому не нравились (кроме нас), а иногда — редко — вещи, которые устраивали всех. Это элементарно или мне так казалось, мы должны оставаться вне устремлений людей, с которыми имеем дело. Это значит, что мы не должны всерьез воспринимать чьи-то личные ссоры, зависть и т. д. — если мы когда-нибудь во все это ввяжемся, «Ардис» закончится… Если мы делали ошибки, это наши ошибки — а не тех людей, которые постоянно пытались повлиять на нас… Разве не оскорбительно для нас, когда люди предполагают, что нас кто-то контролирует. Печально, поскольку мы слышим это со всех сторон все время — ленинградцы уверены, что Москва все контролирует, Москва жалуется, что у нас заправляет ленинградский модернизм… Это все такой геморрой, в самом деле»[258].

Обычно одной из ошибок Карла называют отказ в публикации романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»: дескать, сам Карл его не читал, а «сотрудники сказали, что это не интересно»[259]. Едва ли все было именно так. Марамзин в 1976 году информировал Карла о романе Гроссмана по просьбе главного редактора эмигрантского «Континента» Владимира Максимова. Якобы сам Максимов хотел издать Гроссмана, но понял, что это неподъемная затея[260]. В том же 1976 году в обзоре для New York Review of Books Проффер называет публикацию отрывков из романа Гроссмана «наиболее важной прозой, появившейся в «Континенте»». И отмечает, что друзья Гроссмана в Советском Союзе были недовольны тем, что Максимов напечатал лишь несколько отрывков из рукописи, которая чудом дошла до Запада. Ведь поначалу считалось, что оригинал романа был арестован КГБ и навсегда сгинул[261]. Войнович в интервью для этой книги предположил, что поступок Максимова был связан с тем, что за «Континентом» стоял Солженицын: «А он не терпел никакого соперничества. Для него самый главный враг был Гроссман».

Так или иначе, надо отметить, что подчас выводы о решениях Профферов делаются постфактум, как в случае с тем же «Чонкиным», отталкиваясь от того, каким «Ардис» стал в конце 70-х годов. Думаю, что в 1976 году он едва ли потянул бы такой роман. К этому времени «Ардис» опубликовал всего пять книг современных писателей (не считая Набокова). Между тем Марамзин пишет, что «Жизнь и судьба» насчитывал 1134 страницы[262]. И у «Ардиса» был уже Копелев. Кроме того, Проффер поясняет: «На то, что однажды опубликовано в «Континенте», Улльштайн получает все иностранные права»[263]. Действительно, издательство Ullstein было одним из учредителей «Континента». «А оно может заломить такую цену, что разговор окажется бессмысленным», — пишет Марамзин[264]. Разбираясь в отношении Профферов к Гроссману, не стоит игнорировать и тот факт, что в 1986 году «Ардис» издаст книгу Семена Липкина «Сталинград Василия Гроссмана».

Наконец, еще один русский персонаж «Ардиса» второй половины 70-х — снова старый ленинградский товарищ Бродского Игорь Ефимов, с которым Профферы познакомились у Бродского в один из первых визитов в Ленинград, в 1972 году[265]. Надо признать, это была самая спорная креатура Бродского. Ефимов работал в «Ардисе» с 1978 по 1981 годы и даже опубликовал там две своих книги. Оставаясь сотрудником Профферов, он тайком завел собственное русское издательство — «Эрмитаж»: «Наше издательство… приподняло свою головку с теплой профферовской груди (с двух грудей? с трех?)» — странновато шутит Ефимов в письме к Бродскому, помещенном в его, Ефимова, мемуары. Из дальнейшего следует, что Ефимов ни тогда, ни много лет спустя, когда писал свои воспоминания, так и не понял, сколь сомнительно выглядел его поступок: будучи сотрудником «Ардиса», он завел свое издательство, продолжая получать зарплату у Профферов, используя их контакты, симпатию к бренду и к нему лично — как доверенному лицу Карла.

Ефимов пишет Бродскому: «Наш великий Набоково- и Достоевсковед проявил себя как замечательное сочетание Кинбота, Пети Верховенского, мсье Пьера и Смердякова. То есть, увидев каталог нашего скромного Эрмитажа, пришел в такую ярость, что уволил меня, не дав доработать хотя бы двух недель»[266]. Надо отдать должное Бродскому: несмотря на настойчивые просьбы Ефимова — своего старого товарища, — он не передаст ни одного своего произведения в «Эрмитаж».

Иначе поступит Сергей Довлатов, публиковавшийся и в «Ардисе», и в «Эрмитаже». Его «страшно огорчает» разрыв Карла с

Ефимовым, которого он называет своим «литературным воспитателем». Но и Карлу он «глубоко сочувствует» как человеку, «связавшему жизнь с российскими литературными кругами. Знаю, как извращен, безумен и капризен этот народ»[267].

Впрочем, косвенно история с Ефимовым говорит о том, какой существенный путь проделали Профферы. Кому бы в 1971 году пришло в голову красть их идею?! За несколько лет «Ардис» стал серьезной авторитетной институцией, а публикация в нем означала признание места в русской литературе.

Андрей Битов рассказывал, как получил от Профферов экземпляр только что напечатанного «Пушкинского дома». Битов принял меня в сентябре 2016 году, примерно за полтора года до смерти. Прошло много лет, а он все еще отчетливо помнил каждое мгновение той первой встречи со своей книгой: «Мне позвонил сотрудник посольства и сказал, что у меня для вас пакет-посылка. Назначил встречу у МГУ. Мы выглядели как два шпиона. Я пересел в его машину, и он вручил мне пакет. Меня удивляло все: и эта крафт-бумага, из которой был изготовлен конверт, чтобы книга не помялась, — у нас такой не было — и бронзовые заклепки, которые конверт скрепляли, — все это было для меня поразительно. Когда я вытащил книжку и увидел, что она золотая с кровью — там цвета так подобраны, — то я подумал: ни за какие деньги я бы не мог вообразить, что она будет именно такой. Да, первые мои чувства были вполне детскими. «Я перевернул книгу и прочитал сзади список литературы (реклама изданий, выпущенных «Ардисом». — *Н. У.*). Он открывался… «Путешествием в Арзрум», потом там шел Набоков, Мандельштам. И я понял, куда я попал. Я попал в список настоящей литературы».

Характерно, что в этом рассказе Битова радость от обретения места в блестящем ряду русских писателей соединяется с чувством причастности одновременно и к западной культуре — невиданный крафтовый конверт, бронзовые заклепки, дизайн обложки. «Нам не нравилась наша система и наша власть и мы абсолютно идеализировали Запад, о котором не имели понятия. Позже мы многое повидали. И как в том еврейском анекдоте могли спросить: «А нет ли у вас другого глобуса», — признается Битов. Но пока его, как и многих писателей, издавших свои книги в «Ардисе», радует обретенная сопричастность инобытию, волшебному западному миру, не только списку русских писателей.

* * *

Я спрашивал Эллендею, когда они почувствовали себя знаменитыми. По ее словам, это произошло в 1977 году на первой книжной ярмарке в Москве, в которой «Ардис» принял участие. «Это было ошеломляющее событие… Очередь к нам растянулась на квартал… Мы почти не ели, не пили».

Владимир Набоков — главная книжная звезда ардисовского стенда — скончался чуть меньше трех месяцев назад, и поэтому Карл описывал свои впечатления от книжной ярмарки уже его вдове, Вере Евсеевне: «Мы подсчитали, что 5000 человек посетили наш стенд, который вместе с израильским был самый популярный. Вокруг нас всегда стояла толпа, и днем даже приходилось ее оттеснять и пропускать по 12 человек на 10 минут, а это означало, что каждый желающий должен был простоять в очереди от часа до полутора»[268].

Характерно, что, по воспоминаниям Эллендеи, натравленные на стенд «Ардиса» «комсомольцы» — некие люди в штатском — пытались изъять вовсе не подрывную литературу, а Набокова — самое опасное, на взгляд советской цензуры, из изданного Профферами до сих пор. Но Профферам удалось спрятать эти книги.

Карл, естественно, рассказывал Вере Евсеевне об успехе изданий ее мужа, но едва ли сильно кривил душой: «Наибольшим интересом пользовался именно Набоков. К его книгам посетители бросались в первую очередь. Они отчаянно пытались прочесть как можно больше за то короткое время, что было им отведено»[269]. Эллендея вспоминает, как люди на их стенде стояли и читали «Дар» целый час. «И, наконец-то, я — ужасный человек — говорю: «Вы знаете, другие люди ждут?! Это не библиотека!»»

Проффер сообщает, что посетители были «больше нас потрясены тем, что такие книги стоят открыто на полках в СССР. Спрашивали, как такое могло произойти и что это значит. Могут ли они купить эти книги… И конечно, просто воровали экземпляры. У нас было не так много экземпляров каждой книги, поэтому на второй день (в первый мы лишились трети всех изданий) нам пришлось проявлять строгость, но настрой посетителей не изменился. Возможно, я не очень хорошо все описываю, но это напоминало сенсацию. Я никогда не испытывал ничего подобного — и, уверен, русские тоже»[270].

«Сказать, что к нам пришли только наши читатели, — продолжает Эллендея, — не совсем верно. Они что-то слышали, может быть, что у нас есть запрещенные или интересные книги. Например, там были молодые парни, которые были похожи на колхозников. Их едва ли интересовали русские книги, они увидели там английскую биографию Есенина, где было много

фотографий, — я коллекционер фотографий, всю жизнь собирала их в России. Для биографии Есенина я получила редкую фотографию поэта после смерти с веревкой вокруг шеи. Эти парни смотрели на нее. Они не читали по-английски. По-моему, они редко читали и по-русски, но это их поэт. Ужасно трогательно, просто плакать хочется. Они так и сказали: ««Это наш поэт, и мы не видели этой фотографии». Для них он был как Высоцкий. Мы поняли, что мы видим другую публику. Это не московская и не ленинградская интеллигенция, это что-то другое, это народное».

В заключение своего обстоятельного письма Вере Набоковой Проффер, не справляясь с возбуждением, сыплет короткими фразами: «у меня кружится голова», «все произошедшее нас потрясло», «мы испытываем особенно сильный культурный шок»[271].

Приподнятое настроение, в котором Профферы находились в Москве во время визита 1977 года, вероятно, не только разогрело их творческие амбиции. В следующем году они сообщают Искандеру о том, что Эллендея близка к разрешению от беременности: «Медленность этого молодого отказника от внешней действительности я приписываю месту его зачатки (*sic*) — гостиница «Россия»»[272]. Родившаяся в 1978 году дочь Профферов Арабелла станет с тех пор постоянной героиней их переписки с многочисленными русскими друзьями: «Арабелла — это Эллендея и я», — признается Карл Копелевым[273]. И она — единственное, что «позволяло нам полностью отрешиться от нашего русского бытия хотя бы на короткие промежутки времени»[274]. Описания ее первых лет и переживаний молодых родителей постоянно перемежаются с деловыми вопросами, обсуждением политики и общих знакомых. Фотография Арабеллы сразу же пополнила профферовский иконостас во многих квартирах их друзей,[275] в том числе и у нас, на Красноармейской. «Сначала я, вдоволь налюбовавшись на нее в возрасте одного дня (!), спрятала фото в ящик письменного стола, но потом вытащила и поставила на видное место, чтобы она все время была на глазах», — пишет Профферам Инна Варламова[276].

* * *

В декабре 1979 года СССР введет войска в Афганистан, разрядка закончится, а с нею исчезнет и терпимость советских властей к контактам с Западом. Позднее Копелев скажет в письме к Профферам: «От надежд остались окурки и обмылки. Холодная

война становится все холоднее и расстояние, разделяющие нас все необозримее, безнадежнее»[277].

Артподготовкой к новому витку геополитической напряженности станет атака советских властей на авторов альманаха «Метрополь». В Москве «Метрополь» вышел в самиздате еще в декабре 1978 года. Но Аксенов обсуждал с Карлом содержание «Метрополя» уже в августе 1978 года[278]. В начале следующего года альманах был издан в «Ардисе» сначала репринтом, а затем в типографском наборе. Это был сборник, отвергнутых советскими издательствами текстов известных литераторов, собранных Василием Аксеновым, Андреем Битовым, Виктором Ерофеевым, Фазилем Искандером и Евгением Поповым.

Первый секретарь московской организации советских писателей назовет сборник «порнографией духа»[279]. Последует массированная травля всех участников «Метрополя» с исключениями из Союза писателей и в некоторых случаях высылкой из страны.

На вопрос о том, чем так разозлил советские власти безобидный сборник прозы и поэзии, Эллендея ответила: «В нем были собраны избалованные звезды советского режима, они выступили дерзко, рискнули всем, и их хотели наказать. Когда ваши любимые собаки нападают на вас, нужно реагировать строго».

В этой оценке мне слышится сожаление Эллендеи о том, что вся эта история вообще случилась. Профферы не могли не издать «Метрополь» (солидарность с их друзьями требовала поступка), но именно этот шаг лишил их очного общения с московскими и ленинградскими писателями, учеными, переводчиками, близкими людьми — а ведь, как говорит Эллендея, «Россия — это наша параллельная жизнь». К тому же многие не слишком звездные друзья Профферов сильно пострадали из-за своего участия в «Метрополе» — например, поэты Семен Липкин и Инна Лиснянская. Позднее прояснилось многое, добавляет Андрей Битов: «Я не знал, что Василий Павлович (Аксенов. — *Н. У.*) делает это под свой отвал. Это потом открылось, а в общем-то он поступил некорректно с большим коллективом людей». «Если бы не было «Метрополя», Карл бы вернулся в Советский Союз, но «Хранить вечно» и затем «Метрополь» — это уже крышка», — заключает Эллендея.

В этом контексте «Ардис» перестает скрывать свои политические взгляды. В 1979 году Профферы опубликуют вполне политизированную книгу их старого товарища, Роберта Кайзера, корреспондента Washington Post в Москве в 1971–1974 годах — «Россия: власть и народ», хотя она лежала у них уже

с 1976 года[280]. Соотношение «исторических» и современных писателей резко меняется. В 1979 году будет издано 26 книг на русском, из них современных всего четыре, включая «Метрополь». А уже в 1980 году из 17 книг — 7. В 1981 году — 12 из 13. В той или иной степени эта тенденция сохранится и в будущем. Из 102 книг, изданных на русском с 1982 по 1996 годы, 55 принадлежат современным авторам, включая литературоведческие труды и альманахи.

Конечно, к началу 80-х годов «Ардис» фактически воссоздал панораму русской литературы: многое из прошлого, замалчиваемое и запретное, было издано — Набоков, Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Гумилев, Кузмин, Ходасевич, Пастернак, Бабель, Платонов, Булгаков, Зощенко и другие. В «Ардисе» вышел даже неочевидный роман Андрея Соболя «Любовь на Арбате» (1926), который, например, очень повлиял на творчество талантливого фотохудожника и подруги Профферов Светланы Ивановой[281].

Теперь в каталоге «Ардиса» может появиться пламенеющий памятник XVII века — «Житие протопопа Аввакума» (1982). В 80-х настает время красивых собраний сочинений. Уже опубликованное переиздается сообразно новым стандартам качества. «Булгаков» стартует в 1982 году, «Набоков» — в 1987-м.

По мере укомплектования библиотеки прошлого закономерно возрастала доля современной литературы в портфеле «Ардиса». К тому же рубеж 70–80-х годов был мрачным временем: «Плохое настроение у всех. Олимпиада превращается в Сибириаду», — пишет Аксенов Профферам[282]. Начинается новая волна эмиграции: из СССР уехали Сергей Довлатов, Юз Алешковский, были лишены гражданства Аксенов, Войнович, Копелевы. Профферы активно издают их книги, как и книги тех, кто пострадал от атаки на «Метрополь», но остался в СССР — Булата Окуджавы, Семена Липкина и Инны Лиснянской, Евгения Попова, Юрия Кублановского, Бориса Вахтина. Осторожность больше ни к чему, а поддержка друзьям и знакомым необходима.

Наверное, самым важным для Профферов современным автором этого периода становится Василий Аксенов, хотя его «Стальная птица» была напечатана «Ардисом» еще в 1977 году в альманахе «Глагол». Познакомились они раньше через Копелевых, друживших с Евгенией Гинзбург, матерью Аксенова. Проффер называет писательский стиль Василия Павловича «нетипичным для советской литературы. Более того, в сексуальных сюжетах он абсолютно откровенен. Его темы не местечковые. Аксенов знает, что существует другой мир, любит его, и не боится им воспользоваться. Его космополитизм вечно был подозрителен для

секретарей Союза писателей. Правильные советские писатели всегда самодостаточны. Ничто за пределами Советского Союза не должно быть показано (кроме шпионов, реакционеров и наркоманов)». Цитируя Петра Вайля и Александра Гениса, Проффер называет «Ожог» «энциклопедией советской жизни». Одновременно он обращает внимание и на формальные стороны произведения, столь важные в его системе координат: переплетение реальности и фантазии, нелинейная хронология, богатый и изобретательный язык[283].

К началу 80-х у Профферов меняется оценка пройденного пути: «Нам очень ясно, — пишут они Фазилю Искандеру в 1981 году, — что главное оправдание всей нашей работы за десять лет — это публикация трех или четырех вещей: «Сандро», «Пушкинский дом», «Школа», «Ожог»»[284]. Даже если Профферы пытаются польстить капризному Искандеру (а это так), характерно, что они не упоминают ни серебряный век, ни Набокова, с чего все начиналось. Современность становится нервом «Ардиса».

Профферы не только преодолели раскол русской культуры XX века, соединив серебряный век и актуальную литературу в рамках одного издательства. Они напрочь отменили противопоставление эмигрантской, советской и самиздатовской литературы. Им на смену пришла единая русская литература. Об этом Карл рассуждал в 1981 году на конференции «Русская литература в эмиграции: третья волна».

Тот же Аксенов, несмотря на свою эмиграцию, не может быть назван «эмигрантским писателем». И одновременно это уже не советская литература. «Это просто русская литература, — заявляет Проффер. — …Значительная часть, во многих отношениях лучшая часть русско-советской литературы просто переехала за границу ради всего лишь одной фазы ее существования — а именно фазы печати. Результатом этого стала не эмигрантская литература, а проблема распространения книг и их маркетинга». Единственным критерием принадлежности к русской литературе Проффер отныне называет русский язык[285].

Это сегодня кажется нам очевидным, но, когда «Ардис» начинал, ситуация была коренным образом иной. Эмигрантская литература не рассматривалась как часть современной русской литературы, соответственно в нее не входили Цветаева, Набоков или Ходасевич. Проффер, например, ссылается на «Введение в русский язык и литературу», опубликованное Кембриджским университетом в 1977 году. Стоит напомнить, что Набоков был выпускником этого университета. И в год своей смерти, когда вышло «Введение», не был причислен издателями alma mater к

русской литературе. В свою очередь эмигрантские круги отвергали Набокова по другой причине — он автор «Лолиты»[286]. А Аксенову они не могли простить его слишком развязный язык. Андрей Седых, главный редактор важной эмигрантской газеты «Нового русского слова», написал Профферам, что не опубликует выдержки из «Ожога», поскольку они содержат «много грубостей и вульгарностей»[287].

В западных компендиумах по литературе места нынешних русских классиков, оказавшихся в эмиграции, занимали «дюжины ломовых лошадей» советского официоза только потому, что их издавали в Советском Союзе: «В этом отношении западные ученые слепо следовали советской официальной практике», — отмечает Карл[288]. Под «ломовыми лошадями» Проффер понимает персонажей вроде Григория Маркова, первого секретаря правления Союза писателей в 1971–1986 годах и других секретарей, которых Аксенов насчитывал до 300 человек. Они «написали многотомные эпосы, раскупленные партийными карьеристами и охотно проглатываемые советскими петрушками… Эту литературу именуют «секретариатской»»[289]. За каких-то пять-шесть лет, во второй половине 1970-х — начале 1980-х, Профферы продемонстрировали несостоятельность прежнего подхода и предложили свою версию актуальной русской литературы, которая с тех пор стала господствующей.

Впрочем, незадолго до смерти, в 1984 году, подводя итоги своего изучения русской литературы с 1960 года, Проффер скорее расстроен. И нам остается только удивляться, как мало в русской культуре изменилось спустя 60 лет: «Два главных факта о писателях и всем русском бытии: первое — Сталин и второе — война. Внутренний диктатор уничтожал своих врагов и друзей… затем внешний диктатор обратил в пепел обширные земли и населявших их людей. Все еще продолжаются споры о том, кто уничтожил больше миллионов — Сталин или Гитлер»[290].

Другой основной тематикой русской литературы Проффер называет «битвы» вокруг тех или иных бытовых вопросов, но в отличие от литературы золотого века типы и характеры не универсализируются. Они остаются местечковыми и провинциальными. Советские герои не путешествуют, «их радиус действия в продолжение всей жизни остается крайне ограниченным… Современная цивилизация не предлагает слишком многих испытаний. У героев жизнь не усложнена такими западными проблемами, как внезапное богатство, за кого голосовать на следующих выборах, роман со своим психотерапевтом, взрыв компьютера или даже переезд в другой дом или штат. Секс интересует их, конечно, но даже в 1984 году

он не является предметом детального осмысления, описания или фантазии»[291].

Карла как поклонника формализма продолжает угнетать консерватизм русского реализма. «Большинством побед над цензорами, нарушениями табу, которыми хвастались русские писатели или читатели в 60–70-е годы, были победы в тематике. Такой-то и такой-то сказал то-то и то-то, что не было сказано до этого… Поскольку запрещенных тем мириады, новая правда, или часть правды, может быть почти чем угодно. Русские читатели жили ради таких прорывов…»

Эксперименты со стилем никакого понимания у русских, по мнению Проффера, не вызывали: «Реализм — традиция, которую большинство русских писателей считают близкой себе»[292]. Предваряя один из английских сборников русской прозы, он перечисляет подвиды русского реализма: «прямой психологический реализм (Трифонов), интроспективный реализм (Битов), ретроспективный реализм (Распутин) и даже эпический реализм (Искандер)»[293]. При этом сам язык, которым пользуются писатели, крайне далек от реальности. И Карл имеет в виду не только запрещенный мат, без которого невообразима настоящая русская речь. Он говорит о современном языке, на котором писал, например, Аксенов и который, как помним, не устраивал не только советских редакторов, но и эмигрантских. «Значительная часть прозы и поэзии, опубликованной как на русском, так и на английском языках, даже «Ардисом», который пользуется репутацией «модернистского» и «элитарного» издательства, является традиционной реалистической и не экспериментальной».

При этом Карла удивляет чувство превосходства над Западом, «моральное и художественное», которое испытывают многие русские писатели, неважно, где они находятся. Так, Солженицын называет Россию «Христом среди наций». «Им кажется, что они живут в будущем… при этом они не подозревают, что на самом деле остались в прошлом, как в своих наполненных иронией трудах, так и в неспособности понять, что Россия и Восток отброшены в менее просвещенные времена», — заключает Проффер[294].

Глава IX
ЭКЗОТИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ

В апреле 1982 года Карл, уже узнав о страшном диагнозе, пытается, по его собственному выражению, посмотреть на пройденный путь «Ардиса» с точки зрения будущего. Он пишет Копелевым: «В некоторой степени у меня к «Ардису» (если мы можем говорить об «Ардисе» как о чем-то отдельном от Эллендеи и меня) двойственное отношение, как и к России: любовь и ненависть. Во многом это лучшее и самое важное из того, что мы сделали… Но и цена была очень высока, и порою я фантазирую по поводу свободы, которую мог иметь, не будь «Ардиса» («фантазировать» — важное слово, ибо я знаю, что был бы несчастлив без него, даже не принимая во внимание ту миссию, которая была его составляющей и которую нельзя было оставить, независимо от того, чего хотел я)». Карл согласен с тем, что хорошего в его жизни с «Ардисом» было больше, но все-таки решается перечислить и плохое. И он, конечно, строг к себе.

«Во-первых, мы оказались неспособны убедить массы людей в том, что русские писатели важные, великие и интересные… Да, мы влиятельны в определенных кругах и мы сделали больше, чем какой-либо другой англоязычный издатель… Но частичного успеха не достаточно…

Во-вторых, бизнес-сторона. Все так, мы делаем нашу работу лучше, чем большинство бизнесменов (иначе «Ардис» бы обанкротился много лет назад), и он сохраняет для меня некий коммерческий интерес. Но главным образом речь идет об отслеживании деталей и изучении форм, что не обещает никакой постоянной доходности. Это занимает колоссально много времени. 90 % моего времени уходит на эти вещи. Мы, так сказать, породили экзотическое животное, и поскольку мы полюбили его, мы должны были его прикармливать, убираться за ним и веселить его. Это работа смотрителя, но не тупая, как вы могли бы подумать, поскольку тупой смотритель предпочел бы вскоре убить это экзотическое животное. И тем не менее эта была работа смотрителя.

В-третьих, разочарования, которые были вызваны ожиданиями от «Ардиса» других людей, их взглядами на то, что мы могли или должны были делать. Люди, которые в реальности никогда не были в Энн-Арборе и не могли воочию убедиться, насколько крошечным было наше предприятие, воображали себе (по причине количества и качества наших книг), что мы

подлинная институция, обладающая ресурсами делать абсолютно все, что на практике было бы невозможно. Они не понимают, что «Ардис» выживает благодаря нашей собственной работе — и если четыре человека здесь не трудятся как в аду каждый день, семь дней в неделю, весь год напролет, все это рухнет»[295].

Когда Профферы только начинали издательство в 1971 году, Карл писал Набокову: ««Ардис» — одно из самых маленьких издательств в мире, ибо состоит из Эллендеи и меня, прежде всего имеющее своей целью публикацию рецензий, более живых, чем в других специальных журналах по славистике». Без всякого смущения Карл тотчас предлагает всемирно известному писателю перевести кое-что из Ходасевича для очередного выпуска RLT и обозначает гонорар — по доллару за строчку (всего 150 строк)[296]. Карл настойчиво и неоднократно напоминает Набокову о просьбе. И, удивительно, но, наконец-таки, добивается своего.

В письме Набокову 1973 года Проффер несколько подробнее описывает бизнес-модель «Ардиса», поскольку его издательские аппетиты растут: «У «Ардиса» есть сильные и слабые стороны (например, мы довольно удачно печатаем и продаем русские книги, но у нас маловато капитала). Дело в том, что очень немногие покупают книги на русском языке — не могу представить себе другого издательства, кроме нашего, решившегося выпустить в свет хотя бы одну русскую книгу. Мы же с удовольствием делаем некоторые вещи, хотя и теряем на этом деньги (факсимильное издание поэтических сборников), но наши книги, издаваемые по-английски, помогают достичь равновесия»[297].

Действительно, если у англоязычного журнала, монографий и сборников могла быть хоть какая-то аудитория среди славистов — преподавателей и студентов, то запускать печатанье русских книг в отсутствие рынка вообще — сущая авантюра. Не смущаясь этим, Проффер сразу же предлагает Набокову дать несколько своих ранних произведений для репринта в «Ардисе». И, к немалому удивлению, Набоков милостиво эту авантюру поддерживает. Постепенно, как помним, Профферы получат от него всё.

Вероятно, это предприятие закончилось бы фиаско, если бы Карл не обладал бесстрашием, напором, переходящим в дерзость, фантастическим трудолюбием и умением убеждать. «Я люблю делать, а не дискутировать», — напишет он однажды Битову[298]. Вячеслав Иванов в интервью для этой книги вспоминал: «У Карла всегда было очень много разных проектов. И он всегда был уверен, что все получится. И все получалось. Он же потрясающе много сделал за очень короткий срок. Его несло прямо. Ему

стоило только увидеть книгу, как он тут же понимал, что это, и почему она интересна».

Британский профессор-славист Джеральд Смит, один из участников мемориального симпозиума в память о Карле, который состоялся в сентябре 2013 года в Мичиганском университете, заметил, что «Ардис» — очень американская история. В Англии, например, он был бы невозможен. Все бы потонуло в иронии, настолько абсурдным поначалу выглядел этот «бизнес». Вячеслав Иванов прокомментировал это так: «Не очень убежден, что дело именно в Америке, может только в том смысле, что в Америке все возможно. Эта страна, где индивидуальную инициативу очень мало сковывают».

Решив издавать журнал, Карл узнал, что достаточно арендовать наборно-пишущую машину IBM, которая умела печатать и на кириллице. Так Профферы смогут без посторонней помощи набирать журнал и печатать в Энн-Арборе, где, по свидетельству Эллендеи, типографские услуги при тиражах меньше тысячи экземпляров были тогда очень дешевы[299]. Этот метод печати сохранится в «Ардисе» до начала 80-х. Карл так описывает его в письме к Аксенову в 1980 году: «Страница не может быть изменена в принципе после набора, разве что путем вырезки и вклейки. Если мы удаляем секцию из начала романа, это означает, что мы должны перенумеровать все страницы… и если правка удаляет только половину страницы, остальная половина остается там, повиснув в воздухе»[300].

Репринты в домашних условиях делать было проще. Вся редакторская работа при их изготовлении сводилась, например, к следующим манипуляциям, абсолютно непонятным современному человеку: ««Подвиг», по-моему, напечатан хорошо, с двумя исправленными опечатками, — пишет Проффер Набокову в 1974 году. — Я отксерокопировал пару страниц, вырезал нужные слова из других частей текста и приклеил их поверх слов с ошибками — хотя, если присмотреться, слова эти оказались чуть увеличенными из-за ксерокопирования»[301].

Карл и Эллендея были поначалу и хозяевами, и единственными сотрудниками издательства. Вскоре к ним присоединился брат Эллендеи, Уильям Калвин, который проработает до 1975 года. В 70-е годы в «Ардисе» вместе с Профферами и упомянутыми в предыдущей главе русскими было максимум до шести сотрудников. С 1973 по 1977 годы — студентка Проффера Нэнси Беверидж. Другой его студент, Фред Муди, проработал в «Ардисе» с 1974 по 1980 годы. Около этого времени в «Ардисе» состояла также Таис Хуттеман. В 1980-е картина не изменится. Кроме еще одной студентки Марины

Остафиной и Рахель Оксенкруг, к «Ардису» присоединятся Рональд Майер (1981–1991) и Мэри Энн Спорлюк (1982–2002). По свидетельству Рональда Майера, многое для «Ардиса» делали еще и редакторы RLT Дэвид Лоу и Кристина Райдел. Тем не менее не верится, что эти несколько человек смогли издать 546 книг.

Все в «Ардисе» делали всё, включая Карла и Эллендею. Так, Маша Слоним приехала к Профферам, не умея даже печатать. «Эллендея посадила меня за тот самый IBM, заклеила клавиатуру, поставила передо мной какую-то книжку для обучения слепой печати, и за три дня упражнений я быстро научилась набивать буквально вслепую восьмью пальцами».

Именно Слоним выпало набирать «Хранить вечно». Параллельно ей же пришлось заняться редактурой романа: «у Копелева очень витиеватые фразы, огромное количество эпитетов, совершенно ненужных, не говоря уже о том, что перенаселенность персонажами страшная. Но я персонажей не трогала, я редактировала стиль, вязко было очень». Потом все это приходилось согласовывать с самим Копелевым. «Ну ничего, а то бы книга получилась в два раза длиннее». Корректоров в «Ардисе» не было. Корректурой занималась та же Слоним. По иронии судьбы, к этому делу был привлечен и Иосиф Бродский, который, как помним, считал Копелевых «глупыми либералами». Теперь он вычитывал рукопись «Хранить вечно», подменяя Машу. И это был совершенно нормальный рабочий процесс «Ардиса», где не было деления на высокое и рутинное.

Маше до сих пор стыдно за количество пропущенных ею опечаток в «Хранить вечно». На них потом весьма ядовито сетовал Копелев: «некоторые из них ужасны, а количество побивает все мировые рекорды», но тут же соглашается, зная обстоятельства «Ардиса», что «гениальные поэты не могут быть хорошими корректорами»[302]. По поводу издания своих новых книг он добавляет: «И решительнейше настаиваю — присылайте и корректуру, и макет. Пусть выйдет позже на полгода, на год, пусть и вовсе посмертно. Но я не хочу больше таких «тяп-ляп»»[303].

Жена Довлатова, Елена, сама купила IBM и иногда выполняла работу для «Ардиса» удаленно — они с Сергеем после отъезда из СССР жили в Нью-Йорке: 4 доллара за набор страницы и 1 доллар за правку[304]. «Всеми силами души я ненавижу опечатки, — пишет Довлатов Эллендее, — а потому мне бы хотелось, чтобы книжку набирала Лена… и мы с матерью ТРИ раза прочитаем корректуру, разумеется — бесплатно»[305].

Просьба и Копелева, и Довлатова будет исполнена. Так что клиенты этого малого бизнеса тоже были вовлечены в

издательские процессы, что, конечно, сказывалось на сроках производства — коммуникации были долгими и нерегулярными. В среднем на книгу уходило не меньше полугода. В марте 1978 года Профферы пишет Искандеру, что набор «Сандро» займет от полутора до двух месяцев, на правку уйдет оставшееся время, так что раньше лета книга не выйдет[306]. Правда, где-то в начале 1980-х Карл заявляет: «Конечно, при случае мы можем выпустить книгу за шесть недель, но дай Бог, чтобы таких случаев не было»[307].

В начале 80-х «Ардис» стал компьютеризироваться. Карл с гордостью сообщает Копелеву в 1982 году, что они купили второй компьютер: «это меняет то, как мы пишем и отслеживаем информацию. В конечном итоге это будет экономить время». Однако освоение новых технологий доставляет свои хлопоты: «Мой мозг гниет», — признается Карл[308].

За обложки, в том числе оригинальные шрифты, и прочий дизайн с самого начала отвечала Эллендея: «У нас не было денег на дизайнера, я сама стала дизайнером». Несмотря на то, что ей удалось создать уникальный стиль «Ардиса», который и сейчас ни с чем не спутаешь, не все авторы были довольны, например, Копелев. Карл отвечал ему: «Тебе, может быть, не нравятся цвета обложки… но у нас были основания, чтобы обложка выглядела так, как выглядит. В диапазоне от важности иметь обложку, которая наскакивает на зрителя (из череды скучных русских книг в магазинах Парижа или Тель-Авива), до общего стиля всех книг, опубликованных «Ардисом». Я также могу обсудить увлекательный сюжет о разном стиле обложек из разных стран (известно ли тебе, что можно не только сразу же опознать советскую книжку, даже не читая напечатанного на ней, но и заметить книгу, сдизайнированную кем-то, кто эмигрировал из Советского Союза в последние семь или восемь лет… Это не было «liap-tiap». Клянусь твоей бородой»[309].

* * *

Лишение Профферов визы в СССР — Карла в 1979 году, Эллендеи в 1981-м — уже мало что могло изменить в положении «Ардиса». С 1969 они ежегодно приезжали в Россию и накопили существенную базу самых разнообразных контактов. Люди охотно помогали им не только советами, рекомендациями, поисками документов, рукописей и редких изданий, но иногда и весьма сомнительными с точки зрения законности действиями. Эллендея, например, упоминает, как известный диссидент Гарик

Суперфин украл для них из архива письма Замятина.

В 1980 году Эллендея все же смогла посетить СССР. Тогда она в последний раз увиделась с Надеждой Мандельштам, которая умрет в декабре 1980 года. В следующий раз Эллендея приедет в Москву только через семь лет. Перед поездкой Эллендеи Карл волновался, опасаясь провокаций. Он переживал еще и потому, что за 12 лет это была только третья длительная разлука в их жизни. Проффер наставляет Копелевых: «Сделайте для нее только хорошее, приберегите ваши упреки для писем, адресованных мне». Он понимает, что письма — теперь единственное, что, возможно, будет связывать его с Россией долгие годы: «Очевидно, я вынужден теперь больше доверяться письмам, чем прежде (большая часть моей работы для «Ардиса» заключалась в писании писем, то есть мне это знакомо, но обычно я стараюсь избегать писем к хорошим друзьям — я всегда мог или переговорить с ними по телефону или увидеться лично, даже если раз в год)».

Карл, естественно, расстроен. Он признается Копелевым, что то короткое время, которое они проводили вместе, было для него важней многого остального. «Это всегда было, как будто возвращаешься домой… Я всегда чувствовал, что мы были друг для друга своими, родными, единомышленниками, коллегами по терре и антитерре… Каждый день Россия была нашим занятием и в основном занимала наши мысли… Я говорю не только об «иконах», которые окружали нас ежедневно, — фотографиях всех вас над моим столом или на стенах… или о русском искусстве и архивах, которые занимают все полки, всякий ящик, и шкаф, и комнату; и даже не о книгах, книгах, книгах, десяти тысячах книг нашей русской библиотеки к пятидесяти тысячам, напечатанных «Ардисом», — они захватили все видимое и значительную часть невидимого пространства площадью пять тысяч квадратных футов, гараж, чердак… Даже в наши сны Россия и русские вторгались регулярно»[310].

Сотрудники «Ардиса», друзья и знакомые американцев, продолжали приезжать в Москву, и на них проливалась вся нерастраченная любовь к Профферам. Будущий редактор «Ардиса» Рональд Майер — Рончик, как его называли на Красноармейской — в начале 80-х годов отправлялся в командировку в СССР по обмену и получил от Профферов целый чемодан вещей для Копелевых, Тани Лоскутовой, Инны Варламовой. Там, разумеется, не было ничего важного для истории русской литературы. На таможне в этом чемодане, среди прочего дефицита, обнаружили женский костюм. Рон говорит, что пиджак почему-то изъяли, а юбку оставили[311].

После истории с «Метрополем» «Ардис» до 1987 года не

допускали к московским книжным ярмаркам. По свидетельству Рона Майера, его даже инструктировали в посольстве, что нельзя иметь дело с книгами «Ардиса».

В остальном работала налаженная система коммуникаций. Эллендея вспоминает: «Я говорю с Таней (Лоскутовой. — *Н. У.*) почти каждую неделю, и все знают что, если что-то нужно сообщить мне, следует сказать ей, а она передаст».

Надо отметить, что все это совсем не было так просто. Таня и тогда и теперь остается отчаянным человеком. Копелев, например, строжайше запрещает американцам звонить соседке по Красноармейской Инне Варламовой. У нее после одного такого разговора отключили телефон (у Инны было больное сердце, и ей могла понадобиться неотложка)[312]. Копелев, даже скучая по своим американским друзьям, пишет: «Но к телефону Таниному я все же не пойду, так как не хочу, чтобы и ей его отключили… Я особо телефоноопасен»[313].

Все коммуникации, как я уже говорил, были ненадежны. Тот же Копелев периодически жалуется на то, что «почтовые каналы между нашими полушариями пересохли»[314]. В другом письме Лев Зиновьевич напоминает Профферам правила конспирации при пересылке важной корреспонденции: «Используйте немцев и австрийцев… Только не забывайте: ДВА КОНВЕРТА: один наружный «адресату», а только второй внутренний интимно: «for Л. а. Р.»»[315]. В открытой переписке друзья также не пренебрегают осторожностью. «Если вы на самом деле, наконец, поймете, что вам надо уезжать (из СССР. — *Н. У.*), дайте знать, отправив нам телеграмму с упоминанием «Эвелин» в любом контексте. Это будет нашим кодом», — наставляет Карл Копелевых[316]. То и дело в переписке всплывает подзабытое сегодня слово «оказия». Тогда под ним понималась возможность передать через надежных людей письма, гранки, книги, рукописи, разные вещи. Если удавалось отправить с оказией письмо, например, Копелеву или Аксенову, то там всегда содержался перечень поручений от Профферов, которые следовало передать другим знакомым.

Профферы и раньше не рисковали вывозить рукописи лично. Их всегда обыскивали на таможне. «Иногда я была почти голая. Просто очень унизительно. Нет, брать что-то с собой было сумасшествием», — вспоминает Эллендея. Можно было не только утратить ценный текст, но и подставить автора, навлечь на себя визовые неприятности. Годами Профферы налаживали сеть вывоза текстов, главным образом по дипломатическим каналам, которые были защищены неприкосновенностью. Но иногда приходилось спешить.

Многие писатели опасались обысков и изъятия рукописей, как в свое время случилось с романом Гроссмана «Жизнь и судьба», чудом дошедшим до нас благодаря Семену Липкину и Владимиру Войновичу[317]. Так, в самое тяжелое время после «Метрополя» Копелев пишет Карлу: «Обыски, начавшиеся 6 марта, продолжались еще несколько дней. У моей машинистки, живущей в соседнем подъезде, забрали чистовой экземпляр начала первой главы. Можно было ожидать, что придут и к нам»[318].

Иногда Профферы действовали через американское посольство. Но многое зависело от степени либерализма посла. По словам Эллендеи, при Малкольме Туне (1977–1979), в прошлом кадровом военном, ничего нельзя было передать через американских дипломатов. В посольстве опасались любого осложнения советско-американских отношений. «Даже люди, которые хорошо нас знали, боялись. Тогда мы искали каналы в австрийском, французском, других посольствах. Мы звонили, и наши друзья — у нас был целый штат помощников среди журналистов — всегда кого-нибудь находили». В архиве «Ардиса» хранится внушительная папка переписки с разными участниками этой разветвленной сети, озаглавленная мичиганским архивариусом «Каналы в СССР». Многие очень известные люди помогали Профферам. Например, Роберт Кайзер, проработавший в Washington Post 50 лет, в 90-е занимавший пост ответственного редактора. В начале 70-х он был корреспондентом газеты в Москве и подружился с Профферами. В комментарии для этой книги Кайзер упомянул, что «контрабандой вывез 35-милимитровый фильм со стихами Бродского разных лет жизни»[319]. В архиве «Ардиса» есть письмо Кайзера Профферам, из которого следует, что именно он доставил им «Хранить вечно» Копелева[320].

Праздником был отъезд какого-нибудь дипломата или иностранного корреспондента «насовсем». «Им разрешали вывезти с собой имущество, — рассказывает Эллендея, — и мы знали заранее, когда кто-то едет домой, то может взять с собой, хорошо, десять рукописей. Но не все соглашались. Были люди, которые боялись, маленький риск всегда существовал». Например, Майкл Скэммелл, переводчик русских писателей, автор влиятельной биографии Солженицына, «очень известный человек», был задержан на границе. И, по словам Эллендеи, у него изъяли списки его русских друзей, которые снабжали Скэммелла разного рода данными о состоянии цензуры в стране. «Для нас все это было бы непростительно».

* * *

Среди основных обязанностей издателя Карл числил не только отбор правильных авторов и их публикацию с возможно меньшим количеством огрехов. Учитывая отсутствие каких-либо перспектив напечататься на родине, уже это было немало. Довлатов, например, пишет Профферам по поводу выхода его «Невидимой книги» в 1978 году: «На протяжении года или полутора лет книжка в «Ардисе», перспектива ее издания — было единственным, что примиряло меня с жизнью. Потому что я тогда очень быстро спивался, опускался, разводился с женой и так далее. Я этого никогда не забуду. Известно ли вам, что я полтора года носил в кармане желтую рекламу «Ардиса», где было объявлено издание «Невидимой книги»»[321].

Однако огромное количество усилий Карл посвящал не только публикации, но и продвижению авторов. Для обычных издателей в этом деле, как правило, присутствует рациональный расчет. Чем известнее писатель, тем лучше продаются его книги и тем, соответственно, выше доходы издателя. В случае с «Ардисом» этот мотив был важен, но никогда не являлся решающим. Еще во время первых встреч с Надеждой Мандельштам Карл понял, какую роль в создании писательского имени играет производство «вторичной литературы». Он рассуждает об этом на примере советского официоза: «Если о писателе написано много статей, книг, диссертаций, мемуаров и библиографий, проводятся конференции и т. д., человек начинает верить, что это значительный писатель»[322].

Фактически Карлу предстояло выстроить рядом с ложным литературоведением новое, альтернативное, которое бы продемонстрировало подлинное значение открываемых им имен прошлого и настоящего и, соответственно, продвинуло бы издаваемые им книги. Среди прочего, этой задаче была посвящена английская часть «Ардиса», в которой вышло 296 изданий — переводы, антологии, литературоведческие исследования. Помимо собственно отдельных книг Карл и Эллендея еще опубликовали 24 тома RLT, который выходил до 1991 года.

Особое значение, разумеется, играли переводы, Карл и сам часто переводил. Значительная часть архива — переписка с переводчиками, отбраковывание одних, поиск других. «Переводы, в том числе твои, идут медленно, — сообщает он Аксенову. — Почему бы тебе не писать ПРОСТО. Разве ты не читал, что советовал Пушкин?»[323] Тем не менее «Ардис» и начинался с фразы Пушкина: «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Карл как-то поясняет Искандеру: «Чем больше будет переведено на английский, тем лучше для продажи на

другие языки, потому что, как правило, издательства не имеют русскоязычных редакторов»[324]. Именно мировые продажи могли принести приличные деньги и авторам, и издателю. Одновременно они были способны обеспечить широкую общественную защиту писателей, остававшихся в СССР, если на них вдруг обрушатся репрессии. Как помним, это было важно для Битова — но и для Войновича[325], многих других.

Среди переводчиков «Ардиса» иногда попадаются очень известные люди — например, Томас Грэм, советник Джорджа Буша и директор российского отдела в Совете национальной безопасности США в 2002–2007 годах. В конце 70-х, будучи еще студентом Гарварда, он переводил для «Ардиса» Льва Шестова[326]. Дочь Шестова, Наталья Баранова, просила отправить причитающийся ей роялти молодому студенту[327]. И как тесен мир! Однажды, выступая в семинаре Томаса Грэма в Йельском университете, я встретил среди его студентов дочь подруги Эллендеи, Селестины Боулен, которая, в свою очередь, была дочерью американского посла в Москве во время Второй мировой войны.

Масштаб сделанного Профферами для популяризации русской литературы и отдельных писателей в Америке и мире удивляет. Нужно понимать, что речь шла не просто об авторах, но часто о друзьях или людях, к жизни которых за железным занавесом Профферы относились с сочувствием и тревогой. Деловое и человеческое, переплетаясь, превращали рутинную работу издателя и в миссию, и в служение. Хорошо известно, какую роль в жизни Бродского сыграли Профферы — Карл и Эллендея оставили довольно обстоятельные записки, — поэтому я позволю себе лишь пунктирно обозначить некоторые моменты.

Карл встречал Бродского в Вене, где им предстояло выдержать изнурительную битву с американской бюрократией, которая долго отказывалась пускать Бродского в США. И это при том, что Карл приложил неимоверные усилия, чтобы Мичиганский университет нанял русского поэта, «которого никто не видел и не читал», и назначил его на место приглашенного поэта при университете. Карл даже приврал, расписывая, как Бродский прекрасно говорит по-английски[328]. Им еще придется приютить его на первое время, помогать с языком, получением водительских прав, открытием счета и другими бесконечными бытовыми заботами — Бродский, по выражению Эллендеи, был как «лягушка, которая проснулась и увидела, что она в пустыне Гоби»[329]. Несомненно, что в получении Бродским Нобелевской премии есть и заслуга Профферов, которые помогли ему не только справиться с шоком эмиграции, но и завязать первые

важные контакты в академических и литературных кругах США.

Карл будет делать похожее для многих русских писателей, оказавшихся в эмиграции. Получать их скарб, не пропущенный советской таможней, оплачивать телефонные переговоры с СССР, предоставлять кров, искать работу, писать рекомендации в университеты и фонды, продвигать книги в прессе и в англоязычных издательствах. По документам, хранящимся в архиве «Ардиса», исследователи творчества того или иного писателя легко могут восстановить летопись этих бесчисленных деяний Проффера, далеко выходящих за рамки тривиальных обязанностей издателя. Правда, иногда Карлу приходилось организовывать и кампании общественной поддержки писателей, которые подвергались репрессиям в СССР. Обычно в связи с этим вспоминают историю с «Метрополем», но она была не единственной.

В 1974 году в Ленинграде был арестован Владимир Марамзин, которому русская литература обязана первым самиздатовским собранием стихов Бродского (они могли бы просто не дойти до нас). Среди книг, изъятых у Марамзина, будут издания «Ардиса». «Мы были частью этого дела», — вспоминает Эллендея. «Ардис» спешно публикует роман Марамзина в 1975 году; он один из первых современных авторов «Ардиса», который удостоился этой чести, но прежде всего — в связи с политическим преследованием. Карл сам написал статью в защиту Марамзина[330], а также убедил Набокова выступить в его поддержку. Вера Евсеевна сообщала Профферам: «В. Н. никогда не подписывает никаких коллективных писем. Как никогда не поверит, что самое выразительное, самое трогательное воззвание к тигру-людоеду или акуле может тронуть их сердце. Однако ваше воззвание его сердце тронуло». Набоков направил телеграмму Ленинградскому отделению Союза писателей, а также предоставил ее Профферу для дальнейшего распространения[331]. Удивительно, но кампания эта подействовала, челюсти акулы разжались. Марамзину дали условный срок и позволили покинуть страну. «Эта ваша победа», — писал он Карлу из Рима в 1975 году[332].

* * *

На первый сборник RLT Проффер занял деньги у отца[333]. Эллендея называла сумму в 4000 долларов. Видимо, из нее он и предлагал свой умопомрачительный гонорар Набокову — доллар за строчку. В переписке с Марамзиным Карл, раздраженный

упреками по поводу того, что «Ардис» маринует его вторую книгу и мог бы давно уже издать ее хотя бы маленьким тиражом в 500 копий, неожиданно погружает нас в экономику своего бизнеса: «Ты новичок и еще не все знаешь. Ты напоминаешь нас самих, когда мы начали «Ардис». 500 копий могут оправдать книгу финансово, если ты ее сам набираешь на собственной машине… в своей собственной квартире, и у тебя нет других постоянных, регулярных, непреодолимых расходов. Если ты делаешь одну книгу в определенное время, или 2, или 3, или 4 и т. д., это может быть так. Однако когда ты добираешься до 12 или даже 24 и ты больше не можешь делать всю работу самостоятельно, а еще есть спрос на переиздание того, что уже было распродано, все меняется. И с каждой новой книгой, по мере накопления запасов, и с каждым новым годом добавляются обстоятельства, которых ты не мог предвидеть. Ты продукт старого доброго советского образования и окружения, ты даже не подозреваешь, что эти вещи из себя представляют — даже самые очевидные из них, как например машина стоимостью $ 9000, чтобы осуществлять быстрый набор и удовлетворять спрос, и потом деньги, чтобы эту машину чинить каждый месяц, когда она ломается, и платить человеку, который разбирается с машиной, когда она сломается. Или, как в случае с русским издателем, платить свежему эмигранту, чтобы помочь ему освоиться, даже за работу, в которой нет особой необходимости или которая может быть отложена или сделана нами самими. Словом, я могу написать 100 страниц обо всем, что случилось, истинную историю одного маленького издательского дома. Так что, пожалуйста, никогда не говори мне, что единственная проблема с изданием в 500 копий — это финансирование его на шесть месяцев или год. «Kuram na smekh». Жизнь гораздо сложнее»[334].

Библиотеки заказывали более дорогие книги в твердых переплетах, и это окупало издания в бумажных обложках. Вот расчеты Проффера на 1976 год в письме к Роберту Кайзеру: «Давай исходить из того, что книга в бумажной обложке будет стоить $ 10, в твердой 15. Также учти, что обычный дисконт на бумажную составляет 35 %, на твердую — 20 %»[335]. Со временем Карл «приобрел хороший навык общения с библиотекарями напрямую… — вспоминает Эллендея. — Иногда мы чувствовали, что они стараются помочь ««Ардису»»[336].

Препираясь с Карлом, Марамзин предложил даже заплатить за издание своей книги. «Не думаю, что это возможно, — отвечает Проффер, — потому что, полагаю у тебя нет $ 7000. Если все сложить вместе, такова для нас полная цена книги в 375–400 страниц, и только за 1500 копий. Обычно это означает, что

продажа библиотекам 150 экземпляров в твердой обложке — это то, что делает разницу между небольшим доходом и убытком». Такова экономика русской части «Ардиса» на 1978 год, которым датировано это письмо[337].

Впрочем, отказ принять деньги от Марамзина мотивирован не только тем, что достаточных денег у эмигранта, очевидно, нет. За этим стоит четкая издательская позиция: «Часто люди предлагают нам заплатить за то, чтобы мы опубликовали книгу. Я бы уже разбогател, если бы получал доллар всякий раз, когда Иосиф (Бродский. — *Н. У.*) говорит, что готов заплатить $ 500, чтобы помочь опубликовать чью-то книгу — как правило, написанную его другом. Мы никогда не считали это приемлемым для русских книг, поскольку это приведет к самым разным проблемам, и главная из них — неизбежная эрозия нашей независимости[338].

Характерная оговорка Карла «для русских книг» относится к Роберту Кайзеру. Его «Россию: власть и народ» Карл начал обсуждать с ним в переписке уже в 1976 году: «Сценарий такой… Ты вносишь $ 5000, разделенные на 10 платежей 30-го числа каждого месяца… Это оплачивает перевод и время Лифшица (Лев Лосев. — *Н. У.*) за машиной… Мы печатаем 1250 в бумажном и 150 в твердом переплете — все производственные расходы «Ардис» берет на себя (что-то между $ 2500 и $ 3500). Притворимся, что остальных обычных накладных расходов нет (каталог, упаковка, почта)»[339].

Роберт Кайзер в комментарии для этой книги отметил, что Профферы первыми предложили, чтобы «Ардис» опубликовал его книгу, «и мне идея понравилась. Я знал, что русские читатели конца 70-х годов подозрительно относились к различным изданиям, поддержанным ЦРУ, тогда как репутация «Ардиса» была золотой. Я даже не помню, чтобы ко мне когда-нибудь обращалось YMCA… Я всегда был автором «Ардиса»»[340]. Случай субсидии Кайзера, насколько я могу судить, был исключительным и, как видим, объяснялся неизбежными расходами на перевод.

Расчет количества копий, соотношение книг в мягких и твердых переплетах, поддержание техники в надлежащем состоянии, допечатки тиражей — не единственные вопросы, которыми занят хозяин одного маленького издательского дома. Он пишет Марамзину: «Деньги — это проблема, мой друг. Если бы у нас всегда было достаточно денег, мы никогда бы не запаздывали с нашими книгами. Но мы всегда опаздываем со всеми ними. Мы всегда должны приводить имеющиеся деньги в баланс с дюжиной разных неожиданностей. Английские книги против русских. Мертвые авторы против живых. Большие книги против маленьких. И так далее, и тому подобное. Если ситуация

очевидно чрезвычайная, автор до сих пор находится в СССР в опасности или нужде, как Марамзин, мы всегда можем предпринять что-нибудь быстро. Если это книга, которая, как мы знаем (или предполагаем — никто точно не знает), будет прибыльна — и таким образом расширит, как говорят марксисты, экономическую базу, она будет поставлена вперед других. Двигатель толкает паровоз. Если же это книга, на которую мы можем продать права кроме русского издания — это влияет на окончательное решение по поводу очередности публикаций. Если мы полагаем, что эта книга является шедевром (Школа, прости…), мы ее поставим первой… Ожидать два с половиной года мучительно для любого автора. Для тебя и для других — поверь мне, ты не один, и не ты рекордсмен»[341].

Два года — действительно не предел. В письме Евгению Попову Проффер уточняет: ««Ардис» — очень ограниченное издательство и у нас всегда лежит работа на три или четыре года»[342].

Карл понимал, что преподаватели и студенты отделений славистики, которые в связи с холодной войной приобретали новый вес, будут благодарны не только за книги, нужные в работе и учебе. «Ардис» даст им возможность где-то публиковаться. И часто, как говорит Эллендея, они соглашались на переводы совершенно бесплатно — в академической карьере нужны публикации. Как пишет Карл одной из переводчиц, «истории, которые появляются в RLT, приносят переводчикам только честь в их библиографиях». За переводы в англоязычных антологиях предполагались «некоторые скромные роялти», которые делились между переводчиками постранично[343].

Удивительно, что при постоянных финансовых проблемах Профферы ухитрялись платить небольшие гонорары писателям, публиковавшимся по-русски, хотя их книги окупались нечасто. Бывали, конечно, исключения. Например, Карл сообщает Копелеву: «Некоторые русские книги приносят прибыль. Набоков и другие репринты, которые продаются относительно хорошо и дешевы в производстве»[344]. В 1979 году Карл пишет Битову, что они продали 1200 копий «Пушкинского дома». Это «очень прилично по нашим меркам — примерно сопоставимо с Набоковым — и мы уже отбили ваш аванс в $ 500, переданный вам»[345]. Обычный гонорар составлял 10 % от книг в переплете и 5 % — в бумажной обложке при соотношении 850 экземпляров в бумаге и 150 — в переплете[346].

Гонорары кратно росли в случае, если удавалось широко продать международные права. Так, например, в 1979 году Карл сообщает Копелеву, что у того на счету накопилось примерно 40

тысяч долларов[347]. Это был, разумеется, только промежуточный итог. На тот момент Лев Зиновьевич, как помним, был вторым по доходам после Солженицына русским писателем в мире — так оценивал Проффер.

«В случае с Львом Копелевым… мы продали права на его первые книги во Франции, Германии, Испании, Японии, Швеции, Голландии, Италии и Финляндии (не упоминаю английские права в Британии и США), — пишет Карл в 1979 году. — …Только испанские права были куплены за $ 10 000, и это была самая маленькая сумма по сравнению с остальными крупными странами. «Школа для дураков» Саши Соколова была продана во Франции, Италии, Германии и Голландии (и он получил авансов больше чем на 20 000 франков за мировые права…). В случае с Битовым и Искандером у нас только ограниченные права, но, например, Mondadori заплатило Андрею $ 2000 и $ 6000 — Фазилю»[348].

Некоторую ориентацию в расценках на международные права дает и письмо Карла Анатолию Гладилину, датированное 1978 годом. У самого Проффера были только английские права, и он инструктирует Гладилина, как ему общаться с другими издателями: «Как правило, если они предлагают что-нибудь, требуй еще 2–3 % и/или аванс на 25 % больше… Надо торговаться немножко. Впрочем, если немцы дадут, скажем, 8000 франков, французы должны дать примерно 4000, итальянцы так же, то есть половину немецкого аванса. Такова более-менее пропорция»[349]. Юзу Алешковскому в 1979 году он сообщает: «Имей в виду американское правило о французских издательствах: «после аванса больше ничего не получишь»»[350].

Несмотря на скромные по нынешним временам суммы, ардисовские гонорары были вполне приличными по советским меркам. Так, Войнович, который, конечно, получал деньги не только от публикаций в «Ардисе», рассказывал мне, что «купил себе машину, дом в Керчи за пять тысяч. Все это через уезжавших евреев. Они знали, что у меня что-то есть на Западе, и давали мне рубли, которые не могли вывезти. 4 тысячи рублей равны $ 1000. И они получали эти деньги от моего агента. Для меня это были безумные деньги».

Это были действительно безумные деньги. Моя мать, врач, получала тогда что-то около 120 рублей в месяц. Материальную притягательность литературного успеха на Западе не следует игнорировать.

Как книги, изданные по-русски, находили своего читателя? С одной стороны, Профферы всегда привозили напечатанные ими издания в Россию и просто их раздаривали. Разумеется, таким

способом можно было доставить не слишком много. Иногда ухищрения славистов-контрабандистов выглядели весьма комично, и Проффер с удовольствием описывает их Набокову: «Мы привезли с собой четыре экземпляра нового «Дара» — два под видом нейлоновых чулок были запрятаны глубоко в чемодане, а два, пока мы проходили таможню, Эллендея держала в руке под пальто. Ни один из их агентов не дорос до уровня Чичикова»[351].

Чаще книги передавались с разными оказиями. Однажды Карл уточняет: «Мы сами отправляем примерно 50 экземпляров всех книг прямо в Союз»[352]. Но это была чистая благотворительность. Какая-то часть тиража рассылалась по заказам — поэтому большую роль играли каталоги издательства и анонсы в прессе. Что-то реализовывалось через русские книжные магазины на Западе. В уже цитированном письме Копелевым Проффер поясняет, что книга должна иметь такую обложку, которая будет «наскакивать на зрителя (из череды скучных русских книг в магазинах Парижа или Тель-Авива)»[353]. В течение 1970–1980-х годов все новые волны русско-еврейской эмиграции расширяли потенциальную аудиторию «Ардиса» на Западе. В начале 80-х Профферы оценивали аудиторию только третьей волны в 250 тысяч[354].

С другой стороны, авторы иногда докупали экземпляры, чтобы самостоятельно отправить их «в Союз». Но подчас и требовали в ультимативном порядке прислать им новые, причем в эпических количествах и совершенно бесплатно. Так, в 1979 году Карл раздраженно отвечает Юзу Алешковскому: «Ты захотел 300 для себя, чтобы послать в Союз. Но это экономически невозможно и, во всяком случае, ненужно — потому что International Literary Center, C.I.L., ALI и т. д., пошлют все экземпляры, которые ты хочешь бесплатно. Они регулярно покупают у нас все и пусть налоговые деньги идут на хорошую цель»[355].

Все три упомянутые Карлом организации были связаны с ЦРУ: International Literary Center во главе с Джорджом Майнденом, курируемый им же C.I.L. и, наконец, ALI — базирующаяся в Риме Associazione Letteraria Italiana. Сначала ее спонсировало радио «Свобода», но впоследствии она также перешла под контроль ILC[356]. Сотрудник «Ардиса» в 70-е годы Фред Муди отмечал, что они всегда подозревали, что ILC как-то связан с ЦРУ, но наверняка этого не знали[357]. В любом случае, никакого влияния на контент агентство и подконтрольные ему структуры не оказывали. Более того, названные Карлом организации специализировались на закупке и последующей доставке за железный занавес книг неполитического содержания.

И это советские власти, которые лишали человека права на элементарное самовыражение, даже вне какого-либо политического подтекста, превратили невинные стихи и прозу в мощные орудия борьбы против лжи, безвкусицы и мракобесия коммунистического строя.

Питер Финн, автор важного расследования об участии ЦРУ в издании Пастернака, отмечает, что соответствующая программа, стартовавшая в 1956 году, была скорее гуманитарной, чем антисоветской: «Не должно быть никаких атак на коммунизм… Наши основные цели состоят в том, чтобы продемонстрировать превосходящие достижения Запада» — было заявлено в меморандуме программы. Джордж Майнден, эмигрант из Румынии, глава упомянутого Проффером International Literary Center, говорил своим сотрудникам, что им следует сконцентрироваться на «закладке минимального фундамента для духовного понимания западных ценностей. Мы надеемся обеспечить его через психологию, литературу, театр и визуальные искусства. Все это должно заменить политические и откровенно антагонистические материалы»[358].

Поначалу структуры, курируемые Майнденом, специализировались только на переводной западной литературе. Интерес к книгам «Ардиса» мог возникнуть у них вскоре после подписания в 1975 году заключительного акта Хельсинского совещания, содержащего гарантии основных прав и свобод граждан. Администрация Джимми Картера по инициативе его советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского в 1977 году утвердила программу мер по защите прав человека, поддержке советских диссидентов и правозащитных групп, наращиванию распространения русскоязычных книг и журналов, в том числе из круга самиздата. Альфред Райш, автор детального исследования, посвященного Майндену и ILC, приводит такие цифры: за 35 лет в Восточной Европе, включая СССР, было распространено до 10 миллионов изданий, причем к концу Советского Союза количество отправленных за железный занавес книг доходило до 300 тысяч в год. Бюджет на закупку и пересылку различных изданий составлял, например, в 1990 году 1 850 900 долларов[359].

Книги, как правило, передавались через конкретных людей — участников делегаций, деятелей культуры, специалистов, священников, студентов, славистов, прочих ученых, бизнесменов, дальнобойщиков, жен советских дипломатов, моряков. Их распространяли среди советских солдат в Восточной Европе и даже среди пленных в Афганистане. Нередко люди прятали книги в коробках из-под тампонов, в консервных банках и упаковках

сахара. Однажды артисты Московской филармонии поместили страницы книг между листами нотных тетрадей, а некая молодая дама, летевшая из Лондона в Москву с младенцем, засунула компактное издание «Архипелага» Солженицына в подгузник ребенка[360].

Судя по всему, ILC покупал у «Ардиса» далеко не весь тираж. Фред Муди говорит «о сотнях, иногда тысячах копий»[361]. Но так было не всегда. В письме Юзу Алешковскому, требовавшему допечатки его книги, Карл объясняет в 1979 году: «Мы обычно печатаем несколько книг одновременно, и тиражи всех должны быть одинаковые — или не экономно выйдет в типографии. Есть и другие причины… мы должны платить налоги на все книги, даже если они не проданы. Поэтому мы не хотим печать больше в начале. Если до конца первой тысячи книга еще продается, легко допечатать еще тысячу — негативы у нас лежат в типографии»[362]. Иными словами, рассчитывать только на «налоговые деньги» не приходилось.

Оценивая масштаб русскоязычной литературы, публикуемой на Западе, Проффер говорит в 1981 году примерно о 200 книгах и журналах ежегодно, что дает 200 тысяч изданий при типичном тираже в 1000 экземпляров. От 20 до 30 % этих книг в конечном итоге добираются до советского читателя. Каждую читают хотя бы десять человек. В соответствие с расчетами Проффера аудитория тамиздата в России должна была составлять приблизительно полмиллиона человек. Он был уверен, что тамиздат будет подталкивать Госиздат к публикации хотя бы безопасных классиков: «Когда издание «Мастера и Маргариты» в «Посеве» было ввезено контрабандой, ничто не мешало выпустить его дома. Лучше опубликовать продезинфицированную версию «Поэмы без героя», чем позволить реальной быть одной-единственной»[363].

Интеллектуальное фрондерство, политическая независимость и некоторая авантюрность всей этой затеи с «Ардисом» вызывали симпатию у многих — усталость от холодной войны и пропагандистских штампов была свойственна американским интеллектуалам тех лет, не только Профферам. Думаю, этим во многом объясняется поддержка «Ардиса» в академической и библиотечной среде, которая стала важным условием их экономической стабильности. Эллендея отдельно упоминает журналистов крупных газет и журналов, которые постоянно помогали издательству и «дали больше рецензий, чем мы могли надеяться»[364].

Важным подспорьем в бизнесе, по словам Эллендеи, была университетская зарплата Карла: «Точно не помню, скажем, $ 40

тысяч. Это для тех времен много. Прибыль в самый лучший год составляла $ 70 тысяч, но это было только в один год. Типичная прибыль — $ 30 тысяч. Еще были долги и дом громадный, и русские писатели постоянно у нас жили».

Сама Эллендея даже пыталась заработать литературным трудом, вероятно, чтобы диверсифицировать доходную базу семьи. А может, ее неуемная натура требовала переключения, например, с книги о Булгакове, которую она одновременно заканчивала: «Я также пишу другой исторический роман (за деньги), который мне нравится», — сообщает она Копелевым в 1979 году[365]. Чуть позже Карл напишет, что роман Эллендеи из времен регентства был напечатан немалым тиражом в 100 тысяч экземпляров, который «Ардису» с его обычной тысячей и присниться не мог[366].

Эллендея не раз повторяла, что слышала от русских, будто они, Профферы, разбогатеют на русской литературе. Это не так. «Мы жили и тратили». Конечно, по мере обретения славы у «Ардиса» появились и другие доходы. Кто-то покупал у них права на театральную постановку на Бродвее, как произошло с пьесой Эрдмана. «Это были нормальные деньги», — говорит Эллендея. Кто-то — международные права, как было в случае с Копелевым и другими писателями. В 1979 году Карл так оценивал доходы от международных прав в экономике «Ардиса»: «Наша доля от этого варьирует от 10 до 20 %»[367].

Позднее, после смерти Карла, издательство лишилось его зарплаты. Но в 1989 году Эллендея получила грант Макартура, «и он нас долго поддерживал»[368]. Начавшаяся в СССР перестройка сделает все русское модным и, наконец, приведет «Ардис» к относительному коммерческому успеху в Америке.

«Мы с Карлом работали очень много, поэтому, когда мы отдыхали, мы отдыхали. Если у нас была ночь в Париже, то мы ее проводили в «Ритце». Мы знали, что потом большую часть года мы просидим в нашем подвале за работой», — вспоминает Эллендея.

— А часто случались кассовые разрывы и кризисы?

— Было много кризисов. Видишь этот рояль (Эллендея указывает на внушительный рояль фирмы Knabe. — *Н. У.*)? В те годы он стоил тысячи три. Когда у нас были проблемы, я всякий раз говорила: «В крайнем случае продадим рояль». И он все стоит на месте.

— Три тысячи — важная сумма для русской литературы, хотя бы для героев Достоевского.

* * *

«Ардис» — классический малый бизнес. Приятели Профферов бескорыстно помогали в работе, а сотрудники становились друзьями, чуть ли не членами семьи. Маша Слоним, приехав в дом на Heather Way, чтобы работать, поселилась там же в мансарде, со своим душем: «в общем, такая отдельная квартирка, на самом верху, светелка. В первый раз у меня оказалась какая-то своя территория». Платили ей немного, но зато у нее был кров над головой, еда. Да и сын Маши, Антон, «был пристроен».

Рон Майер, который работал в «Ардисе» в 80-е, свидетельствует: «Они были для меня на самом деле как семья. Они помогли мне найти квартиру, купили машину, которой я мог пользоваться. Мы вместе с Эллендеей готовили еду для мальчиков и Арабеллы, для Карла. Моя мать, навестившая меня у Профферов, сказала, что она никогда не видела такой командной работы на кухне. Если Профферы собирались ужинать не дома, они всегда брали меня с собой… Когда уже в период болезни Карла они уезжали, Арабелла оставалась на меня».

Слоним вспоминает, что работали по ночам: «может, дети спали и было спокойней, может, они совы были». «Да, они были совы, — подтверждает Рон Майер, — они никогда не появлялись раньше полудня или даже часа дня». И ложились около 7 утра [369] — многие письма своим русским друзьям Карл как раз дописывал на рассвете. «Кажется, мы ведем жизнь вампиров. Но серебряные пули Советского Союза нас не достанут»[370].

«Как бы остальные наши сотрудники ни интересовались Россией и ни были бы ею заняты, они отрабатывали свои восемь часов… и уходили домой. Россию и «Ардис» можно было тогда забыть. На самом деле восемь часов русской литературы в день вполне достаточно», — пишет Карл Копелевым. Сами Профферы продолжали работать «и после того, как все остальные ушли, дети были уложены, и даже совы спали. Мы обсуждали и решали тысячу мелких проблем и задач, большинство из которых были связаны с вами и с вашей странной страной и нашим странным отношением к ней». Улегшись в постель под утро, то Эллендея, то Карл вдруг вскакивали, чтобы что-то записать[371].

Иногда раннее утро выглядело по-другому. Маша Слоним не входила в число сотрудников, которые «отрабатывали свои восемь часов и уходили домой». Она вспоминает: «На рассвете, после работы, мы ехали в закусочную, кажется, в «Жирную ложку» — не фастфуд, но примерно: всякие яичницы, вафли — нездоровая была у нас пища. Но это был наш конец рабочего дня, и мы ели как дальнобойщики, а потом ложились спать».

Рабочий день Рона Майера начинался раньше «полудня или часа дня». В подвале, где, собственно, шла работа, зимой было

очень холодно. «Там был камин, и прежде всего я разводил в нем огонь, чтобы прогреть комнату. Это была большая комната с огромным столом, размером с два обеденных». Потом спускались дети. Маша Слоним их застала еще совсем юными: «Утром дети сами себя собирали в школу — вместе с маленькими Профферами на «детском этаже» жил и сын Маши, Антон. — Потом они все вместе ехали в школу на автобусе».

Корреспондент журнала Toledo, побывавший у Профферов за год до смерти Карла, так описывал увиденное: «И «Ардис», и Профферы обитают в 25-комнатном доме… где штабеля книг и редакторская техника соседствуют с толпой тинейджеров (трое из них — Профферы), их четырехлетней дочерью, Арабеллой, орущими телевизорами, двумя собаками, плюс обычно по меньшей мере одним русским писателем на постое». Кстати, своего белого пуделя Профферы назвали Пушкиным. «Русские считают это скандальным», — пояснял Карл, кажется, не без удовольствия[372].

Рон Майер происходил из скромной семьи, и его откровенно поразил огромный дом Профферов. «Холл, — рассказывает он, — был с потолка до пола завешан русским искусством, которое они собирали или получали в подарок. За окнами в пол открывался вид на ошеломительных размеров газон. Дальше следовала галерея с библиотекой. Наконец, телевизионная комната с проектором. Тогда это было в новинку, но Эллендее всегда нравились технологии».

«Мы смотрели там кино, телевизор, — вспоминает Маша Слоним. — И как только шла реклама, все сразу начинали заниматься своими делами: кто книгу читал, кто — рукопись, кто болтал». Все это напоминало быт общаги, Слоним называет жизнь в «Ардисе» «студенческой». «С Эллендеей очень хорошо было сплетничать, хотя бы по поводу Иосифа, — добавляет Маша. — Раз в неделю мы ездили на шоппинг в супермаркет. Карл был подсажен на пепси (Владимир Марамзин утверждал, что это была кока-кола[373]). Он не пил спиртного совсем. Зато если не было пепси в доме, ему становилось плохо — примерно как у меня с сигаретами. Поэтому мы всегда покупали такие мощные упаковки для него. Банками был забит весь холодильник». Рон, правда, этого не помнит и не исключает, что Карл пил вино или даже скотч. Эллендее же нравилось французское белое.

Вероятно, в жизни случались разные периоды. В переписке с Копелевыми периодически фигурирует некая «Копелевка», неизменно в ностальгическом ключе — что бы это ни значило, но вряд ли было ниже сорока градусов. А поэт Евгений Рейн, один из «ахматовских мальчиков» и друг Бродского, пересказывал мне

разговоры с Проффером в СССР либо в 1969 году, либо немного позже: «Карл жаловался, что его в каждом доме очень спаивают, и он больше не может вместить столько водки»[374].

«Трудно передать, до какой степени была насыщена русской литературой наша жизнь. В Энн-Арборе наши дети на лужайке играли летающей тарелкой с собаками, а в гостиной наши друзья ели пиццу и паковали книги», — вспоминает Эллендея[375]. Войнович в интервью для этой книги рассказывал, как запускал змея вместе с Арабеллой, а Бродский с Аксеновым, судя по известным фотографиям, играли в баскетбол, что бы между ними ни происходило, конечно, до окончательного разрыва отношений в 1980 году.

Профферы были не только учеными, редакторами и американскими либералами. Они были молоды и веселы. «После твоего отъезда случилось многое, — пишет Карл Иосифу Бродскому где-то в середине 1970-х годов. — Эпидемия холеры опустошила усадьбу, умерли все, кроме Динары (Динарой звали немецкую овчарку Профферов. — *Н. У.*). Я был воскрешен тремя днями позже при помощи нашатыря и теплой тряпочки. Я женился на Динаре, она — единственное, что у меня осталось в этом мире. Все прочие похоронены в Годзилле, под яблоней, как мы всегда и планировали (Годзиллой они называли старый гигантский кадиллак синего цвета. — *Н. У.*). В своей последней воле и завещании, прочитанном вчера в полночь, Эллендея оставила тебе пару недавно ношенных панталонов и пузырек капель для носа. Три дня на том свете произвели на меня слабое впечатление, и теперь все прекрасно, я вполне счастлив, разве только немного трудно быть женатым на существе, которое столь бездумно охотится за фрисби и мячиками. Я собираюсь опубликовать обширную книгу стихов, посвященную пережитому. Все они в рифму, а потому должны быть хороши… Теперь к делу, имей в виду, учти и действуй в соответствие с нижеперечисленными пунктами, которые с этих строк более не являются нонсенсом».

Уже первый пункт профферовского списка заставляет в этом усомниться: «Нэнси (Беверидж, сотрудница «Ардиса». — *Н. У.*), возможно, беременна. Ты женишься на ней?» Далее следуют еще 11 пунктов, действительно местами деловых, и подпись: «Я бы послал рифмованное письмо, но проза лучше. Странновато, что это все еще твой Карл Проффер»[376].

Я привел это шутливое письмо в том числе для того, чтобы у читателя не сложилось ложного впечатления об «Ардисе» как месте сугубо академическом и героическом. Его имидж был совершенно другим. Сам Проффер придумал характерное имя для

обитателей своего дома: «Ардиситы»[377]. Эллендея вспоминает: «За работой в поздние ночные часы рождался сумасшедший домашний юмор «Ардиса»: «Конкурс двойников Мариэтты Шагинян» (номинировались и мужчины); конкурс «Найди Книппер на картинке»… Карл был остроумным человеком с острым чувством абсурда и склонностью к мистификациям»,[378] в чем вы несомненно уже убедились.

Кстати, шутливое заявление Карла, что «проза лучше», тоже, надо полагать, относится к домашнему юмору «Ардиса». Бродский считал, что быть поэтом — «высочайшее призвание на земле», и тяжело переживал невозможность адекватного перевода своих лирических текстов на английский. Он, в частности, маниакально пытался сохранить в английском рифму, над чем Карл в процитированном письме недвусмысленно иронизировал («Все они в рифму, а потому должны быть хороши»). В конечном итоге Бродский в поисках английского читателя, который соответствовал бы блеску его интеллекта и образности, выбрал жанр прозаического эссе, подтвердивший в глазах нерусского мира его право на международную значительность[379].

Впрочем, была у «Ардиса» и другая сторона — я бы назвал ее мистической. Татьяна Лоскутова, побывавшая на Heather Way в 1988 году, вспоминает: «Птицы вокруг кричат кошачьими голосами, семья енотов живет на крыше, белки носятся по холмам… И все делают вид, что ничего особенного не происходит»[380]. Ничего особенного и не происходило. Или происходило?

После того, как мы узнали другие страны, пожили то там, то здесь, освоились с современным бытовым комфортом, западный мир утратил для нас значительную часть своих чудес — хотя бы упомянутое Лоскутовой тесное соседство человека и всякой дикой живности, совершенно нетривиальное для тогдашней России: в страхе жили не только люди, но, кажется, и звери. Одним словом, тогда эти еноты, белки и птицы с кошачьими голосами, наверное, чудесным образом роднили «Ардис» ни много ни мало с Лукоморьем.

«Все это сюрреально», — признается Иосиф Бродский Эллендее, оказавшись еще в их первом энн-арборском доме: «Встал сегодня, — сказал он с юмором и недоумением, — и вижу: Иэн (сын Карла. — *Н. У.*) сидит на кухонной стойке. Засовывает хлеб в металлическую штуку. Потом хлеб сам выскакивает. Ничего не понимаю»[381].

Или вот из личного дневника Тани Лоскутовой: «В кухне, где я все это пишу, — жуткий шум. Что-то включилось само, шум нарастает, определить, что это: рефлектор, холодильник,

кондиционер — невозможно. В шкафу кто-то живет, булькает, двигает посуду… Если это посудомоечная машина, то как она знает, когда включаться? Или все здесь запрограммированно Эллендеей, а значит, и должно включаться, мыть, греть, холодить, когда ему вздумается… Эллендею не зову, боюсь показаться ей глупой. Но и боюсь — не очень. Дом на редкость пожаробезопасен, куда ни плюнь — везде двери… Дверями на улицу оказываются окна, шкаф, возможно, и эта посудомоечная машина. Не исключено, что Эллендея, вернувшись, спросит возмущенно, почему я не выключила эту фиговину. Я промолчу надменно и обиженно. …Если не взлечу, конечно, вместе с этим потоком сознания к такой-то матери!»

Удивительно, что необыкновенным казалось не творившееся в цоколе на Heather Way чудо воскрешения русской литературы (или, по крайней мере, не только оно), а посудомоечная машина, тостер, а еще микроволновка, гранулированный корм для животных или диван невиданной в России розовой расцветки: список чудес, явленных в «Ардисе» и неопровержимо доказывающих его потусторонний статус, весьма внушителен. Эти тривиальные, но тогда абсолютно невообразимые для советских граждан бытовые предметы, соединяясь с прозой и поэзией, составили неповторимый волшебный мир «Ардиса» — русского Лукоморья в Америке (там, кстати, живал и кот по кличке Саша), где, наверное, легко было представить брак Карла с овчаркой Динарой и Эллендею — сказочную повелительницу бытового Зазеркалья.

Есть у меня аллюзия и посвежее: дом родителей Рона Уизли из «Гарри Поттера», куда друзья привозят Гарри на волшебной летающей машине, спасая из заточения у злых родственников. У супругов Уизли тоже была невероятная посудомоечная машина, золотые волосы, добрые сердца и изрядный опыт в магии. Но даже Джоан Роулинг не могла бы придумать, чтобы дом, где издавались неугодные в России писатели, был куплен, как помним, на деньги КАМАЗа, перечисленные за перевод чертежей для «штук, которые режут металл». Так что набоковско-профферовский «Ардис», столица Антитерры и Америкороссии, можно сказать, внес свой вклад не только в изучение, издание и популяризацию русской словесности, но и в развитие машиностроения в СССР (и наоборот, что еще невероятнее). Это будет посильнее тостера Бродского.

* * *

Писать о болезни и смерти Карла Проффера 24 сентября 1984 году нет ни сил, ни слов. Эллендея похоронит его в Энн-Арборе на кладбище Forest Hill в русском тулупе, подаренном одним из мужей Тани Лоскутовой. Сама Эллендея будет руководить «Ардисом» даже дольше, чем Карл, фактически с начала его болезни. Впрочем, она была партнером Карла во всей этой истории с самого начала. «Люди всегда были склонны недооценивать ее важность для «Ардиса», — писал Проффер Копелевым в 1982 году, — и это очень серьезная ошибка»[382].

Пусть эту книгу завершат эмоциональные, немного наивные, но искренние слова Сергея Довлатова, который писал их, когда только-только узнал о болезни Проффера: «Вы же, Карл, сделали для русской литературы больше, чем любой другой человек на Западе или в России»[383]. «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что лет через сто в вестибюле московского Дома литераторов будет стоять громадный бронзовый памятник Карлу Профферу на фоне барельефа, изображающего питомцев «Ардиса», где из-за плеча Саши Соколова будет выглядывать любящий и уважающий Вас и Эллендею Сергей Довлатов»[384].

Ardis 1971–1996

1971

Булгаков М. Зойкина квартира.
Зощенко М. и Пильняк Б. Статьи и материалы.
Мандельштам О. Камень.

Bely Andrei. Kotik Letaev.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 1: Acmeism, Brodsky.

1972

Ахматова А. Четки.
Бабель И. Блуждающие звезды.
Блок А. Двенадцать.
Вагинов К. Путешествие в хаос.
Кузмин М. Занавешанные картинки.
Мандельштам О. Tristia.
Пастернак Б. Темы и вариации.
Томашевский Б. Теория литературы.
Цветаева М. Версты.

Eikhenbaum Boris. The Young Tolstoi.
Kuzmin Mikhail. Wings: Prose and Poetry.
Proffer Carl, ed. Soviet Criticism of American Literature.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 2: Prose of the Twenties.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 3: Romanticism, Nabokov.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 4: Symbolism.

1973

Горбаневская Н. Побережье.
Маяковский В. Про это.
Платонов А. Котлован.

Akhmatova Anna. A Poem Without a Hero.

Bakhtin Mikhail. Problems of Dostoevsky's Poetry.

Brodsky Josef. A Stop in the Desert (broadside).

Dostoevsky Fyodor. The Unpublished Dostoevsky: Diaries and Notebooks, 3 vol. (1973–76).

Evreinov Nikolai. Life as Theater: Five Modern Plays by Nikolai Evreinov.

Fiene Donald. Alexander Solzhenitsyn: An International Bibliography.

Grossman Leonid. Dostoevsky and Balzac.

Johnson Lemuel. Highlife for Caliban.

Mandelstam Nadezhda. Mozart & Salieri: An Essay on Osip Mandelstam & Poetic Creativity.

Platonov Andrei. The Foundation Pit/Kotlovan.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 5–6: Contemporary Russian Literature.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 7: Russian Film and Theater.

1974

Набоков В. Машенька.

Набоков В. Подвиг.

Cohen Arthur A. Osip Emilievich Mandelstam: An Essay in Antiphon.

Fisher Lynn and Wesley. The Moscow Gourmet. Dining out in the Capital of the USSR. A Guide.

Leiter Sharon. The Lady and the Bailiff of Time.

Mason Bobbie Ann. Nabokov's Garden. A Guide to «Ada».

Proffer Carl, ed. A Book of Things about Vladimir Nabokov.

Proffer Carl, ed. Modern Russian Poets on Poetry. An Anthology.

Pushkin Alexander. A Journey to Arzrum.

Pushkin Alexander. Ruslan and Ludmila.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 8: Unread Classics.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 9: Women in Russian Literature.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 10: The Golden Age.

Zoshchenko Mikhail. Before Sunrise.

1975

Биргер Б. Каталог.

Гумилев Н. Огненный столп.

Заболоцкий Н. Столбцы.

Копелев Л. Хранить вечно.

Марамзин В. Блондин обеего цвета.

Набоков В. Дар.

Платонов А. Шарманка.

Ходасевич В. Тяжелая лира.

Birger Boris. Catalogue.

Cerny Vaclav. Dostoevsky and His «Devils».

Erdman Nikolai. The Suicide and the Mandate.

Iskander Fazil. The Goatibex Constellation.

Kern Gary and Christopher Collins, eds. The Serapion Brothers: Stories and Essays.

McKain David. In Touch.
Morrison R.H., ed. America's Russian Poets.
Olesha Yury. Envy.
Petersen Carl. Each in Its Ordered Place: A Faulkner Collector's Notebook.
Pilnyak Boris. The Naked Year.
Proffer Carl & Ellendea Proffer, eds. The Ardis Anthology of Recent Russian Literature.
Proffer Carl & Ellendea Proffer, eds. The Silver Age of Russian Culture: An Anthology.
Rice Martin. Valery Briusov and the Rise of Russian Symbolism.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 11: Salmagundi.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 12–13: Futurism and Constructivism.
Walton David. Waiting in Line.
Wieder Laurance. No Harm Done.

1976

Булгаков М. Дьяволиада.
Войнович В. Иванькиада.
Замятин Е. Наводнение.
Набоков В. Возвращение Чорба.
Набоков В. Лолита.
Пастернак Б. Воздушные пути.
Пастернак Б. Сестра моя жизнь.
Соколов С. Школа для дураков.
Чуковский К. Поэт и палач.

Akhmatova Anna. Selected Poems.
Brown Edward J. *Brave New World, 1984*, and *We*. An Essay on Anti-Utopia.
Khlebnikov Velimir. Snake Train.
Kostelanetz Richard. Portraits from Memory.
Lotman Yury. Analysis of the Poetic Text.
McVay Gordon. Esenin: A Life.
Mochulsky Konstantin. Andrei Bely.
Newlin Margaret. The Snow Falls Upward: Poems 1963–1975.
Proffer Ellendea. International Bibliography of Bulgakov.
Rigsbee David. Stamping Ground.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 14.: Satire and Parody.
Scott W.B. Chicago Letter and Other Parodies.

1977

Ахматова А. Anno Domini MCMXXI.

Ахматова А. Подорожник.
Ахматова А. Стихи, воспоминания, иконография.
Бродский И. Конец прекрасной эпохи.
Бродский И. Части речи.
Булгаков М. Неизданный Булгаков.
Глагол. Том I.
Зощенко М. Неизданный Зощенко.
Копелев Л. Вера и слово.
Мандельштам О. Египетская марка.
Маяковский В. Владимир Маяковский — Трагедия.
Олеша Ю. Зависть.

Antonych Bogdan. Square of Angels: Selected Poems.
Bialoszewski Miron. A Memoir of the Warsaw Uprising.
Chukovsky Kornei. Poet and Hangman (Nekrasov and Muravyov).
Fyodorov Vadim. An Ordinary Magic Watch.
Gumilev Nikolai. On Russian Poetry.
Klyuev Nikolai. Poems.
Moody Fred. Ten Bibliographies of Russian Literature.
Pushkin Alexander. Three Comic Poems.
Radnoti Miklos. Subway Stops: Fifty Poems.
Rigsbee David & Ellendea Proffer, eds. The Ardis Anthology of New American Poetry.
Saltykov-Shchedrin Mikhail. The Golovlyov Family.
Scheldon Richard. Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him.
Shklovsky Viktor. Third Factory.
Sokolov Sasha. A School for Fools.
Valkenier Elisabeth. Russian Realist Art: The State and Society.
Wat Alexander. Mediterranean Poems.
Williams Richard. Savarin.

1978

Ахматова А. Поэма без героя.
Битов А. Пушкинский дом.
Вагинов К. Константин Вагинов.
Варламова И. Мнимая жизнь.
Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу.
Глагол. Том II.
Довлатов С. Невидимая книга.
Замятин Е. Нечестивые рассказы.
Копелев Л. И сотворил себе кумира.
Кузмин М. Форель разбивает лед.
Набоков В. Весна в Фиальте.

Набоков В. Другие берега.
Набоков В. Камера обскура.
Набоков В. Отчаяние.
Набоков В. Соглядатай.
Пушкин А. Путешествие в Арзрум.
Стрелец, № 1.
Уфлянд В. Тексты 1955–77.
Цветков А. Сборник пьес для жизни соло.
Цех поэтов, № 1.
Чаадаев П. Философические письма.
Шестов Л. Начала и концы.

Andreyeva-Chernov Olga. Cold Spring in Russia.
Babel Isaak. The Forgotten Prose.
Brown Natalie Babel. Hugo & Dostoevsky.
Holz Arno. Dichterjubilaum.
Ivanov Vsevolod. Armored Train 14–69.
Johnson Lemuel. Hand on the Navel.
Kataev Valentin. The Embezzlers.
Lazard Naomi. Ordinances.
Mak Lev. From the Night & Other Poems.
Mikhailovsky Nikolai. Dostoevsky: A Cruel Talent.
Pavlova Karolina. A Double Life.
Platonov Andrei. Chevengur.
Platonov Andrei. Collected Works.
Proffer Carl & Fred Moody. «Index to Russian Literature Triquarterly» 1971–1976.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 15: Bulgakov.
Seaton Jerome. The Wine of Endless Life. Taoist Drinking Songs from the Yuan Dynasty.
Sologub Fyodor. Bad Dreams.
Stephens William. Standard Forgings: Collected Poems.
Trifonov Yury. The Long Goodbye. Three Novellas.
Tschizewskij Dmitrij. Russian Intellectual History.
Zamiatin Evgeny. The Islanders.

1979

Ахматова А. Белая стая.
Бабель И. Забытые произведения.
Белозерская-Булгакова Л.Е. О мед воспоминаний.
Белый А. Серебряный голубь.
Бенет С.В. Тело Джона Брауна.
Газданов Г. Вечер у Клэр.
Гумилев Н. Костер.

Есенин С. Избранные стихи.
Замятин Е. Островитяне.
Зощенко М. Рассказы.
Искандер Ф. Сандро из Чегема.
Кайзер Р. Россия: Власть и народ.
Кузмин М. Вожатый.
Кузмин М. Крылья.
Лимонов Э. Русское.
Метрополь. Литературный альманах.
Набоков В. Защита Лужина.
Набоков В. Король, дама, валет.
Набоков В. Приглашение на казнь.
Набоков В. Стихи.
Парнок С. Собрание стихотворений.
Пильняк Б. Голый год.
Пильняк Б. Красное дерево.
Соболь А. Любовь на Арбате.
Сологуб Ф. Мелкий бес.
Ходасевич В. Статьи о литературе.

Aksyonov Vasily. The Steel Bird & Other Stories.
Bely Andrei. Complete Short Stories.
Dovlatov Sergei. The Invisible Book.
Gladilin Anatoly. The Making and Unmaking of a Soviet Writer.
Kiparsky Valentin. Russian Historical Grammar.
Lvov-Rogachevsky V. A History of Russian-Jewish Literature.
McVay Gordon. Isadora and Esenin.
Mandelstam Osip. Complete Critical Prose and Letters.
Merrill Reed & Thomas Frazier. Arthur Koestler: An International Bibliography.
Meyer Priscilla and Stephen Rudy, eds. Dostoevsky & Gogol: Texts and Criticism.
Olesha Yury. The Complete Short Stories and The Three Fat Men.
Olesha Yury. No Day Without a Line.
Proffer Carl, ed. Russian Romantic Prose: An Anthology.
Proffer Carl, Ellendea Proffer, eds. The Ardis Anthology of Russian Futurism.
Radnoti Miklos. The Complete Poetry.
Rowe William Woodin. Nabokov & Others: Patterns in Russian Literature.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 16.: Salmagundi.
Schultze Sydney. The Structure of «Anna Karenina».
Shukshin Vasily. Snowball Berry Red & Other Stories.
Sologub Fyodor. The Created Legend: A Trilogy (Drops of Blood,

Queen Ortruda, Smoke and Ashes).

Suslov Alexander. Loosestrife City.

Svirski Grigory. A History of Post-War Soviet Writing: The Literature of Moral Opposition.

Tynianov Yury. The Problem of Verse Language.

1980

Аксенов В. Золотая наша железка.

Аксенов В. Ожог.

Алешковский Ю. Николай Николаевич/Маскировка.

Бегак Б. Русская литературная пародия.

Введенский А. Полное собрание сочинений. Том I–II.

Воронский А. Статьи.

Евреинов Н. Самое главное.

Ермаков Н.Д. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина.

Ефимов И. Практическая метафизика.

Иванов В. и Гершензон М. О. Переписка из двух углов.

Коэн С. Бухарин.

Мандельштам О. Воронежские тетради.

Окуджава Б. 65 песен. Том I.

Соколов С. Между собакой и волком.

Цветаева М. Лебединый стан.

Цветаева М. Фотобиография.

Эрдман Н. Самоубийство.

Brown William Edward. A History of 17th Century Russian Literature.

Brown William Edward. A History of 18th Century Russian Literature.

Fowler Douglas. A Reader's Guide to Gravity's Rainbow.

George Emery. Kate's Death.

Lehrman Edgar. A Guide to the Russian Texts of Tolstoi's *War and Peace*.

Okudzhava Bulat. 65 Songs/65 pesen (bilingual).

Proffer Ellendea. Marina Tsvetaeva. A Pictorial Biography/ Fotobiografia (bilingual).

Thorson James L., ed. Yugoslav Perspectives on American Literature.

Tsvetaeva Marina. A Captive Spirit: Selected Prose.

Tsvetaeva Marina. Demesne of Swans/Lebedinyi stan (bilingual).

1981

Аксенов В. Остров Крым.

Алешковский Ю. Кенгуру.

Глагол. Том III.
Евреинов Н. Фотобиография.
Ефимов И. Как одна плоть.
Искандер Ф. Новые главы.
Копелев Л. Утоли мои печали.
Кублановский Ю. Избранное.
Липкин С. Воля.
Марамзин В. Тянитолкай.
Попов Е. Веселие Руси.
Цветков А. Состояние сна.
Эльбаум Г. Анализ иудейских глав «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

Eikhenbaum Boris. Lermontov.
Gippius Vasiliy. Gogol.
Lawton Anna. Vadim Shershenevich. From Futurism to Imagism.
Proffer Ellendea. N. Evreinov. A Pictorial Biography (bilingual).
Rowe William Woodin. Nabokov's Spectral Dimension.
Rudnitsky Konstantin. Meyerhold the Director.
Transtromer Tomas. Selected Poems.

1982

Аввакум. Житие протопопа Аввакума.
Амальрик А. Записки диссидента.
Анненский И. Кипарисовый ларец.
Бабель И. Конармия.
Белый А. Мастерство Гоголя.
Белый А. Почему я стал символистом.
Булгаков М. Собрание сочинений. Т. I: Ранняя проза.
Вахтин Б. Две повести.
Достоевский Ф.М. Записки из подполья.
Искандер Ф. Кролики и удавы.
Каталог: литературный альманах.
Копелев Л. Держава и народ.
Милош Ч. Поэтический трактат.
Михайлов М. Планетарное сознание.
Набоков В. Аня в стране чудес.
Шестов Л. Тургенев.

Annensky Innokenty. The Cypress Chest/Kiparisovyi larets (bilingual).
Cattafi Bartolo. The Dry Air of Fire & Other Poems.
Chapple R. A Dostoevsky Dictionary.
Chukovsky Kornei. Alexander Blok as Man and Poet.

Davies Jessie. Esenin: A Biography in Memoirs, Letters & Essays.
Eikhenbaum Boris. Tolstoi in the Seventies.
Eikhenbaum Boris. Tolstoi in the Sixties.
Fetzer Leland, ed. Pre-Revolutionary Russian Science Fiction.
Gogol Nikolai. Arabesques.
Gur Arieh. The Escape from Kiev to Tel-Aviv.
Hazan Baruch. Soviet Impregnational Propaganda.
Luker Nicholas, ed. An Anthology of Russian Neo-Realism. The «Znanie» School of Maxim Gorky.
Luplow Carol. Babel's *Red Cavalry*.
Mendelson Danuta. Metaphor in Babel's Short Stories.
Nakhimovsky A.D. & V.A. Paperno. A Russian-English Dictionary of Nabokov's *Lolita*.
Newlin Margaret. The Book of Mourning.
Osorgin Mikhail A. Selected Stories, Reminiscences, and Essays.
Passage Charles. Character Names in Dostoevsky.
Pasternak Boris. My Sister Life.
Proffer Carl & Ellendea Proffer, eds. Contemporary Russian Prose.
Rancour-Laferriere Daniel. Out from under Gogol's «Overcoat».
Russian Literature Triquarterly. Vol. 17: 19th Century.
Saltykov-Shchedrin Mikhail. History of a Town.
Thrahan Elisabeth, ed. Gogol's «Overcoat»: An Anthology of Critical Articles.
Visson Lynn. The Complete Russian Cookbook.
Vogel Lucy, ed. Alexander Blok: An Anthology of Critical Essays and Memoirs.

1983

Аксенов В. Бумажный пейзаж.
Бем А.Л. Достоевский. Психоаналитические этюды.
Бродский И. Новые стансы к Августе.
Булгаков М. Собрание сочинений. Т. III: Повести.
Вагинов К. Гарпагониада.
Вересаев В.В. Гоголь в жизни.
Вересаев В.В. Как работал Гоголь.
Гершензон М.О. Мудрость Пушкина.
Гладилин А. Большой беговой день.
Горбаневская Н. Деревянный ангел.
Довлатов С. Наши.
Жар-птица, № 1.
Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова.
Киреевский И. Полное собрание сочинений.
Магон Л. Письма. Начало повести.
Мандельштам О. Проза.

Мандельштам О. Разговор о Данте.
Набоков В. Бледный огонь.
Набоков В. Пнин.
Наппельбаум М. Наш век.
Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени.
Патера Т. Обзор творчества Юрия Трифонова.
Полякова С. Незакатные оны дни. Цветаева и Парнок.
Современные записки. № 70, 1940.
Трифонов Ю. Дом на набережной.
Хаксли О. Кром желтый.
Ходасевич В. Из еврейских поэтов.
Ходасевич В. Письма В.Ф. Ходасевича к Борису Садовскому.
Ходасевич В. Собрание сочинений. Том I: Полное собрание стихотворений.
Чеботаревская А. (сост.). О Федоре Сологубе.

Belozerskaya Lyubov. My Life with Mikhail Bulgakov.
Bitsilli Peter. Chekhov's Art.
Chudakov Alexander. Anton P. Chekhov's Poetics.
Conant Roger. The Political Poetry & Ideology of F.I. Tiutchev.
Dostoevsky Fyodor. Poor Folk.
Galich Alexander. Songs and Poems.
George Emery, ed. Contemporary East European Poetry.
Guro Elena. The Little Camels of the Sky.
Innis Joanne, et al. Intermediate & Advanced Russian Reader.
Lezhnev Abram. Pushkin's Prose.
Lowe David. Turgenev's «Fathers and Sons».
Matich Olga & M. Heim, eds. The Third Wave: Russian Literature in Emigration.
Mersereau John. Russian Romantic Fiction.
Miller Tamara. Bibliographical Index to *Novyi Mir*.
Nappelbaum Moisei. Our Age/Nash Vek (bilingual).
Olesha Yury. The Complete Plays.
Pushkin Alexander. The History of Pugachev.
Rowe William Woodin. Holiday Poems.
Sologub Fyodor. The Petty Demon.
Tardieu Jean. Formeries.
Turgenev Ivan. Letters, 2 vols.

1984

Альтшуллер М. Предтечи славянофильства в русской литературе.
Берман Ф. Регистратор.
Бродский И. Мрамор.

Булгаков М. Фотобиография.
Дурылин С. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.
Зунделович Я. Романы Достоевского.
Кенжеев Б. Избранная лирика.
Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского.
Липкин С. Кочевой огонь.
Лиснянская И. Стихотворения.
Милославский Ю. От шума всадников и стрелков.
Хлебников В. Зангези.

Abramov Fyodor. Two Winters and Three Summers.
Bakunin Mikhail. From Out of the Dustbin.
Fodor Alexander. Tolstoi and the Russians.
Lermontov Mikhail. Vadim.
O'Bell Leslie. Pushkin's «Egyptian Nights».
Proffer Carl & Ellendea Proffer, eds. The Barsukov Triangle, The Two-Toned Blonde & Other Stories.
Proffer Ellendea. Bulgakov: Life & Work.
Proffer Ellendea. A Pictorial Biography of M. Bulgakov/ Fotobiografia (bilingual).
Pushkin Alexander. Collected Narrative & Lyrical Poetry.
Pushkin Alexander. Epigrams & Satirical Verse.
Rosenberg William G. Bolshevik Visions.
Rydel Christine, ed. The Ardis Anthology of Russian Romanticism.
Sheer Linda & Miguel Florez Ramirez, eds. Poetry of Transition: Mexican Poetry of the 1960s and 1970s.

1985

Аксенов В. Скажи изюм.
Булгаков М. Собрание сочинений. Т. II: Ранняя проза.
Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова.
Войнович В. Антисоветский Советский Союз.
Войнович В. Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина. Том I–II.
Довлатов С. Ремесло.
Набоков В. Переписка с сестрой.
Орлова Р. Хемингуэй в России.
Паперный В. Культура «два». Советская архитектура 1932–1954.
Смит М. Парк имени Горького.
Соколов С. Палисандрия.
Тынянов Ю. Архаисты и новаторы.
Цветков А. Эдем.
Шкловский В. О теории прозы.

Aksyonov Vassily. Surplussed Barrelware.

Boyd Brian. Nabokov's «Ada»: The Place of Consciousness.

Browning Gary. Boris Pilniak.

Dostoevsky Fyodor. The Crocodile.

Dostoevsky Fyodor. The Double.

Eikhenbaum Boris. Russian Prose.

Fonvisin Denis. Political Writings.

Hagglund Roger. Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography.

Hagglund Roger. A Vision of Unity: Adamovich in Exile.

Johnson D. Barton. Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov.

Karges Joann. Nabokov's Lepidoptera.

Powers D.B. Dictionary of Russian Verb Forms.

Purishkevich V.M. The Murder of Rasputin.

Remizov Alexei. Selected Prose.

Rice James. Dostoevsky and the Healing Art.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 18: Remizov. Part 1.

Saltykov-Shchedrin Mikhail. The Pompadours.

Teffi Nadezhda. All About Love.

Tolstoi Alexei. Aelita.

Zoshchenko Mikhail. Youth Restored.

1986

Гладилин А. Каким я был тогда.

Гумилев Н. К синей звезде.

Липкин С. Сталинград Василия Гроссмана.

Окуджава Б. 65 песен. Том II.

Скоболев В. (сост.). Творчество Платонова. Статьи и сообщения.

Суслов А. Шесть сонмов/Плакун-город.

Юрьенен С. Сын империи.

Bitov Andrei. Life in Windy Weather.

Brown William Edward. A History of Russian Literature of the Romantic Period, 4 vols.

Charents Eghishe. Land of Fire: Selected Poems.

Floridi Alexis U. Moscow and the Vatican.

Golovskoy Valery. Behind the Soviet Screen.

Green Michael. The Russian Symbolist Theatre.

Luckyj George. Before the Storm: Soviet Ukrainian Fiction of the 1920s.

Nagibin Yury. The Peak of Success and Other Stories.

Newlin Margaret. Collected Poems.

Okudzhava Bulat. A Taste of Liberty.
Okudzhava Bulat. Songs. Volume II (bilingual).
Peterson Ronald. The Russian Symbolists.
Rabinowitz Stanley. The Noise of Change.
Richardson William. Zolotoe Runo & Russian Modernism.
Russian Literature Triquarterly. Vol. 19: Remizov. Part II.
Sadovnikov Dmitry. Riddles of the Russian People.

1987

Бродский И. Урания.
Войнович В. Москва 2042.
Максудов С. Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива.
Набоков В. Собрание сочинений. Том I: Король, дама, валет. Машенька.
Соснора В. Избранное.
Шварц Е. Труды и дни Лавинии.

George Emery. The Boy and the Monarch.
George Emery. Voiceprints.
Grin Alexander. Selected Short Stories.
Knapp Liza, ed. Dostoevsky as Reformer.
Leatherbarrow, William & Derek Offord, eds. Documentary History of Russian Thought.
Proffer Carl. The Widows of Russia and Other Writings.
Proffer Carl, et al., eds. The Twenties: An Anthology.
Przybylski Ryszard. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam.
Pushkin Alexander. The Bakhchesarian Fountain & Other Poems by Various Authors (reprint).
Russian Literature Triquarterly. Vol. 20: The 18th century. Part 1.
Vinogradov V.V. Gogol and the Natural School.

1988

Аксенов В. Собрание сочинений. Том I: Коллеги. Звездный билет.
Бродский И. Остановка в пустыне.
Булгаков М. Собрание сочинений. Т. VIII: Мастер и Маргарита.
Вайль П. и А. Генис. 60-е. Мир советского человека.
Орлова Р. и Л. Копелев. Мы жили в Москве.

Chernyshevsky Nikolai. What Is to Be Done.
DeQuille Dan. Dives and Lazarus.
Dostoevsky Fyodor. The Complete Letters, 5 vols. (1988–1991).

Durova Nadezhda. The Cavalry Maid.

Gazdanov Caito. An Evening with Claire.

Kern Gary, ed. Zamyatin's «We»: A Collection of Critical Essays.

Lermontov Mikhail. A Hero of Our Time.

Luker Nicholas, ed. From Furmanov to Sholokhov: An Anthology of Classics of the Socialist Realism.

Miller Frank. A Handbook of Russian Verbs (bilingual).

Nabokov Vladimir, trans. The Song of Igor's Campaign.

Ostrovsky Alexander. The Storm.

Pisemsky Alexander. Nina, The Comic Actor & An Old Man's Sin.

Pogorelsky Antony. The Double or My Evenings in Little Russia.

Rancour-Laferriere Daniel. The Mind of Stalin.

Rowe, William Woodin. Patterns in Russian Literature II: Notes on Classics.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 21: The 18th century. Part 2.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 22: Salmagundi.

Vakhtin Boris. The Sleepskin Coat & An Absolutely Happy Village.

Varlamova Inna. A Counterfeit Life.

Zamiatin Evgeny. A Godforsaken Hole.

1989

Бабель И. Петербург 1918.

Булгаков М. Собрание сочинений. Т. IV: Белая гвардия.

Набоков В. Собрание сочинений. Том VI: Дар.

Набоков В. Собрание сочинений. Том X: Лолита.

Полякова С. Осип Мандельштам.

Ходасевич В. Собрание сочинений. Том II: Статьи и рецензии.

Юрьенен С. Скорый в Петербург.

Aksyonov Vassily. Our Golden Ironburg.

Barabtarlo Gennadi. Phantom of Fact: A Guide to Nabokov's «Pnin».

Frantz Philip. Gogol: A Bibliography.

Iskander Fazil. Rabbits and Boa Constrictors.

Mersereau John. Orest Somov.

O'Connor Katherine. Boris Pasternak's «My Sister-Life»: The Illusion of Narrative.

Sollogub Vladimir. The Tarantas: Impressions of a Journey.

Zoshchenko Mikhail. A Man Is Not a Flea.

1990

Эйхенбаум Б., Виноградов В., Жирмунский В. Анна Ахматова: Три книги.

Belknap Robert L., ed. Russianness: In Memory of Rufus W. Mathewson.

Bitov Andrei. Pushkin House.

Gladilin Anatoly. Moscow Racetrack.

Gogol Nikolai. Hanz Kuechelgarten.

Goscilo Helena & Byron Lindsey, eds. Glasnost: An Anthology of Russian Literature under Gorbachev.

Kochina Elena. Blockade Diary.

Lauridsen Inger & Per Dalgaard. The Beat Generation and the Russian New Wave.

Proffer Carl & Ronald Meyer. Nineteenth-Century Russian Literature in English: A Bibliography of Criticism and Translation.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 23: The Golden Age.

Wyspianski Stanislaw. The Wedding.

1991

Набоков В. Собрание сочинений. Том III: Соглядатай. Волшебник.

Aksyonov Vassily. The Destruction of Pompeii & Other Stories.

Bulgakov Mikhail. Notes on the Cuff & Other Stories.

Green Michael & Jerome Kastell. The Unknown Russian Theater.

Kolesnikoff Nina. Yury Trifonov: A Critical Study.

Proffer Ellendea. Vladimir Nabokov. A Pictorial Biography.

Russian Literature Triquarterly. Vol. 24: Nabokov.

Shaginian Marietta. Mess-Mend: Yankees in Petrograd.

Trifonov Yury. Disappearance.

Trifonov Yury. The Exchange and Other Stories.

Visson, Lynn. From Russian into English: An Introduction to Simultaneous Interpretation (bilingual).

1992

Цветаева М. После России.

Akhmatova Anna. My Half Century. Selected Prose.

Bulgakov Mikhail. Diaboliad & Other Stories [second edition].

Cioran Samuel D. RussianAlive! (bilingual).

Cioran Samuel D. Welcome to Divnograd.

Goscilo Helena & Byron Lindsey, eds. An Anthology: The Wild Beach & Other Stories.

Tsvetaeva Marina. After Russia/Posle Rossii (bilingual).

1993

Arndt Walter, ed. Pushkin Threefold: Narrative, Lyric, Polemic,

and Ribald Verse.

Cioran Samuel D. The General's Daughter (bilingual).

Pilnyak Boris. Mahogany & Other Stories.

Pushkin Alexander. Eugene Onegin.

1994

Goncharov Ivan. An Ordinary Story.

Goncharov Ivan. The Precipice.

Miloslavsky Yury. Urban Romances.

1995

Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita.

Dovlatov Sergei. Inostranka: A Russian Reader (bilingual).

Goscilo Helena, ed. Lives in Transit: A Collection of Recent Russian Women's Writing.

Patera Tatiana. A Concordance to the Poetry of Anna Akhmatova.

1996

Бродский И. Пейзаж с наводнением.

Портфель. Литературный альманах.

Makanin Vladimir. Escape Hatch: Two Novellas.

Ostrovsky Alexander. Without a Dowry & Other Plays.

Razgon Lev. True Stories: The Memoirs of Lev Razgon.

Tsvetaeva Marina. Poem of the End (bilingual).

Список иллюстраций

1. Proffer Carl R. Soviet Criticism of American Literature in the Sixties. 1972

2. Бабель И. Блуждающие звезды. Киносценарий. Рисунки А. Быховского. 1972

3. Platonov Andrei. The Foundation Pit. Котлован. 1973

4. Mandelstam Nadezhda. Mozart and Salieri: An Essay on Osip Mandelstam and Poetic Creativity. 1973

5. Маяковский. Про это. 1973

6. Zoshchenko. Before Sunrise. 1974

7. Proffer Carl. Nabokov. A Book of Things about Vladimir Nabokov. 1974

8. Набоков Владимир. Машенька. 1974

9. Proffer Carl and Proffer Ellendea. The Silver Age of Russian Culture. 1975

10. Proffer Carl and Proffer Ellendea. The Ardis Anthology of Recent Russian Literature. 1975

11. McKain David. In Touch. 1975

12. Olesha Yury. Envy. 1975

13. Копелев Лев. Хранить вечно. 1975

14. Rice Martin P. Briusov and the Rise of Russian Symbolism. 1975

15. Akhmatova Anna. Selected Poems. 1976

16. Khlebnikov Velimir. Snake Train. Edited by Gary Kern. 1976

17. Kostelanetz Richard. Portraits from Memory. 1976

18. Войнович В. Иванькиада. 1976

19. Бродский Иосиф. Часть речи. 1977

20. Копелев Лев. Вера в слово. 1977

21. Олеша Юрий. Зависть. 1977

22. Копелев Лев. И сотворил себе кумира. 1978

23. Битов Андрей. Пушкинский дом. 1978

24. Babel Isaac. Forgotten prose. 1978

25. Platonov Andrei. Collected Works. 1978

26. Platonov Andrei. Chevengur. 1978

27. Гиппиус Зинаида. Письма к Берберовой и Ходасевичу. 1978

28. Пильняк. Голый год. 1979

29. Метрополь. Литературный альманах. Фронт. и виньетки Б. Мессерера. 1979

30. Пильняк Бор. Красное дерево. 1979

31. Набоков Владимир. Защита Лужина. 1978

32. Набоков Владимир. Приглашение на казнь. 1978

33. Кузмин М. Крылья. 1979
34. Dovlatov Sergei. The Invisible Book. 1979
35. Mandelstam. Complete Critical Prose. 1979
36. Proffer Carl. Russian Romantic Prose: an Anthology. 1979
37. Proffer Carl and Proffer Ellendea. The Ardis Anthology of Russian Futurism. 1979
38. McVay Gordon. Esenin. A Life. 1979
39. Гумилев. Костер. 1979
40. Кайзер Р. Россия: власть и народ. 1979
41. Лимонов Эдуард. Русское. 1979
42. Эрдман Николай. Самоубийца. 1980
43. Соколов Саша. Между собакой и волком. 1980
44. Мандельштам Осип. Воронежские тетради. 1980
45. Tsvetaeva Marina A Captive Spirit: Selected Prose. 1980
46. Аксенов В. Золотая наша железка. 1980
47. Окуджава Булат. 65 песен. 1980
48. Аксенов Василий. Ожог. 1980
49. Бабель И. Конармия. 1982
50. Chukovsky Kornei. Alexander Blok As Man and Poet. 1982
51. Proffer Carl and Proffer Ellendea. Contemporary Russian Prose. 1982
52. Амальрик Андрей. Записки диссидента. 1982
53. Мандельштам Осип. Разговор о Данте. 1983
54. Набоков Владимир. Бледный огонь. 1983
55. Belozerskaya-Bulgakova Lyubov. My Life with Mikhail Bulgakov. 1983
56. Conant Roger. The Political Poetry and Ideology of F.I. Tutchev. 1983
57. Pasternak Boris. My Sister — Life. A Sublime Malady. 1983
58. Наппельбаум Моисей. Наш век. 1983
59. Вагинов К. Гарпагониада. 1983
60. Pushkin Alexander. The History of Pugachev. 1983
61. Кенжеев Бахыт. Избранная лирика 1970–1981. 1984
62. Proffer Carl and Proffer Ellendea. The Barsukov Triangle, the Two-Toned Blond and Other Stories. 1984
63. Proffer Ellendea. Булгаков. Фотобиография. A Pictorial Biography of Bulgakov. 1984
64. Бродский Иосиф. Мрамор. 1984
65. Хлебников Велемир. Зангези. 1984
66. Набоков Владимир. Переписка с сестрой. 1985
67. Аксенов Василий. Скажи изюм. 1985
68. Войнович Владимир. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина. 1985
69. Орлова Раиса. Хемингуэй в России. 1985

70. Boyd Brian. Nabokov's Ada: The Place of Consciousness. 1985
71. Aksyonov Vassily. Surplussed Barrelware. 1985
72. Okudzhava Bulat. A Taste of Liberty. 1986
73. The Russian Symbolism. An Anthology of Critical and Theoretical Writings. Edited and Translated by Ronald E. Peterson. 1986
74. Golovskoy Val S. with Rimberg John. Behind the Soviet Screen. 1986
75. Proffer Carl. The Widows of Russia and Other Writings. 1987
76. Бродский Иосиф. Урания. 1987
77. Войнович Владимир. Москва 2042. 1987
78. Offord D.C., Letherbarrow W.I. A Documentary History of Russian Thought. 1987
79. Gazdanov Gaito. An Evening with Claire. 1988
80. The Song of Igor's Campaign. Translated, with a Foreword by Vladimir Nabokov. 1988
81. Przybylski Ryszard. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. 1988
82. Rancour-Lafferiere Daniel. The Mind of Stalin. 1988
83. Ostrovsky Alexander. The Storm. 1988
84. Miller Frank J. A Handbook of Russian Verbs. 1988
85. Вайль Петр, Генис Александр. 60-е. Мир советского человека. 1988
86. Barabtarlo Gennadi. Phantom of Fact. A Guide to Nabokov's Pnin. 1989
87. Коэн С. Бухарин. 1989
88. Бабель. Петербург 1918. 1989
89. Набоков Владимир. Собрание сочинений. Том VI: Дар. 1989
90. Ходасевич Владислав. Собрание сочинений. Том второй. 1989
91. Lauridsen Inger Thorup, Dalgaard Per. The Beat Generation and the Russian New Wave. 1990
92. Bitov Andrei. Pushkin House. 1990
93. Miloslavsky Yury. Urban Romances. 1994
94. Бродский Иосиф. Пейзаж с наводнением. 1996

Иллюстрации

Карл и Эллендея Профферы. Энн Арбор

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Дом Профферов по Heather way. Энн Арбор

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Владимир и Вера Набоковы, 1958 год. Фото Карла Майданса
Carl Mydans/The LIFE Picture Collection/Getty Images

Надежда Яковлевна Мандельштам, 1979 год
Fine Art Images/Heritage Images/Getty Images

Карл, Кристофер, Эндрю, Иэн Профферы, Иосиф Бродский, Эллендея Проффер. Ленинград, дом Мурузи, декабрь 1970 года. Фото А.И. Бродского

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Карл Проффер, Татьяна Лоскутова, ее подруга и Эллендея Проффер. Ленинград, 1971 год

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Александр Осповат, Лев Копелев, Евгений Рейн, Эллендея Проффер, Андрей Битов. Москва, 1977(?) год

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Инна Варламова и ее сын Владимир Вигилянский. Москва, 1973 год

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

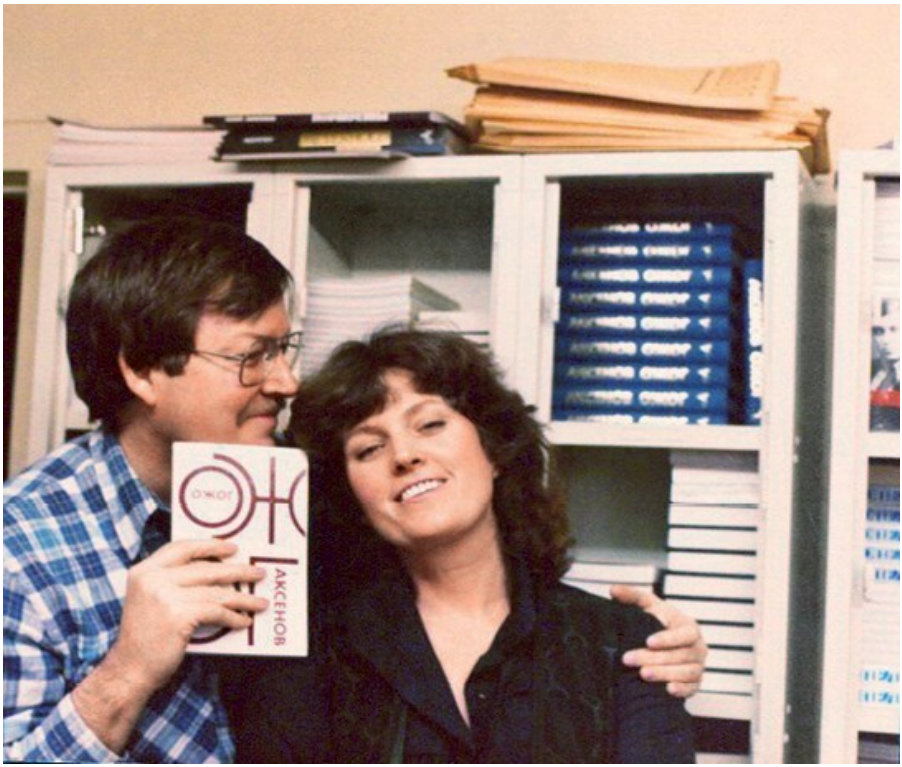
Редактор «Ардиса» Нэнси Бевериджж, тогда подруга Саши Соколова, Саша Соколов с собакой Профферов, Алексей Цветков с женой Ольгой Самиленко.

Энн Арбор, середина 1970-х годов

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Карл Проффер. Книжная ярмарка, Москва, 1977 год

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)



Карл и Эллендея Профферы со свеженапечатанным романом В. Аксенова.

Энн Арбор, 1980 год

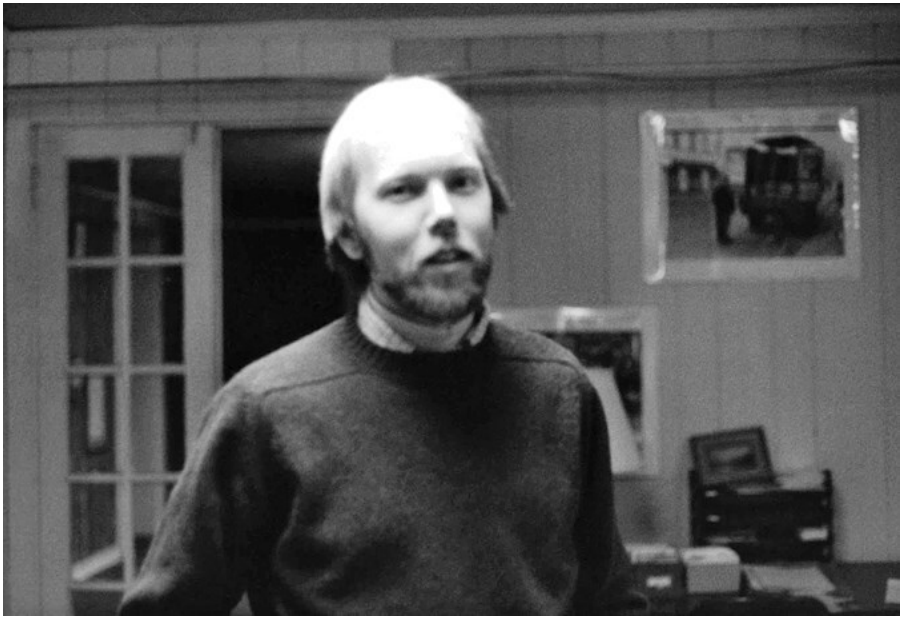
Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Фред Муди и Эллендея Проффер за работой в подвале «Ардиса». Энн Арбор, вторая половина 70-х годов

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

Редакторы «Ардиса» Таис Хуттеман, Фред Муди, Эллендея и Карл Профферы, Игорь Ефимов. Энн Арбор, кабинет Карла, 1981

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

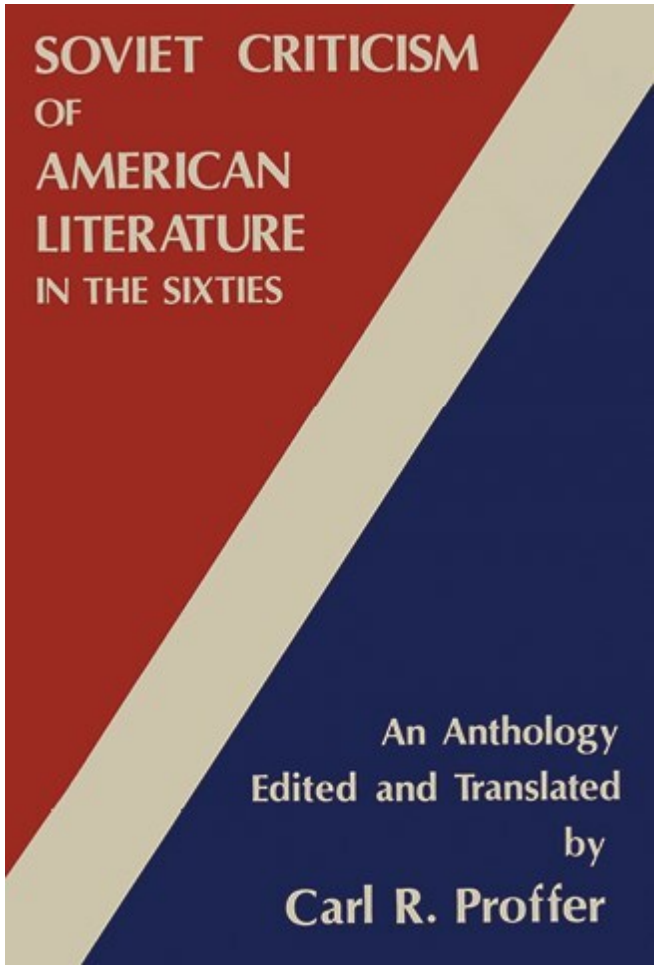


Редактор «Ардиса» Рональд Майер. Энн Арбор, 1980-е годы

Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)

«Метрополь»: Евгений Попов, Виктор Ерофеев, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Зоя Богуславская, Борис Мессерер, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Василий и Майя Аксеновы. Москва, 1979 год

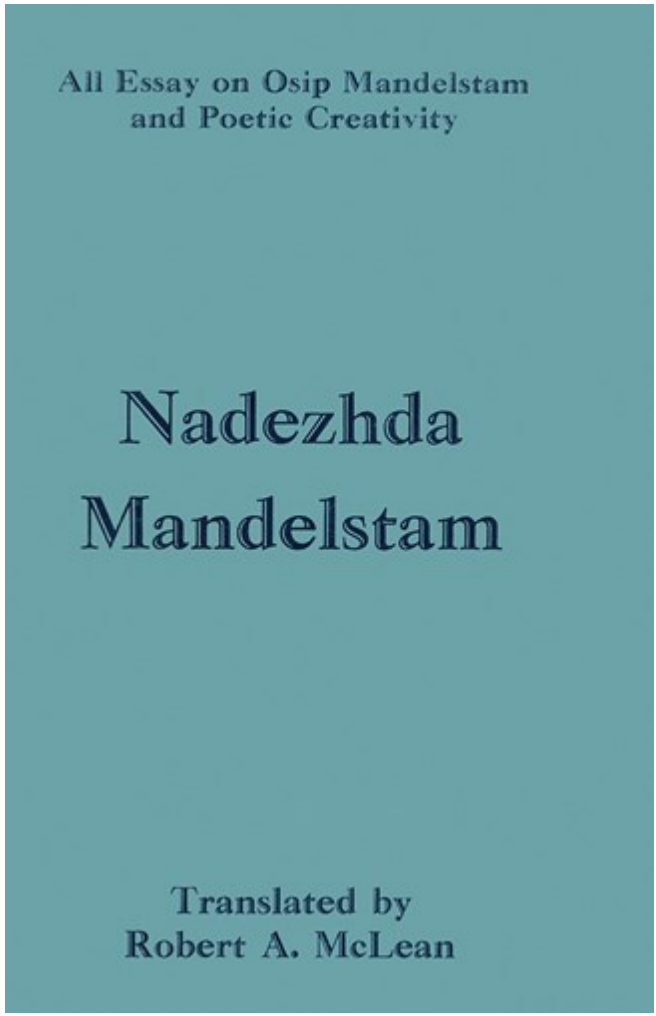
Ardis Archive/University of Michigan Library (Special Collections Research Center)


SOVIET CRITICISM
OF
AMERICAN
LITERATURE
IN THE SIXTIES
An Anthology
Edited and Translated
by
Carl R. Proffer

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ
И. БАБЕЛЬ
КИНО-СЦЕНАРИЙ
РИСУНКИ А. БЫХОВСКОГО
КИНОПЕЧАТЬ 1926 г. МОСКВА

1972

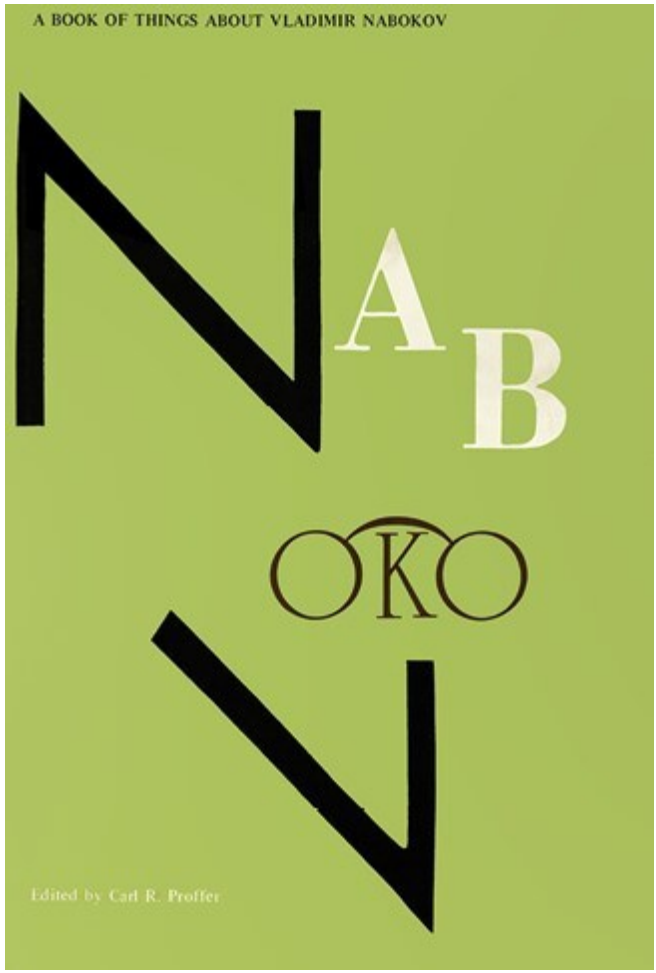
Andrei Platonov
THE FOUNDATION PIT
КОТЛОВАН
a bi-lingual edition
English translation by
Thomas P. Whitney
Preface by
Joseph Brodsky


All Essay on Osip Mandelstam
and Poetic Creativity
Nadezhda
Mandelstam
Translated by
Robert A. McLean

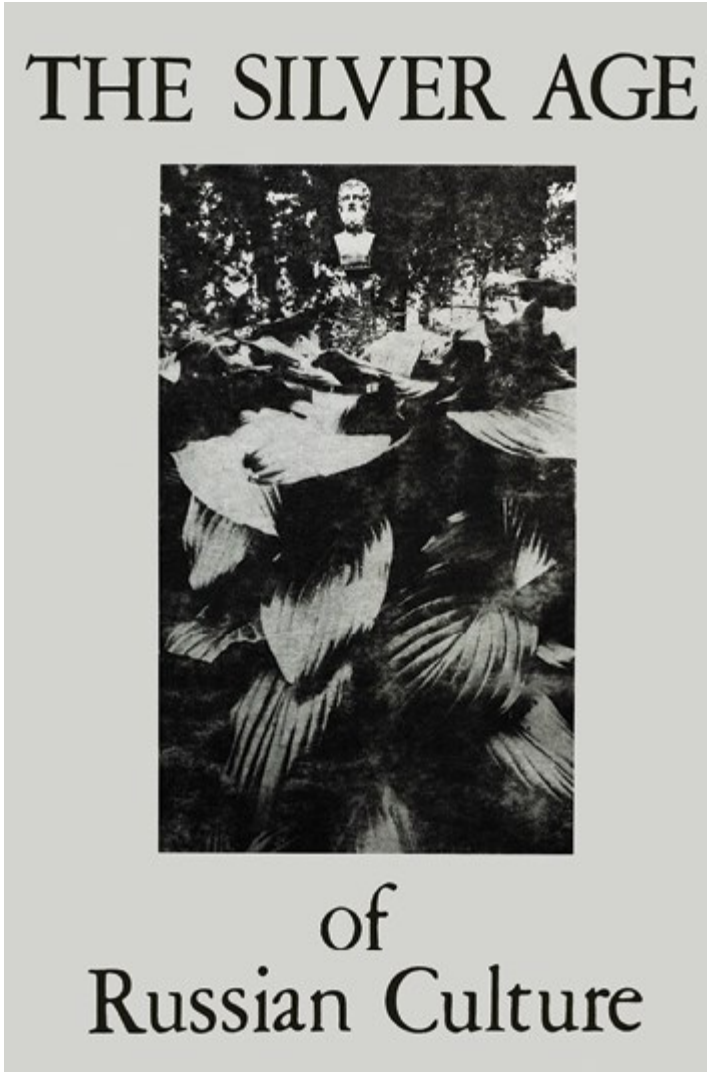
1973

1973

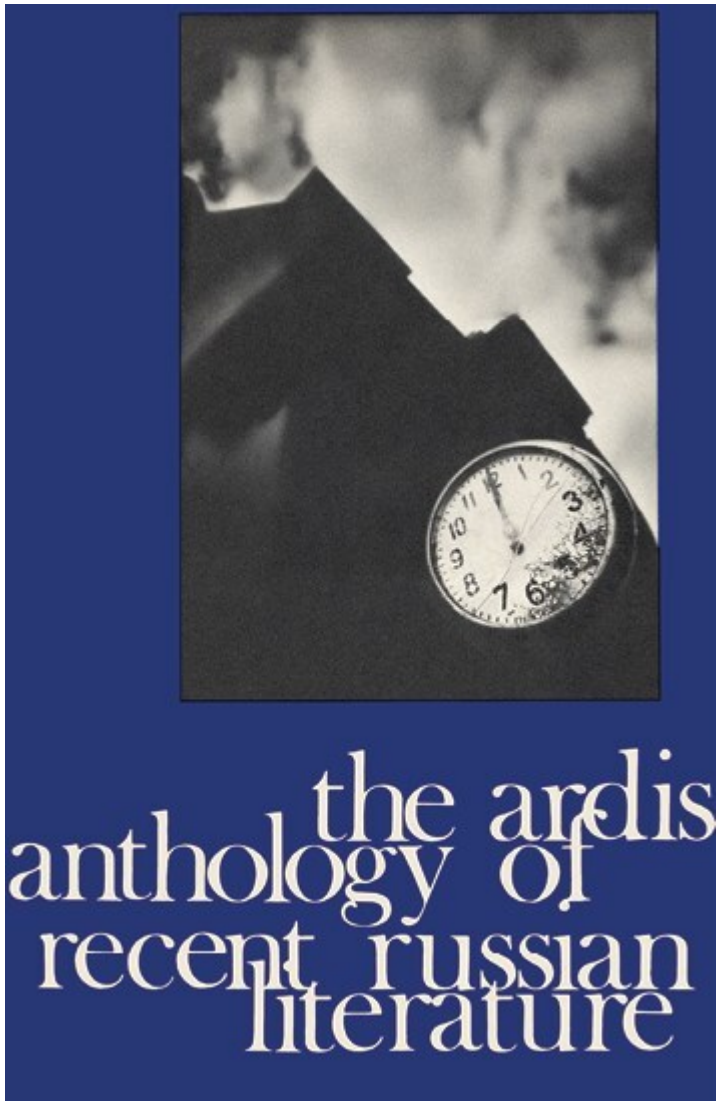
1974


A BOOK OF THINGS ABOUT VLADIMIR NABOKOV
NABOKO
V
Edited by Carl R. Proffer

1974



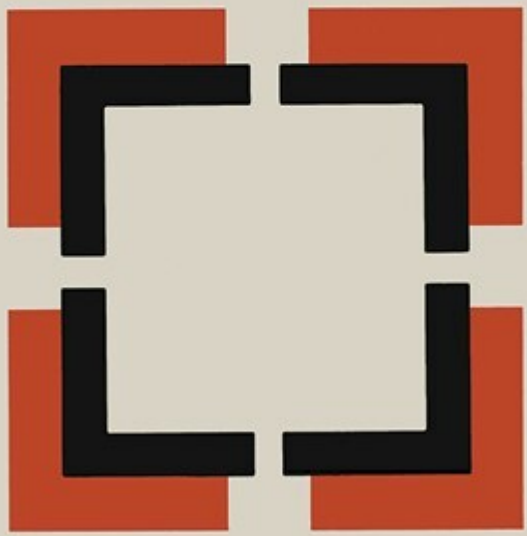
Carl Proffer and Ellendea Proffer.
The Silver Age of Russian Culture. 1975

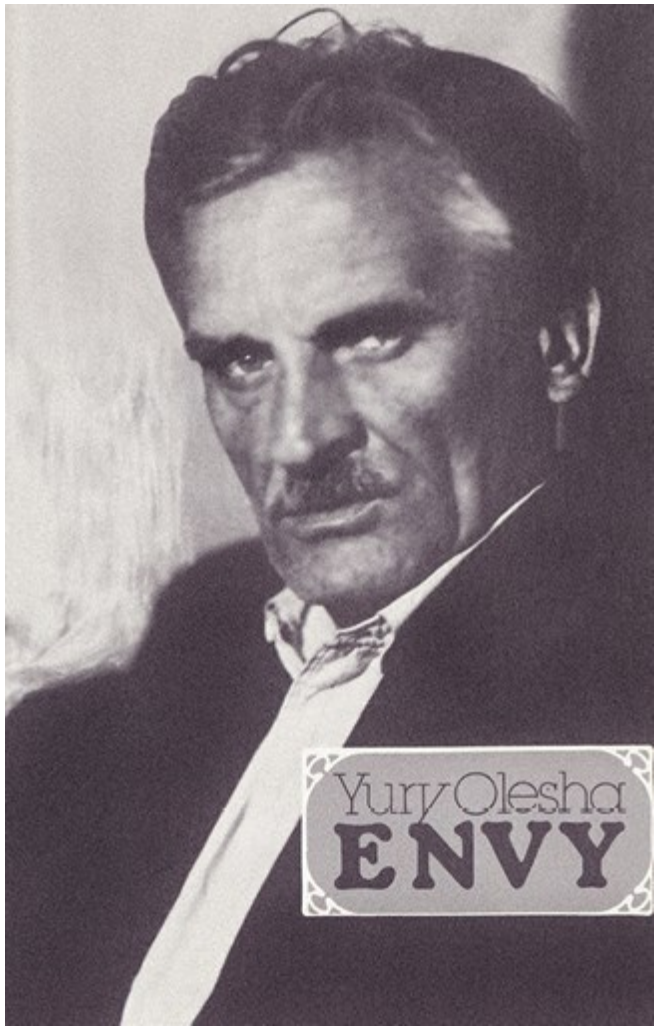


Carl Proffer and Ellendea Proffer.
The Ardis Anthology of Recent Russian Literature. 1975

David McKain

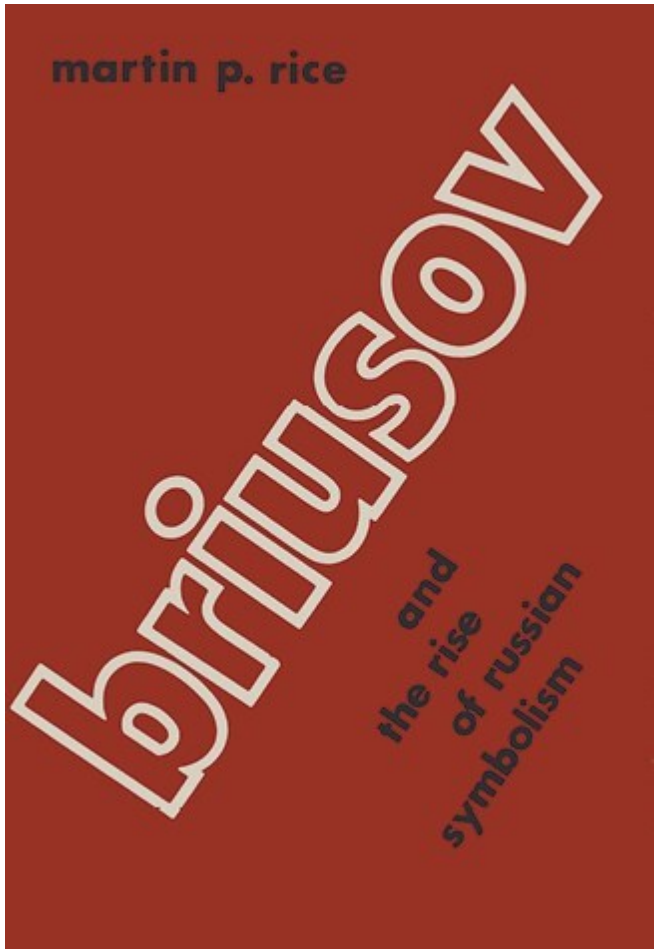
IN TOUCH





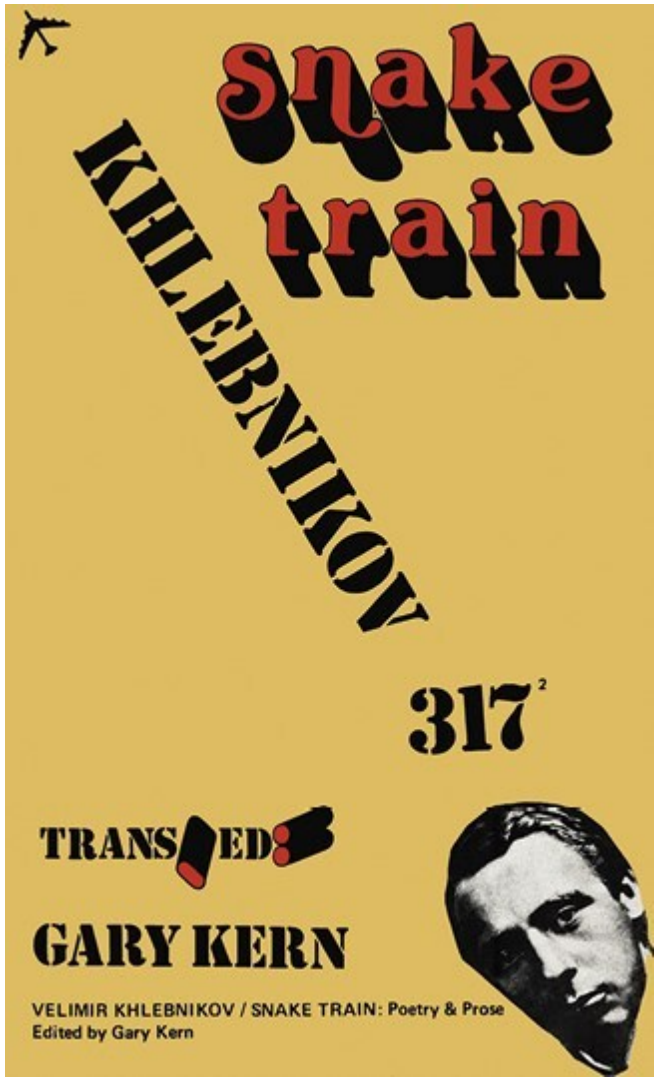
1975

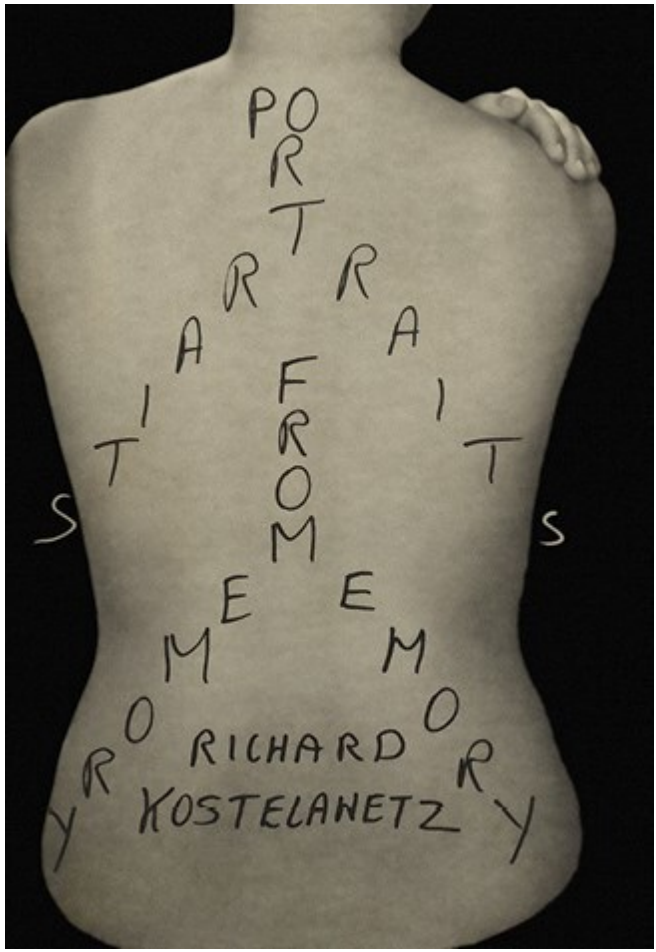
Л. КОПЕЛЕВ
ХРАНИТЬ ВЕЧНО

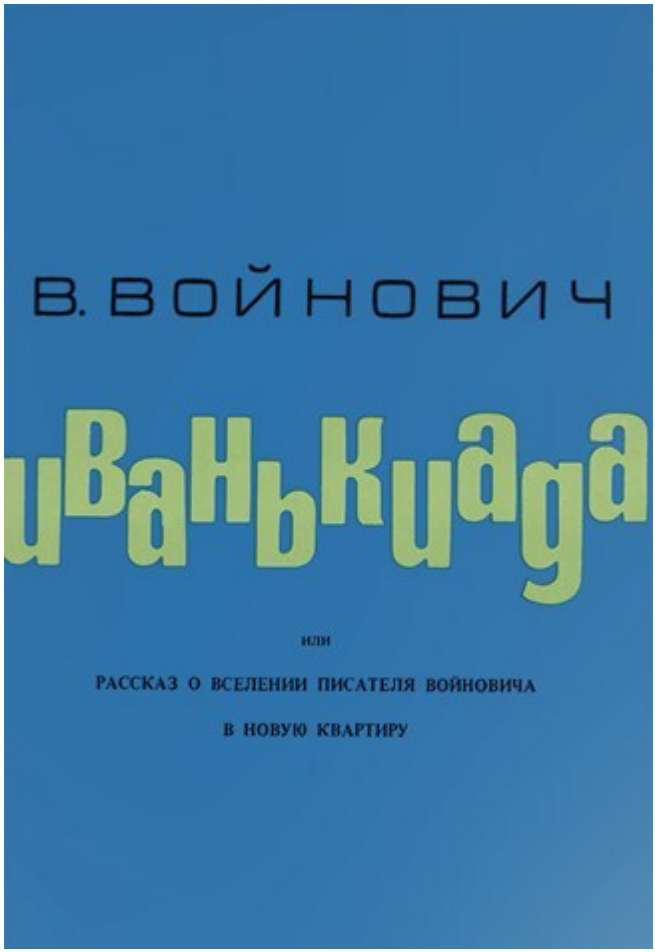


1975

Anna Akhmatova
Selected poems
EDITED AND WITH AN
INTRODUCTION BY
WALTER ARNDT
Translated by Walter Arndt,
Robin Kemball & Carl Proffer


snake train
KHLEBNIKOV
317²
TRANSLATED:
GARY KERN
VELIMIR KHLEBNIKOV / SNAKE TRAIN: Poetry & Prose
Edited by Gary Kern


PORTRAITS FROM MEMORY
RICHARD KOSTELANETZ

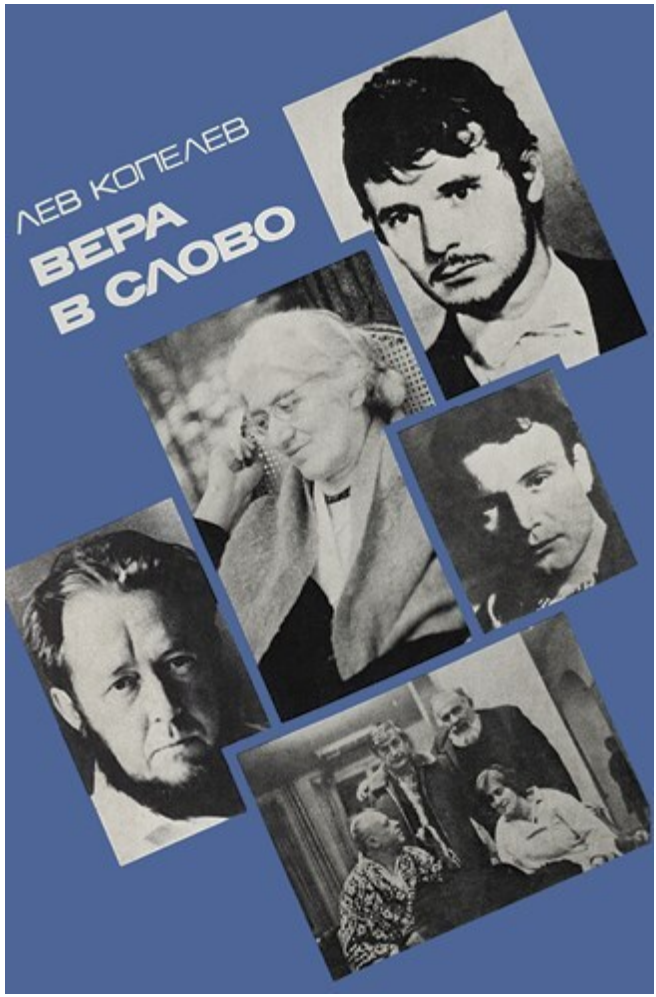

В. ВОЙНОВИЧ
ИВАНЬКИАДА
или
РАССКАЗ О ВСЕЛЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ВОЙНОВИЧА
В НОВУЮ КВАРТИРУ

1976

ИОСИФ БРОДСКИЙ

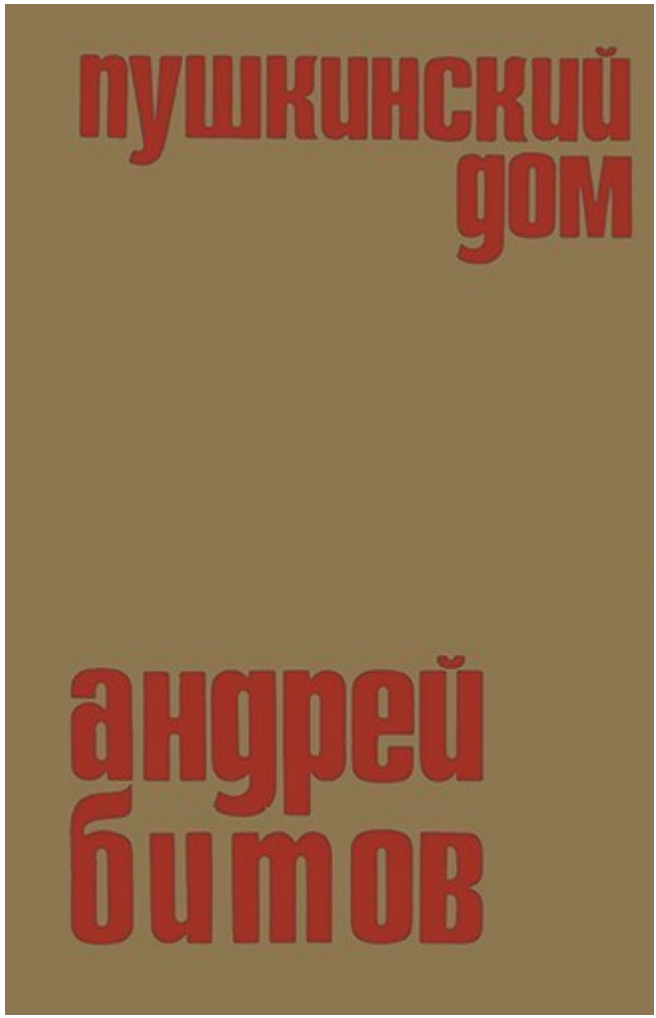
ЧАСТЬ РЕЧИ

ардис


ЛЕВ КОПЕЛЕВ
ВЕРА
В СЛОВО

ЗАВИСТЬ
РОМАН
Юрий Олеша

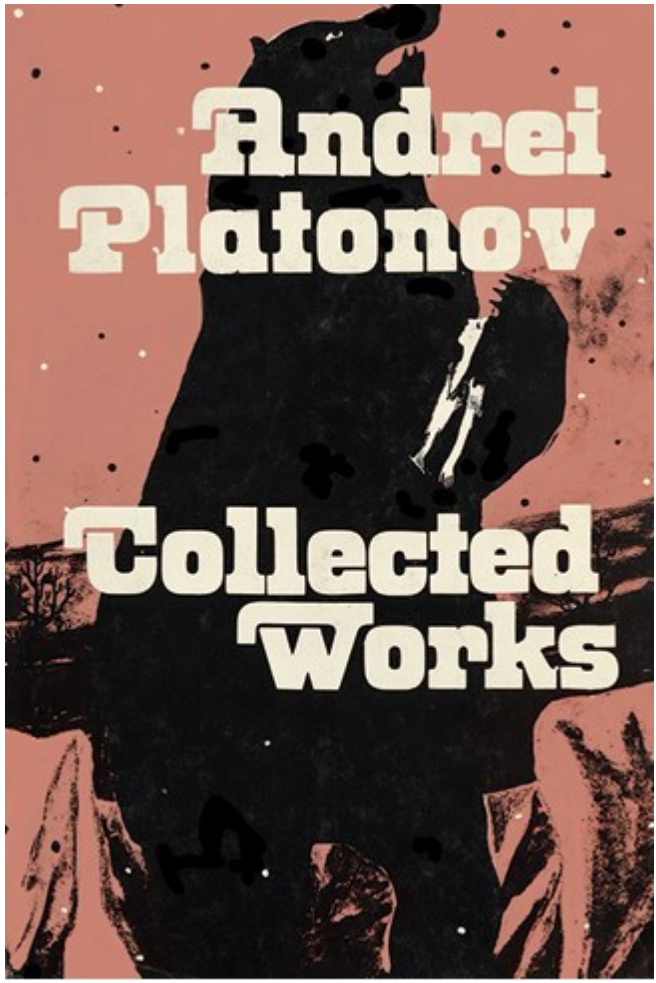
1977

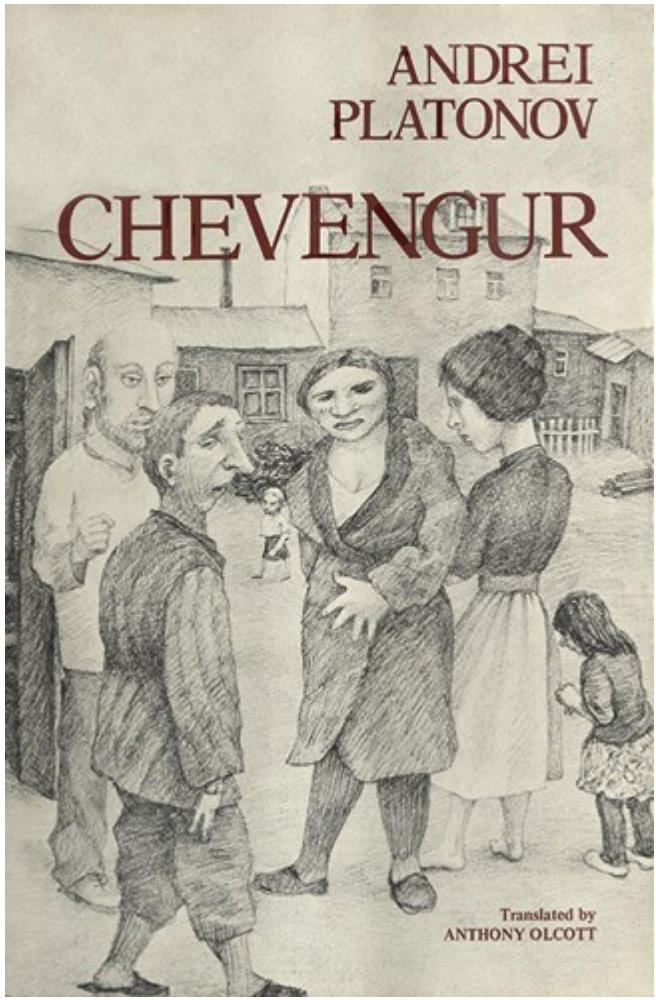

пушкинский
дом
андрей
битов

Trans/Ed
Nicholas Stroud

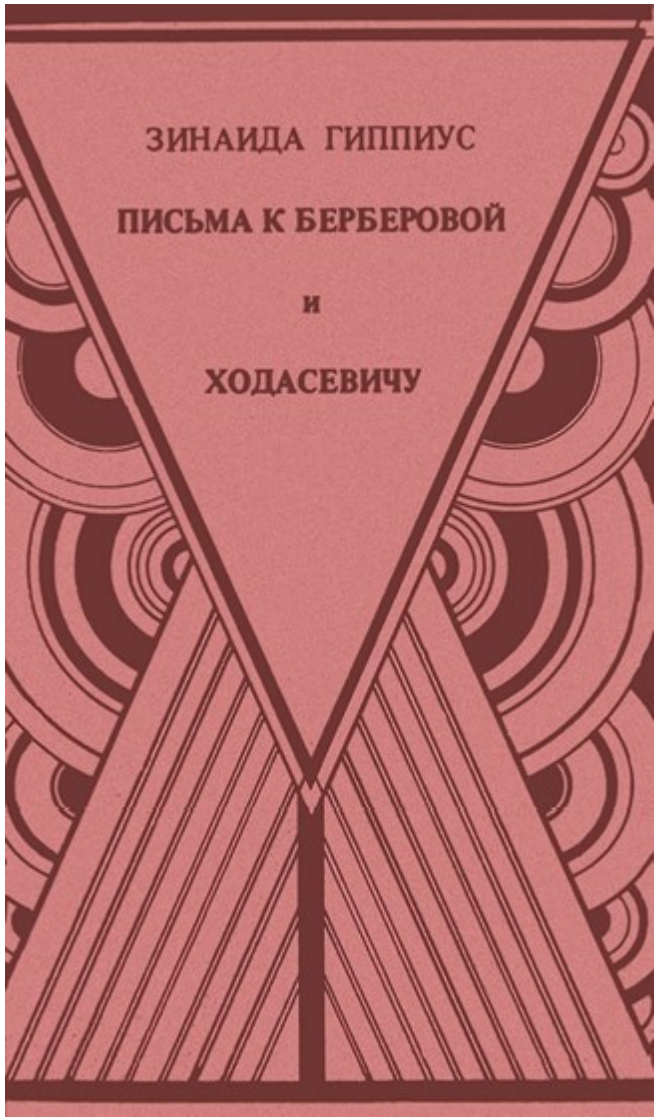
ISAAC BABEL

FORGOTTEN PROSE


Andrei
Platonov
Collected
Works



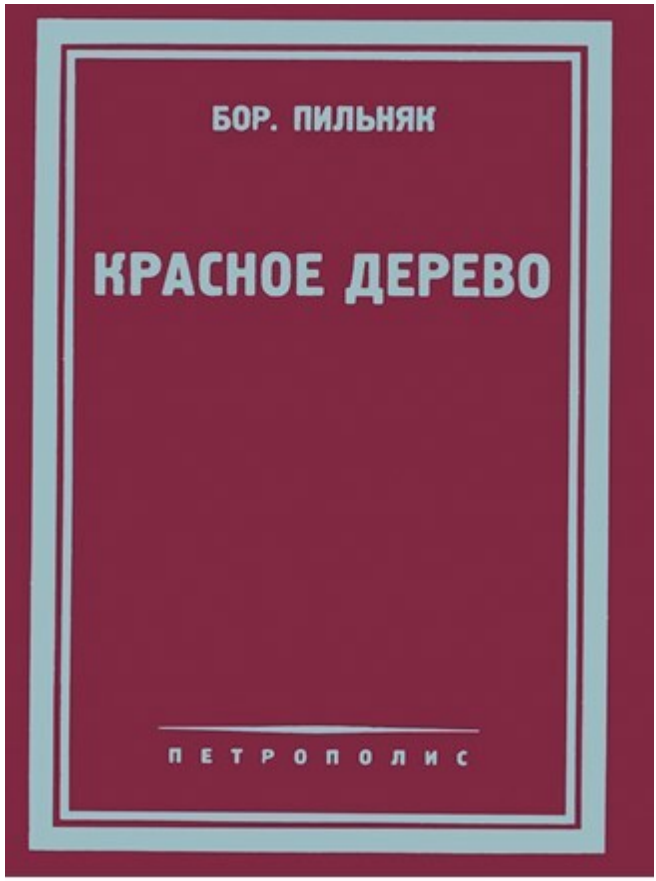
1978



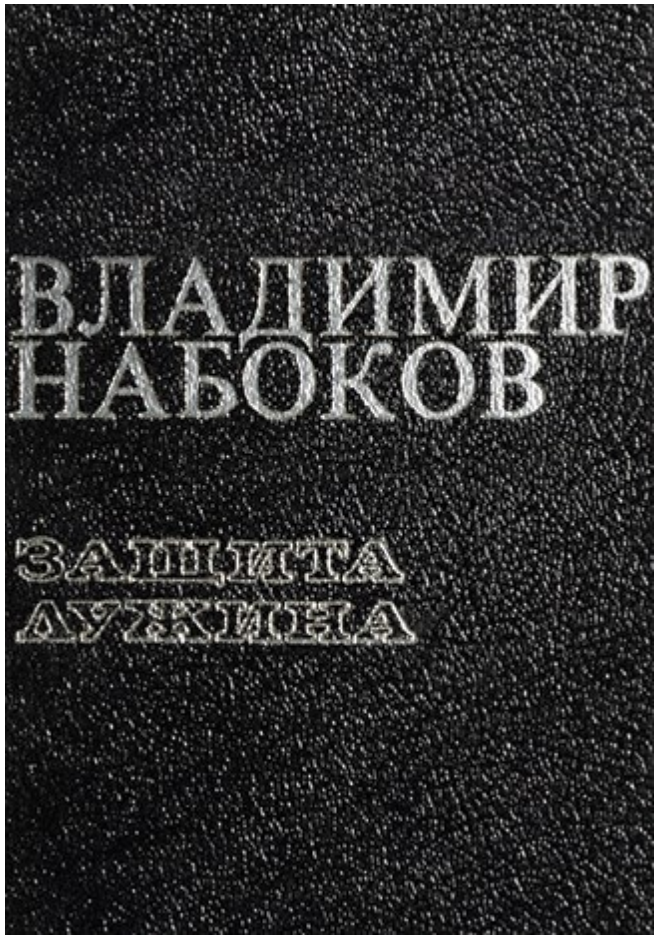
1978

1979

МЕТРОПОЛЬ

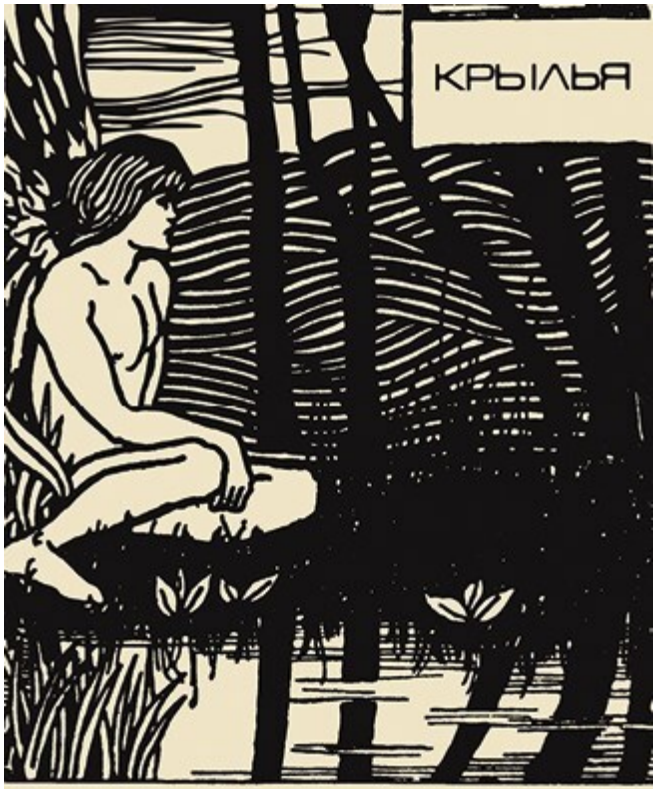


1979

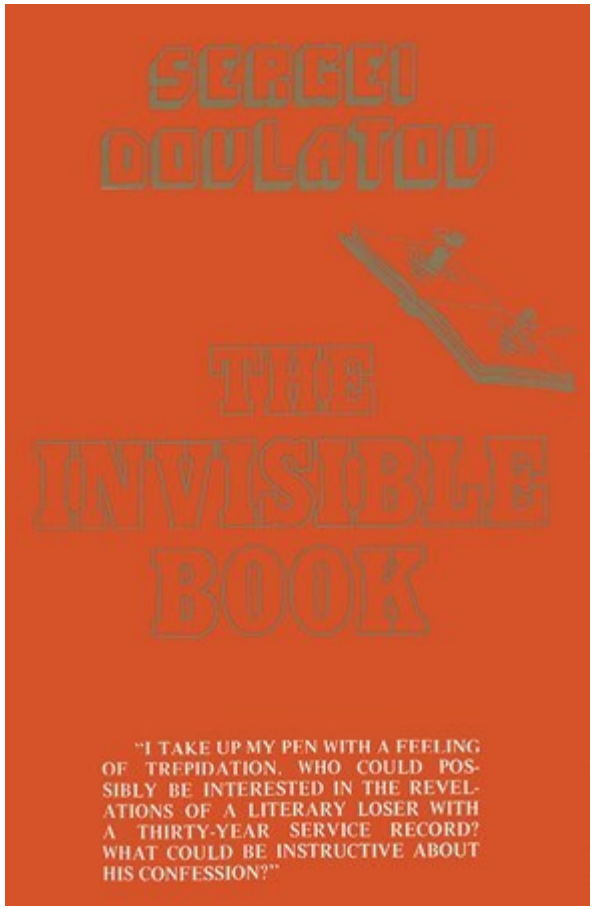

ВЛАДИМИР
НАБОКОВ
ЗАЩИТА
ЛУЖИНА

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

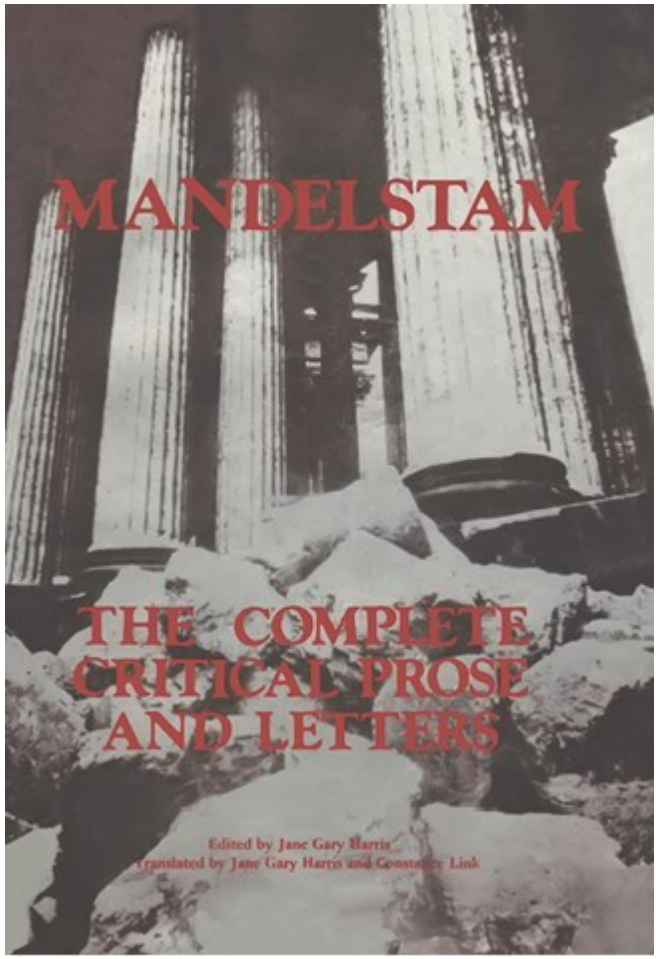
ПРИГЛА-ШЕНИЕ НА КАЗНЬ



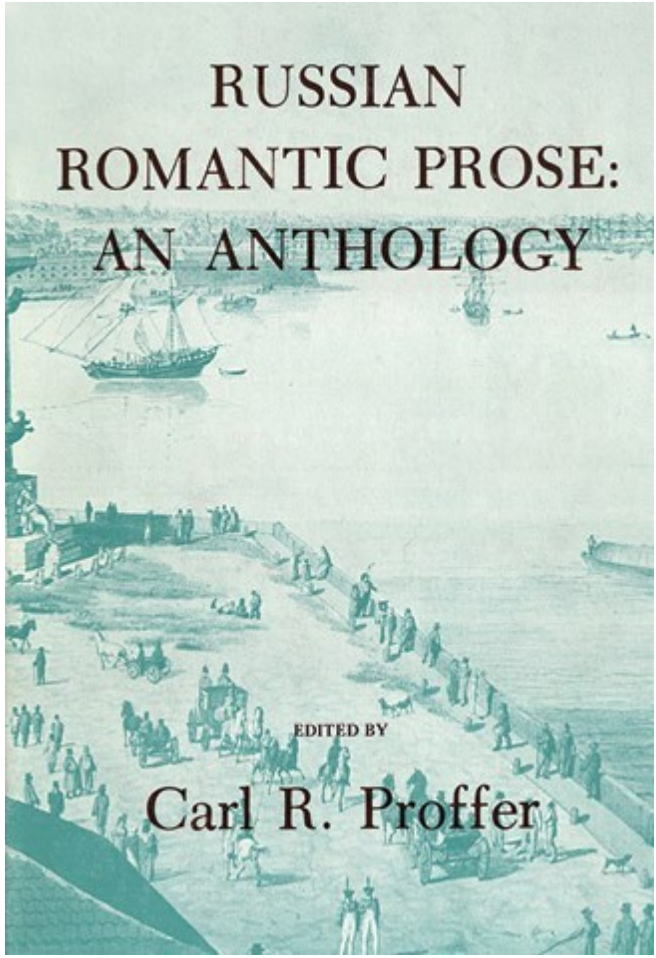
М. КУЗМИН


SERGEI
DOVLATOV
THE
INVISIBLE
BOOK
"I TAKE UP MY PEN WITH A FEELING OF TREPIDATION. WHO COULD POSSIBLY BE INTERESTED IN THE REVELATIONS OF A LITERARY LOSER WITH A THIRTY-YEAR SERVICE RECORD? WHAT COULD BE INSTRUCTIVE ABOUT HIS CONFESSION?"

1979


MANDELSTAM
THE COMPLETE CRITICAL PROSE AND LETTERS
Edited by Jane Gary Harris
Translated by Jane Gary Harris and Constance Link

RUSSIAN ROMANTIC PROSE: AN ANTHOLOGY

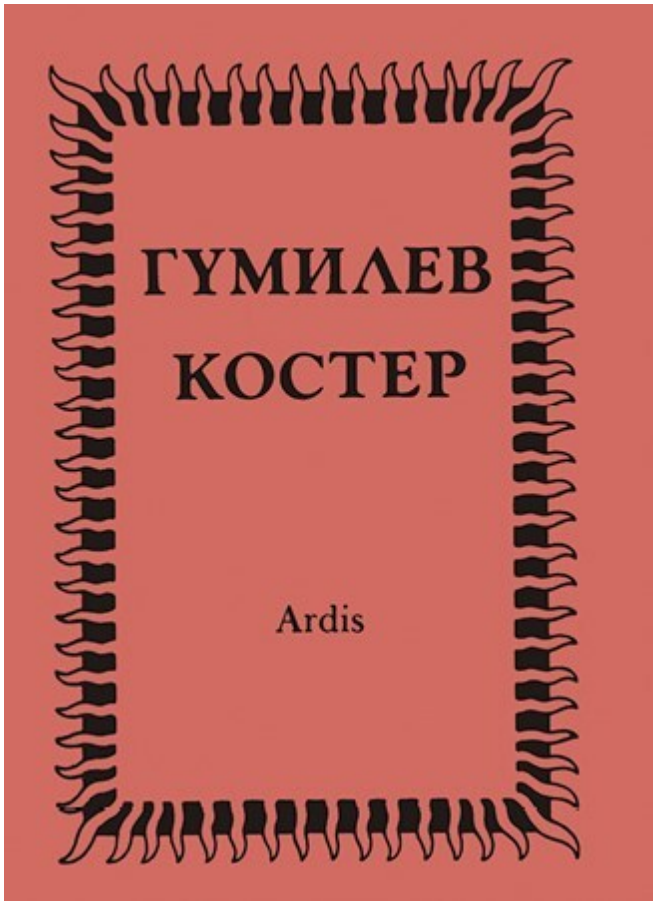


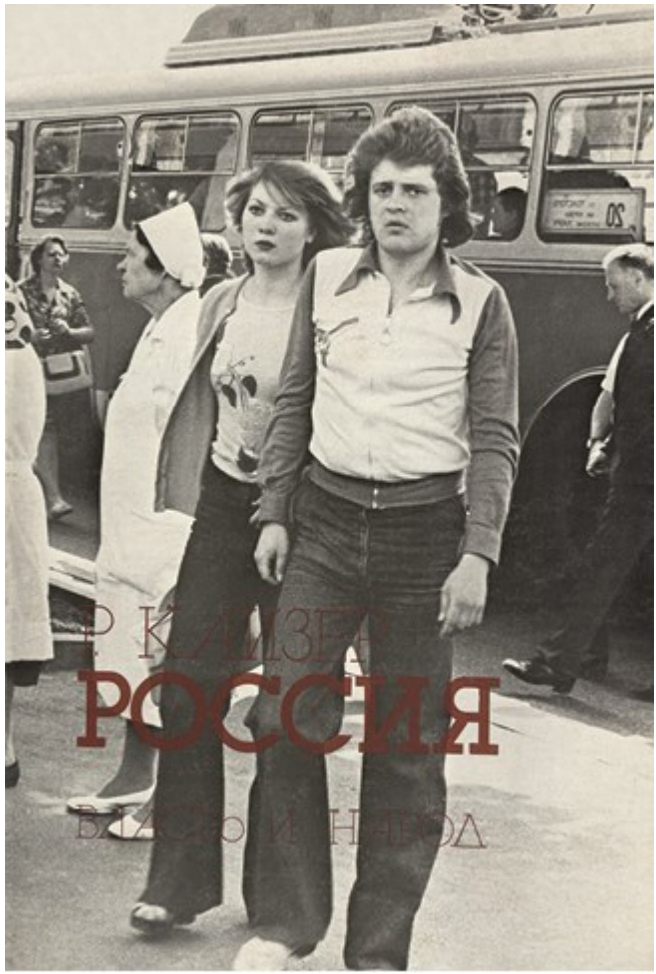
EDITED BY

Carl R. Proffer

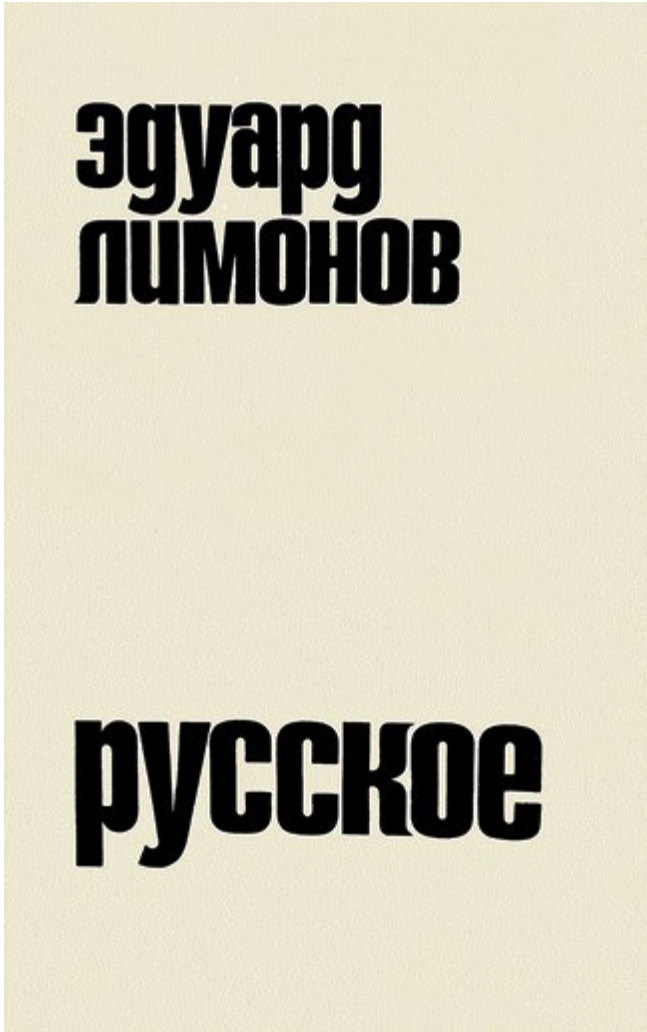
GURO
BRIK
MAYAKOVSKY
the erdis anthology of
RUSSIAN
FUTURISM
BURLYUK
ZAMYATIN
PASTERNAK
MEYERHOLD
KHLEBNIKOV
KRUCHENYKH

1979


ГУМИЛЕВ
КОСТЕР
Ardis

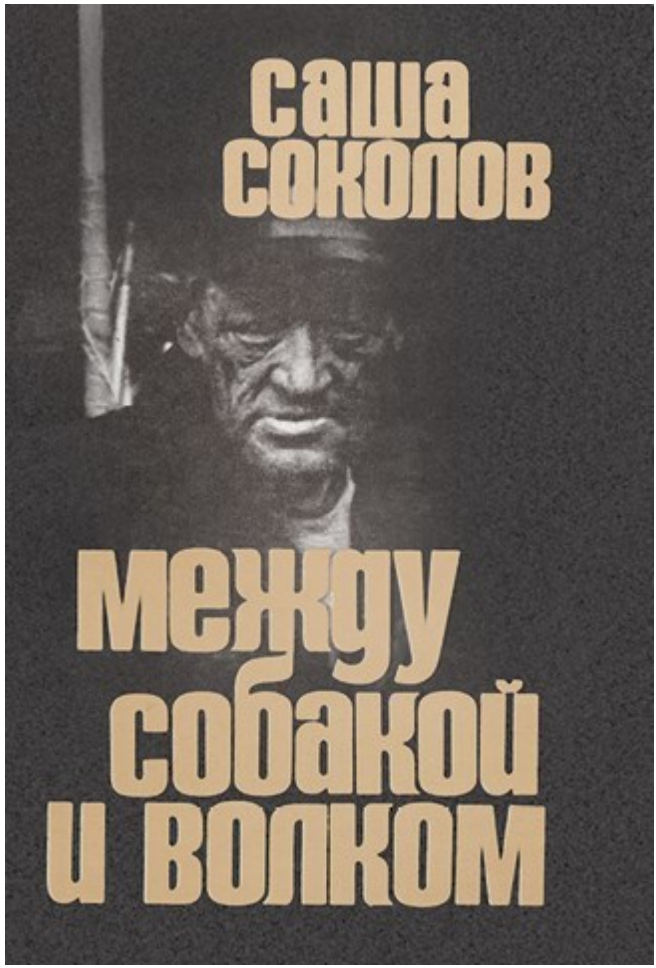


1979



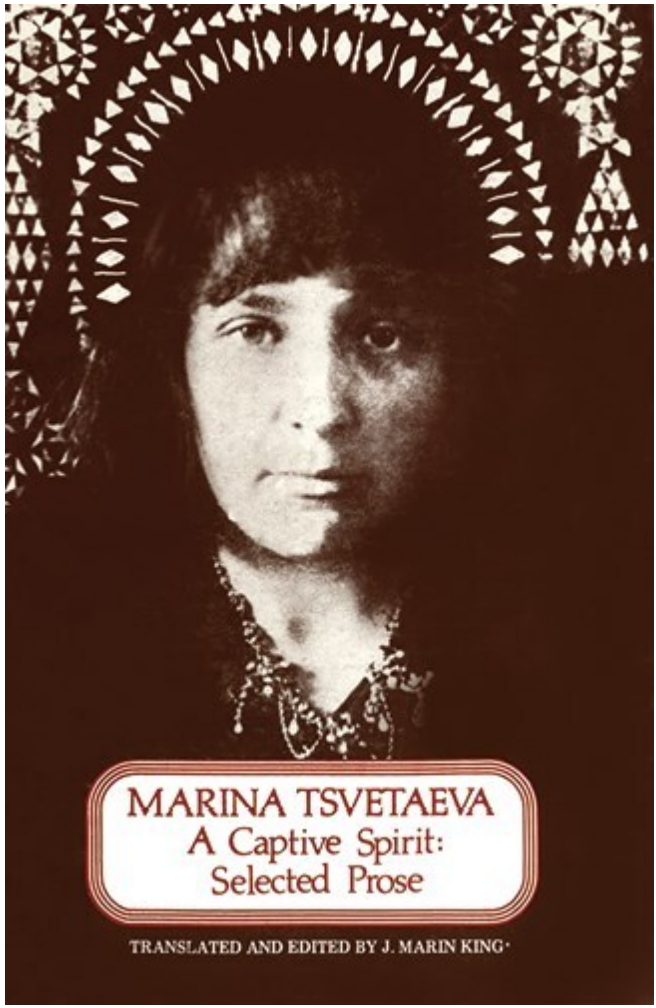
1979

1980

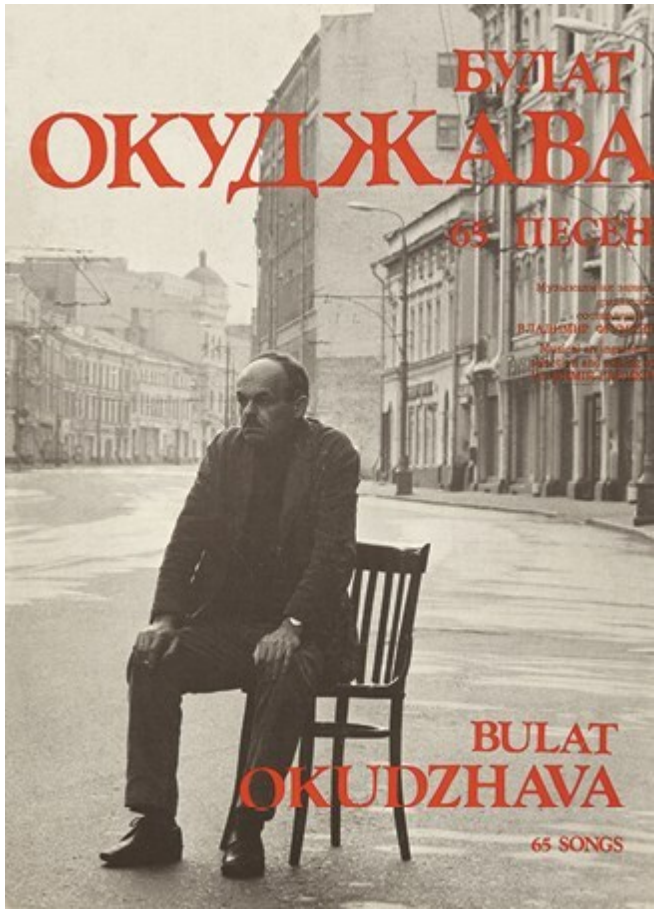

саша
соколов
между
собакой
и волком

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ


MARINA TSVETAEVA
A Captive Spirit:
Selected Prose
TRANSLATED AND EDITED BY J. MARIN KING

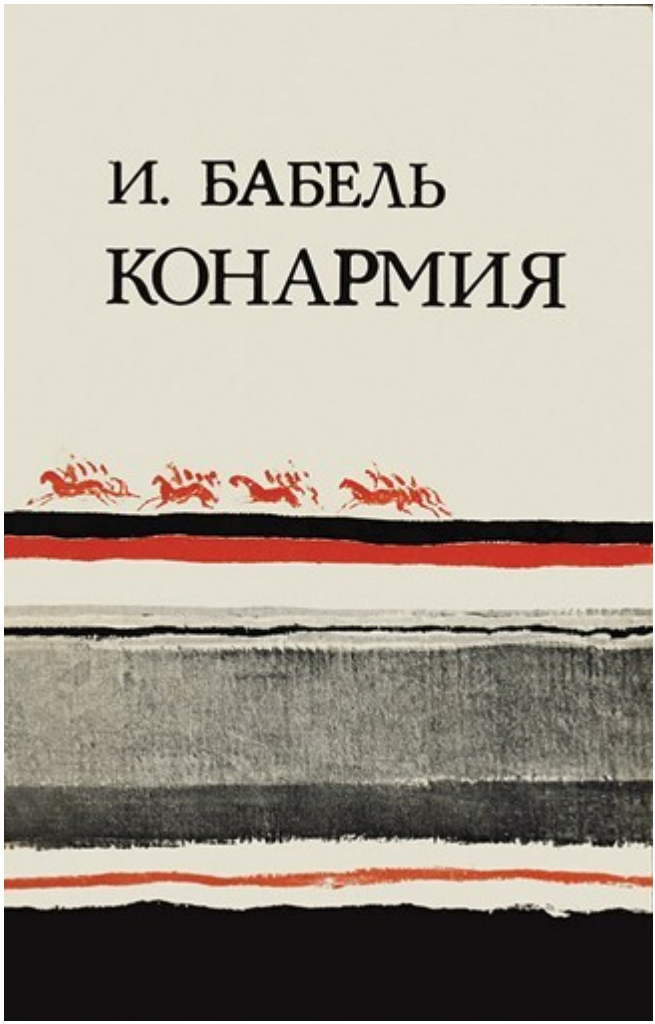
1980

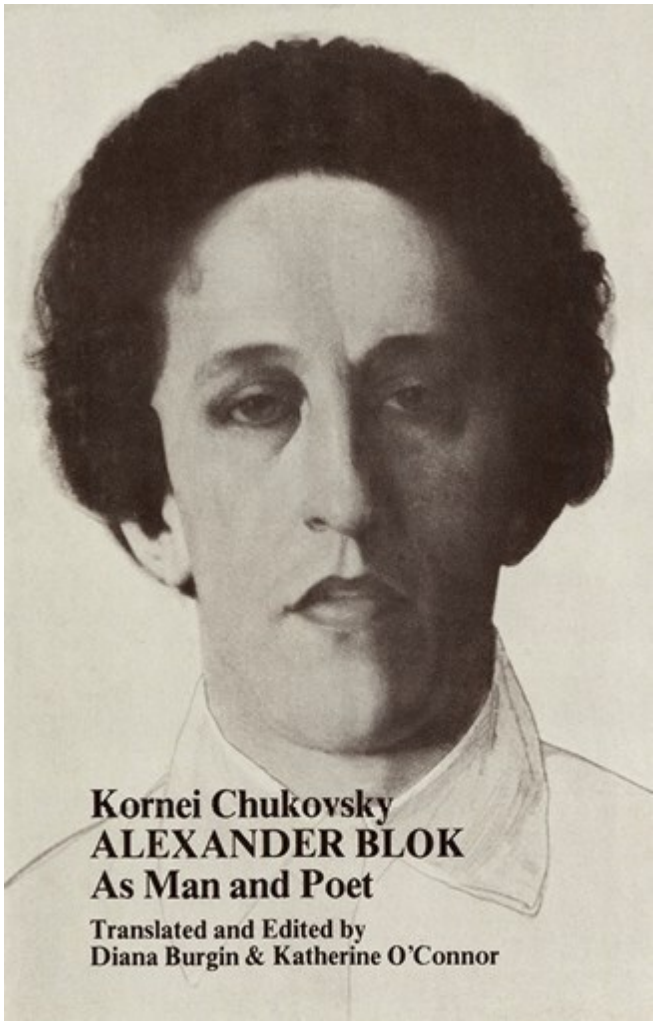

БУЛАТ
ОКУДЖАВА
65 ПЕСЕН
BULAT
OKUDZHAVA
65 SONGS

1980

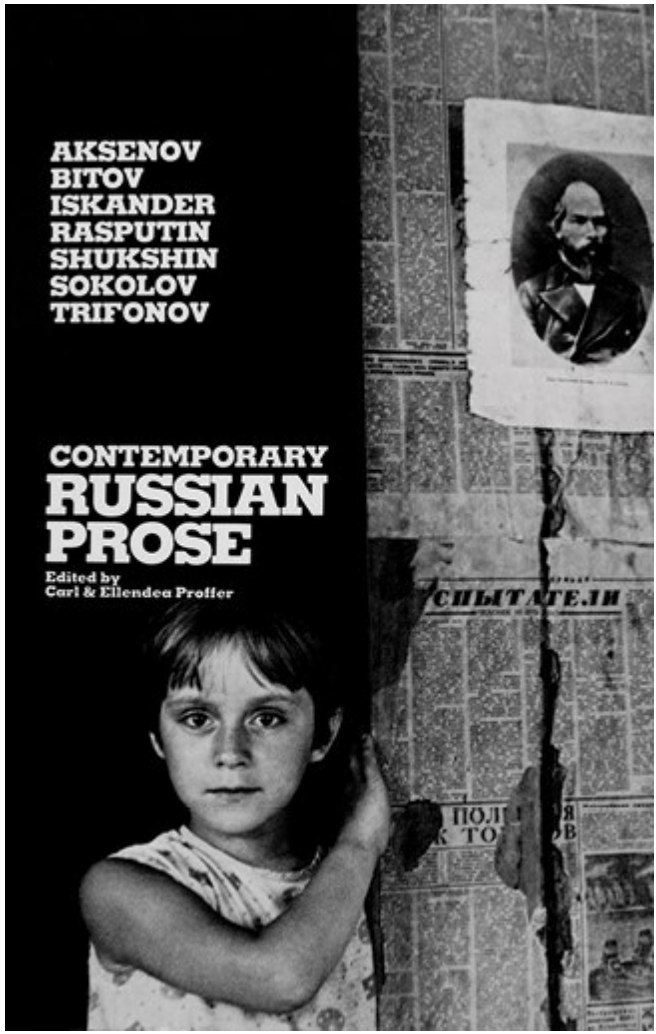
И. БАБЕЛЬ

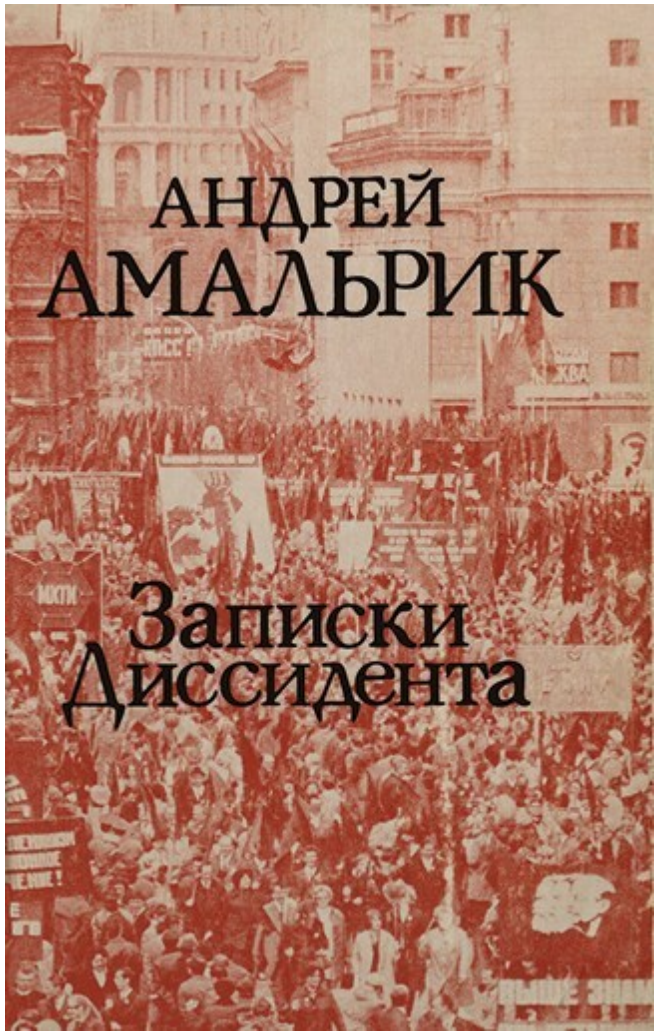
КОНАРМИЯ




Kornei Chukovsky
ALEXANDER BLOK
As Man and Poet
Translated and Edited by
Diana Burgin & Katherine O'Connor

1982

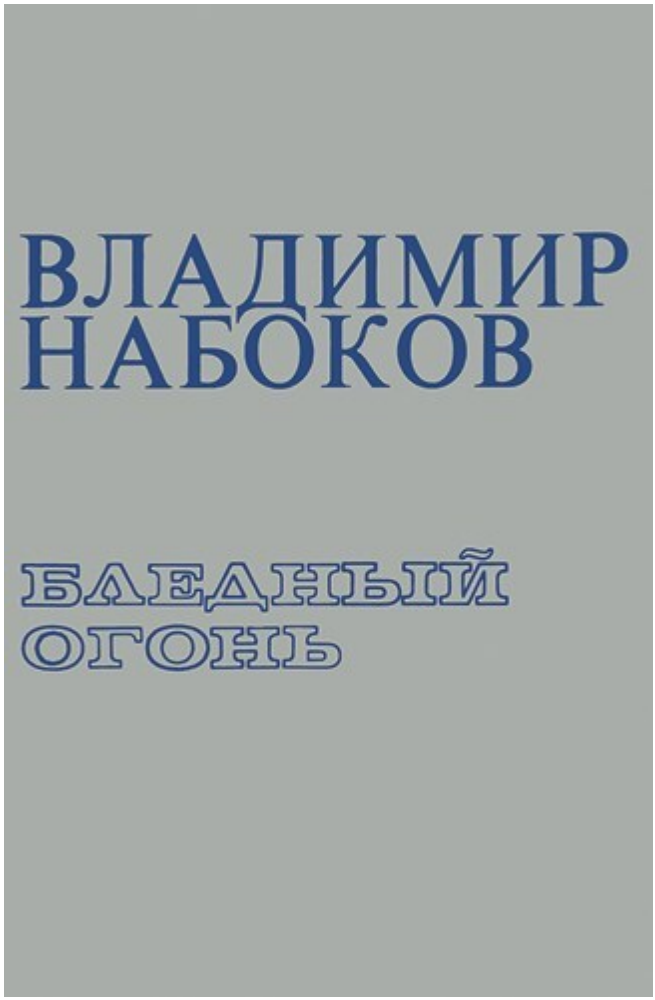

AKSENOV
BITOV
ISKANDER
RASPUTIN
SHUKSHIN
SOKOLOV
TRIFONOV
CONTEMPORARY
RUSSIAN
PROSE
Edited by
Carl & Ellendea Proffer



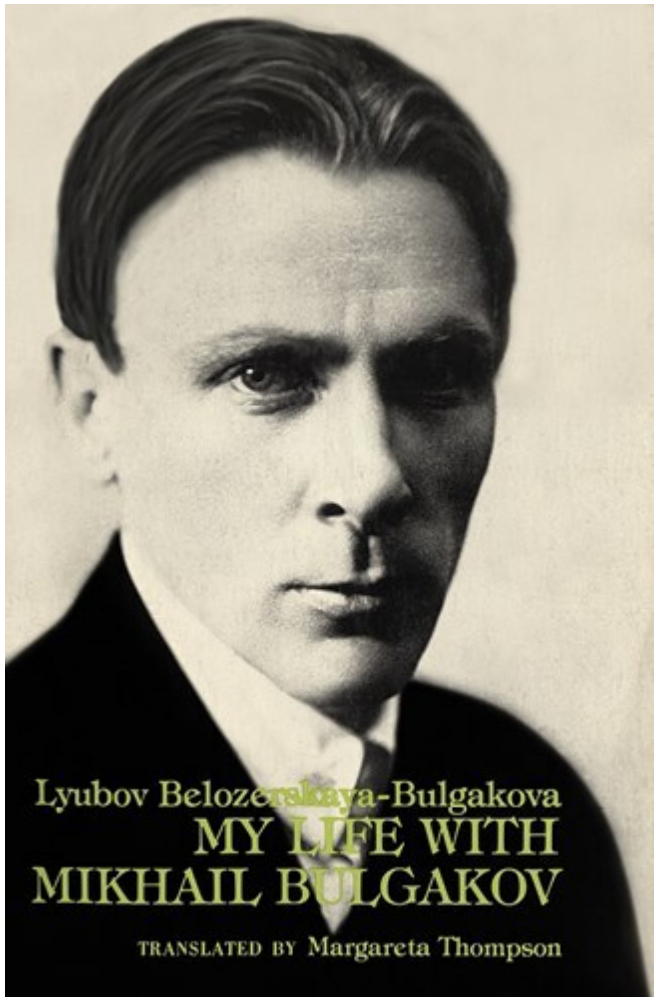
1982

О. Мандельштам

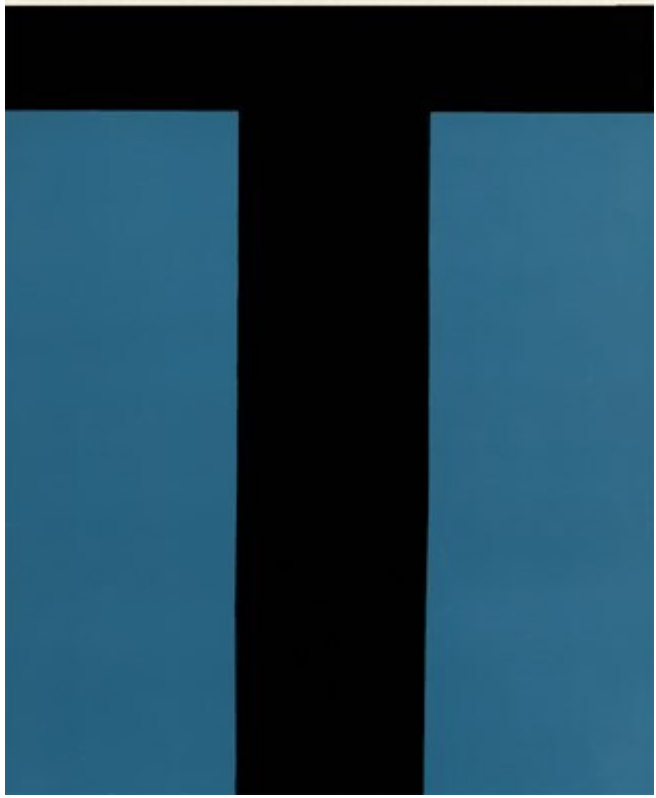
РАЗГОВОР О ДАНТЕ

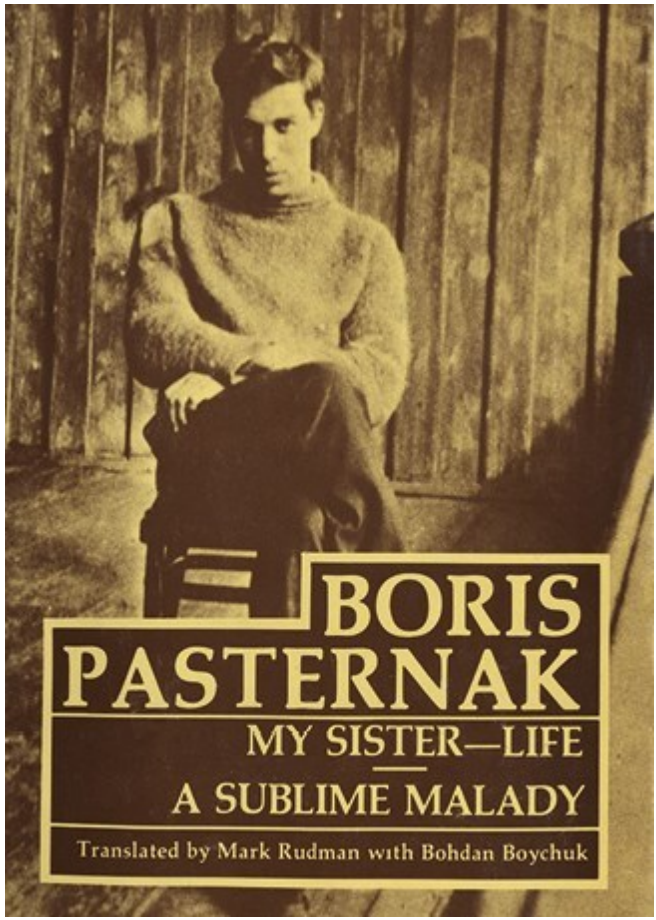


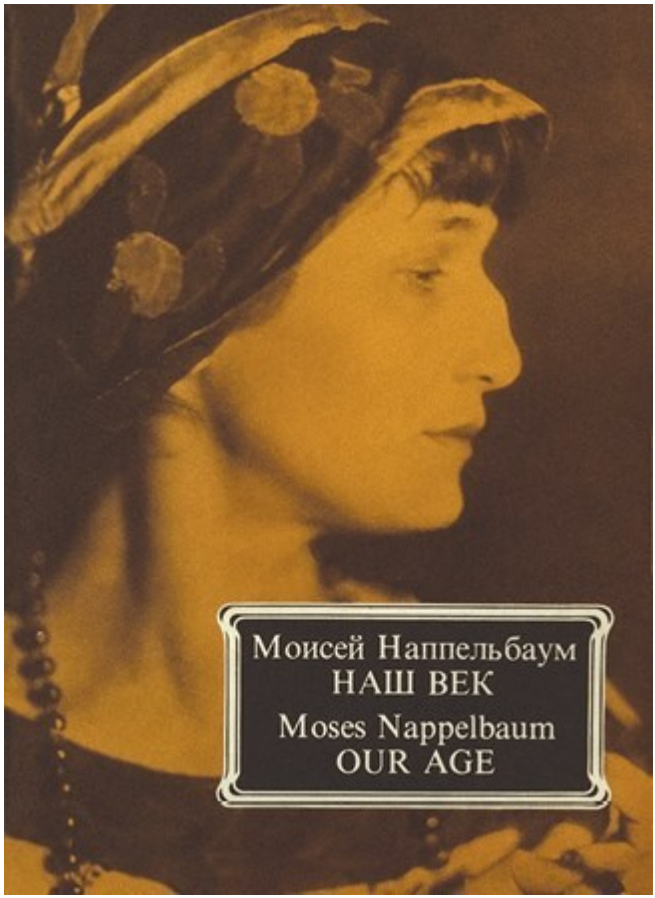
1983


Lyubov Belozerskaya-Bulgakova
MY LIFE WITH
MIKHAIL BULGAKOV
TRANSLATED BY Margareta Thompson

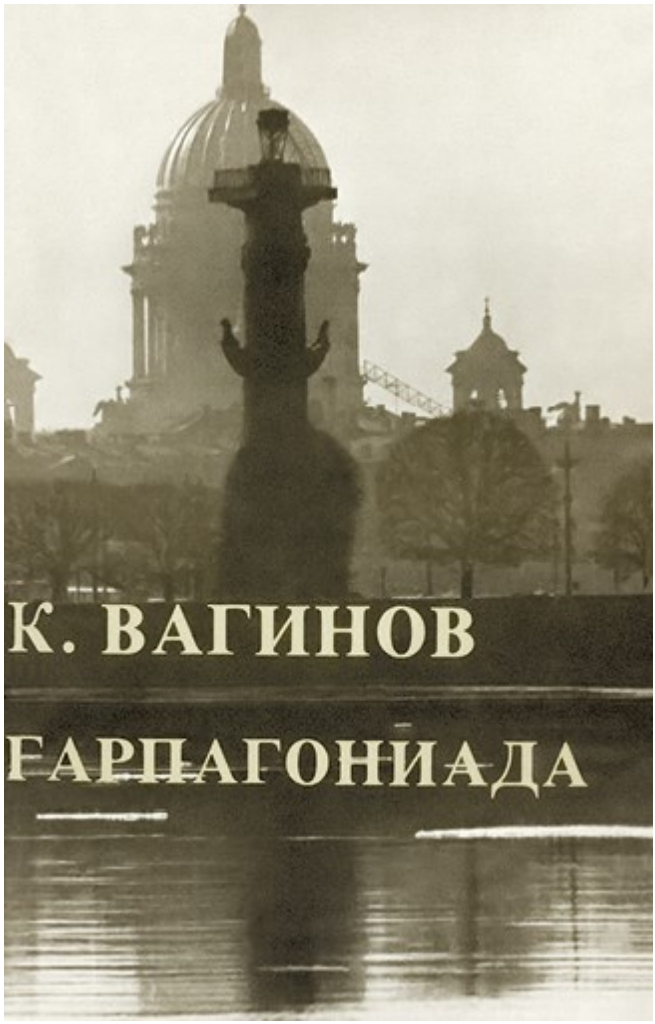
The Political Poetry and Ideology of F. I. TIUTCHEV by Roger Conant

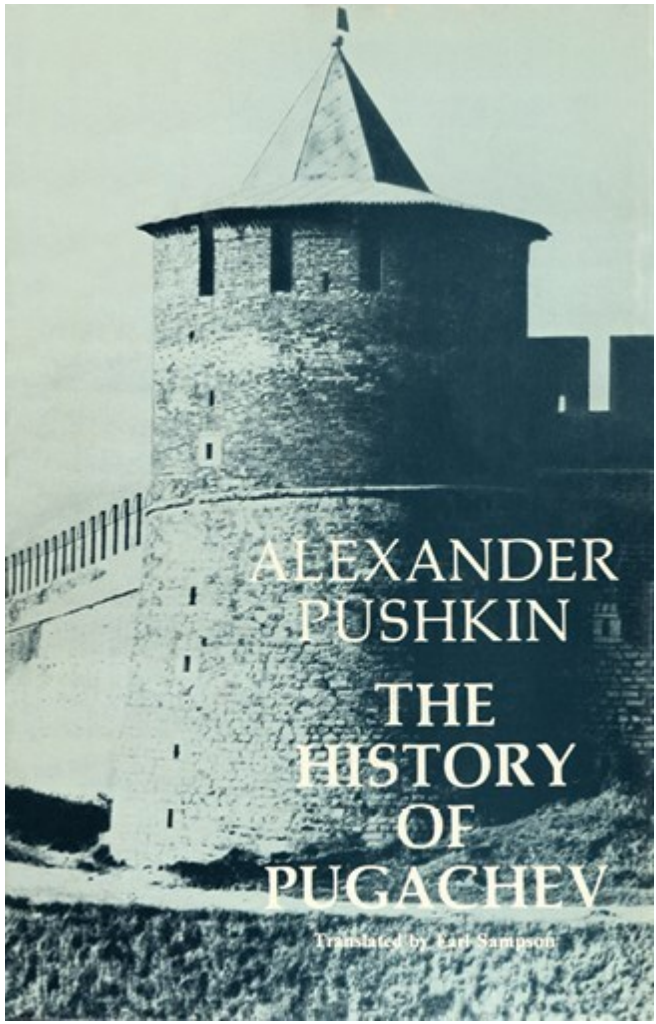



BORIS
PASTERNAK
MY SISTER—LIFE
A SUBLIME MALADY
Translated by Mark Rudman with Bohdan Boychuk



1983

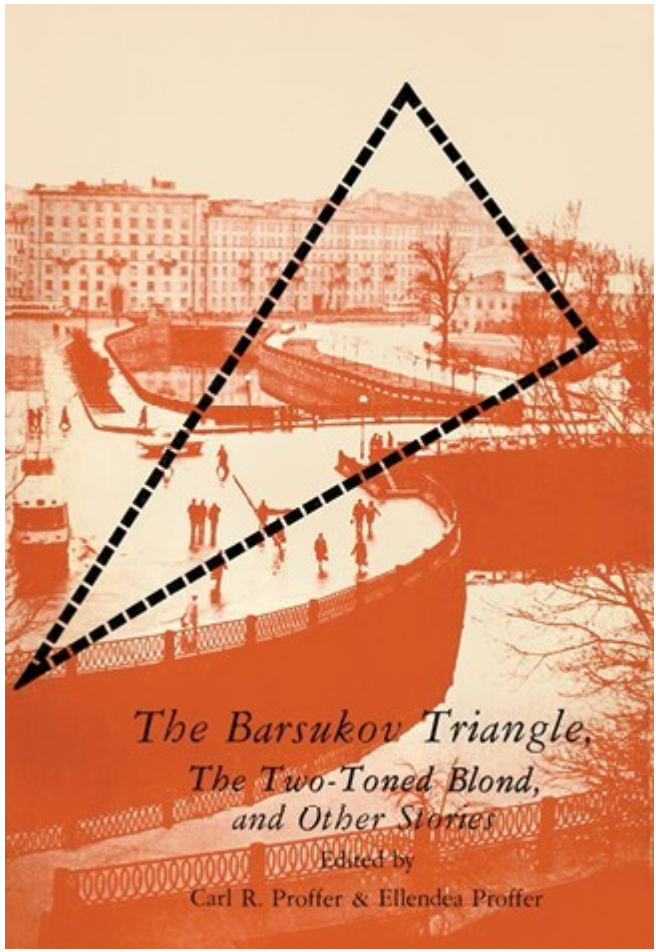

К. ВАГИНОВ
ГАРПАГОНИАДА


ALEXANDER
PUSHKIN
THE
HISTORY
OF
PUGACHEV
Translated by Earl Sampson

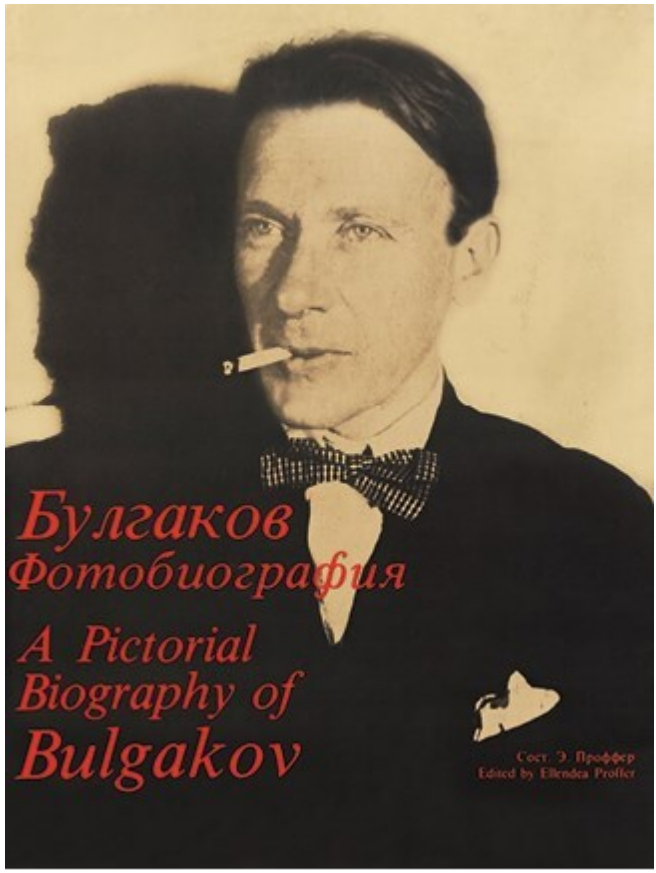
1983

Бахыт Кенжеев

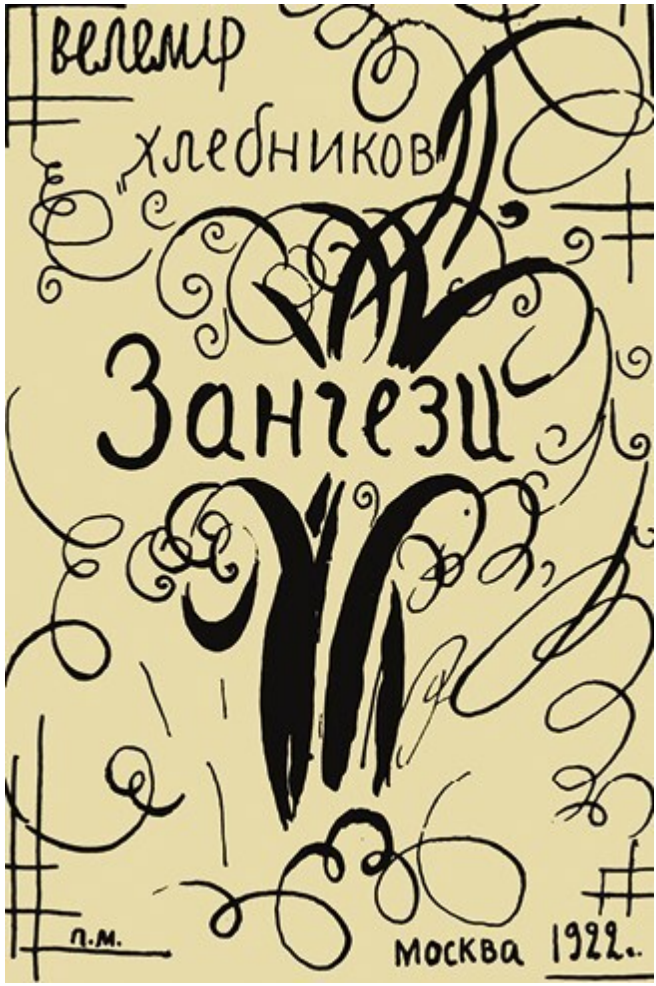
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА 1970-1981


The Barsukov Triangle,
The Two-Toned Blond,
and Other Stories
Edited by
Carl R. Proffer & Ellendea Proffer

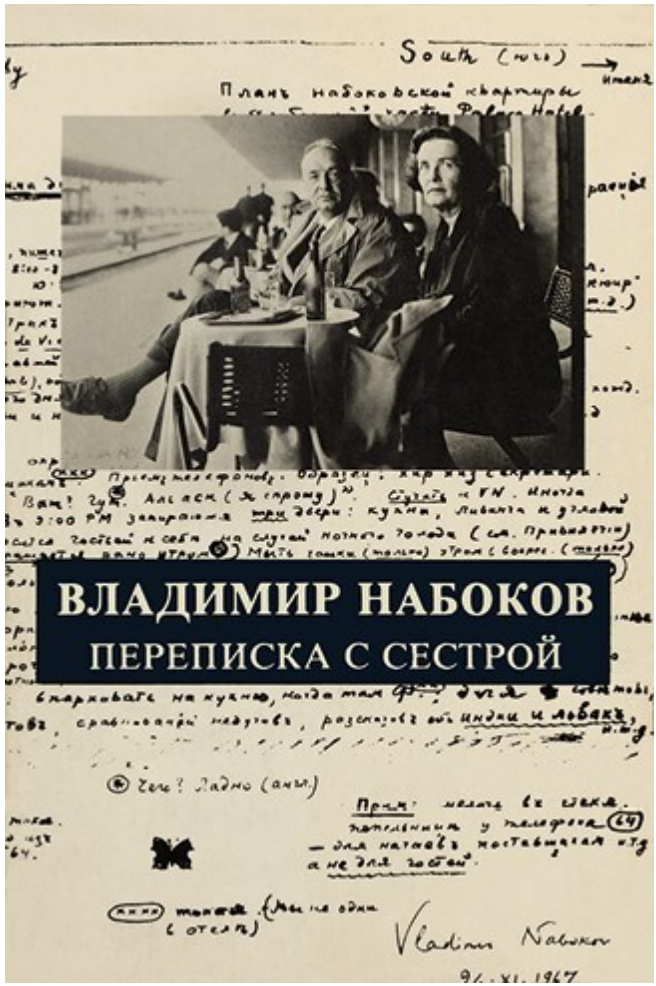
1984


Булгаков
Фотобиография
A Pictorial
Biography of
Bulgakov
Сост. Э. Проффер
Edited by Ellendea Proffer

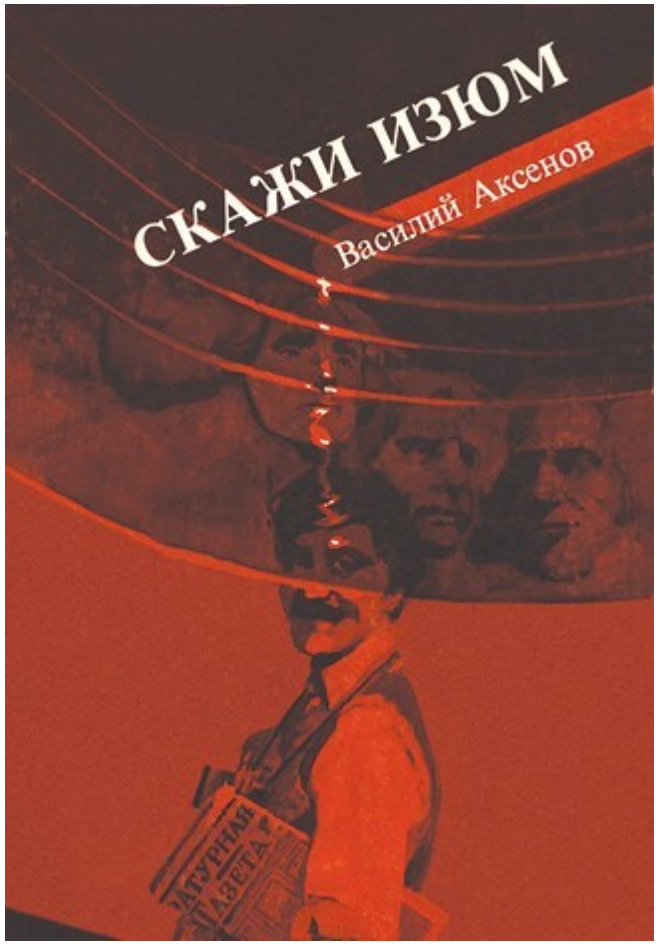
1984



1984


South (юг)
План набоковской квартиры
ВЛАДИМИР НАБОКОВ
ПЕРЕПИСКА С СЕСТРОЙ
Vladimir Nabokov

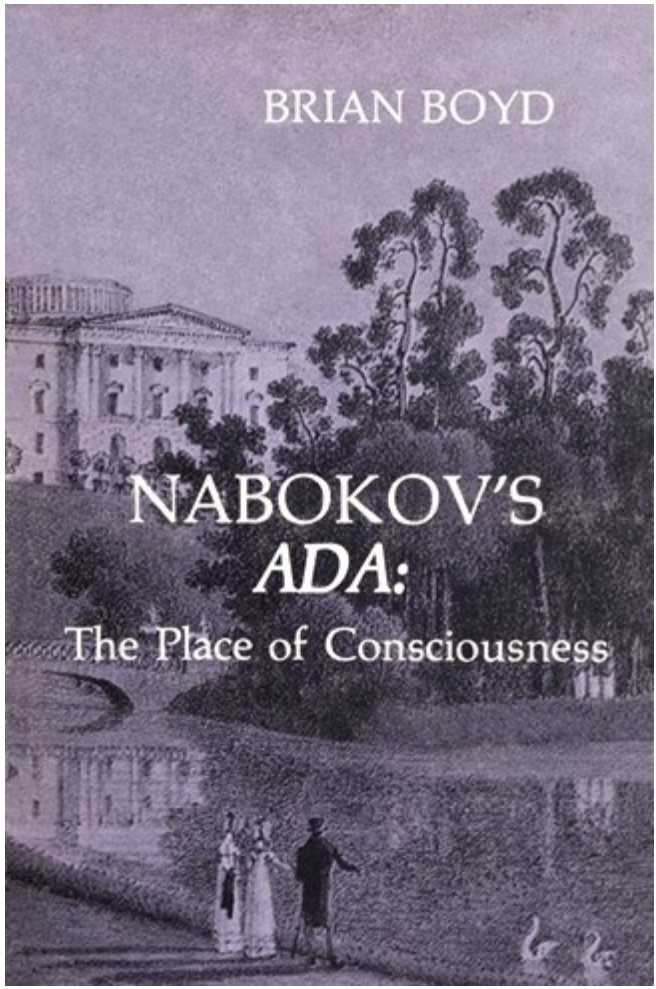
1985


СКАЖИ ИЗЮМ
Василий Аксенов

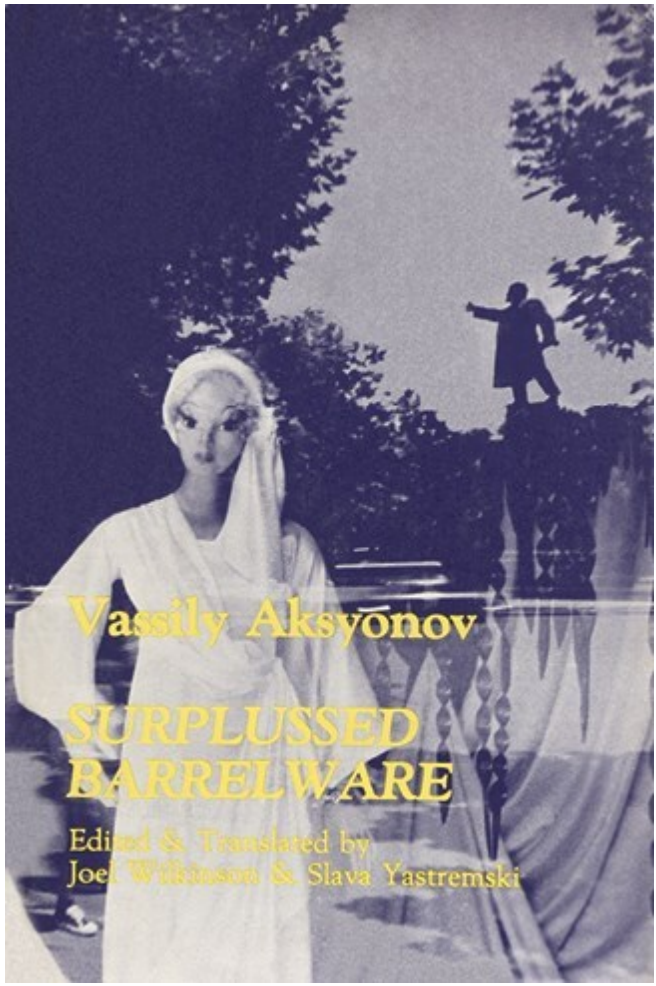
ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ
ЖИЗНЬ И НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛДАТА ИВАНА ЧОНКИНА
ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ

Раиса Орлова

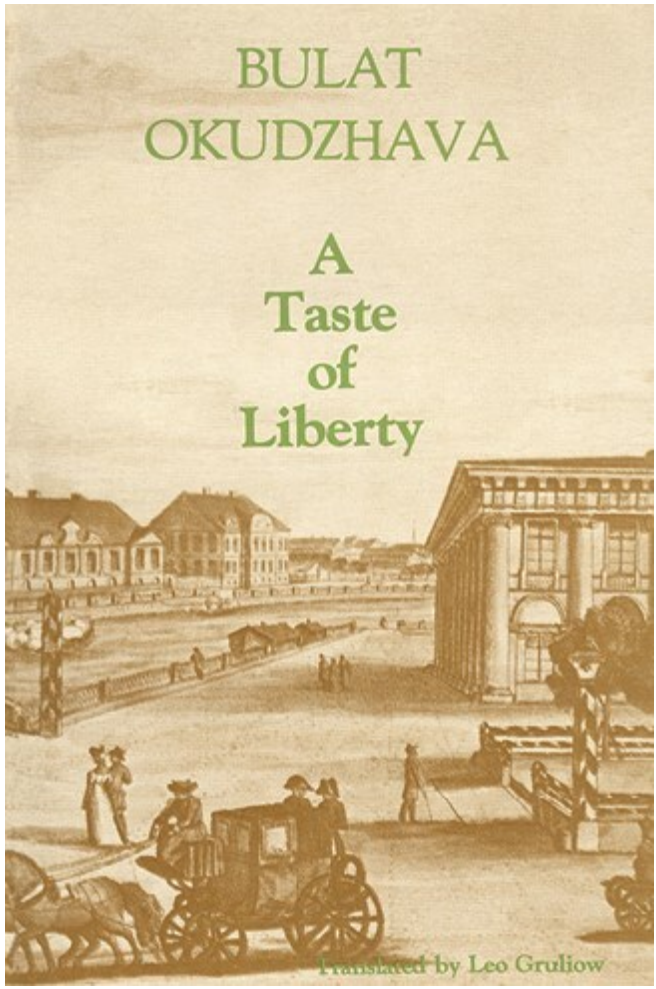
ХЕМИНГУЭЙ В РОССИИ



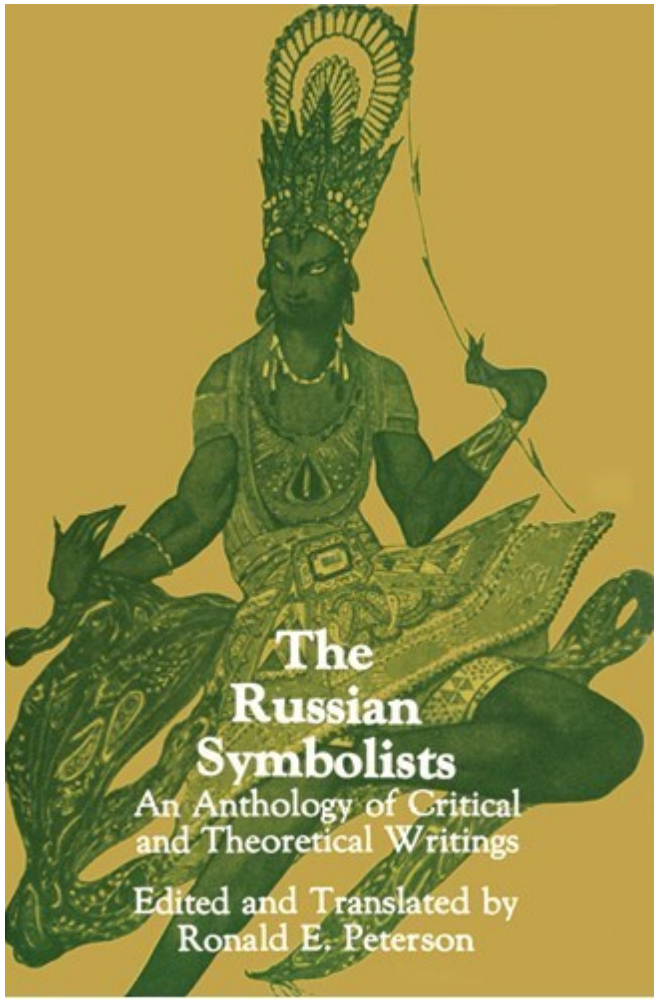
1985

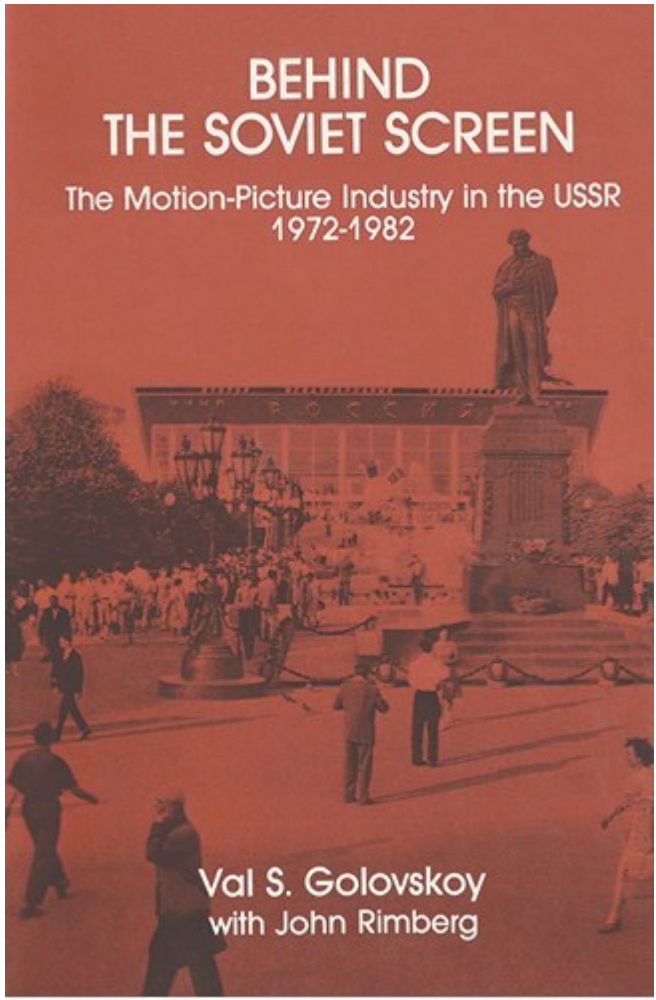

Vassily Aksyonov
SURPLUSSED BARRELWARE
Edited & Translated by
Joel Wilkinson & Slava Yastremski

1985

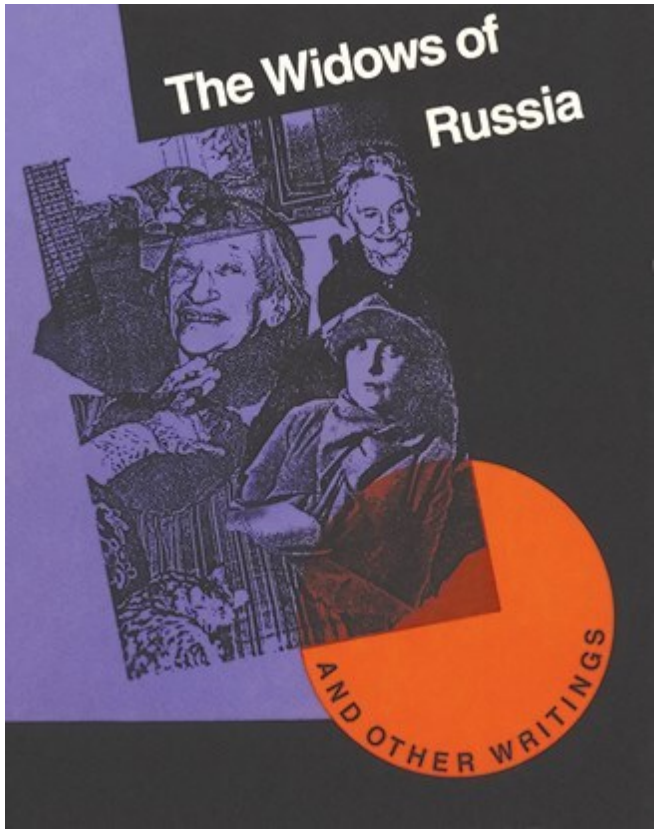

BULAT
OKUDZHAVA
A
Taste
of
Liberty
Translated by Leo Gruliow

1986


The
Russian
Symbolists
An Anthology of Critical
and Theoretical Writings
Edited and Translated by
Ronald E. Peterson


BEHIND
THE SOVIET SCREEN
The Motion-Picture Industry in the USSR
1972-1982
Val S. Golovskoy
with John Rimberg

1986

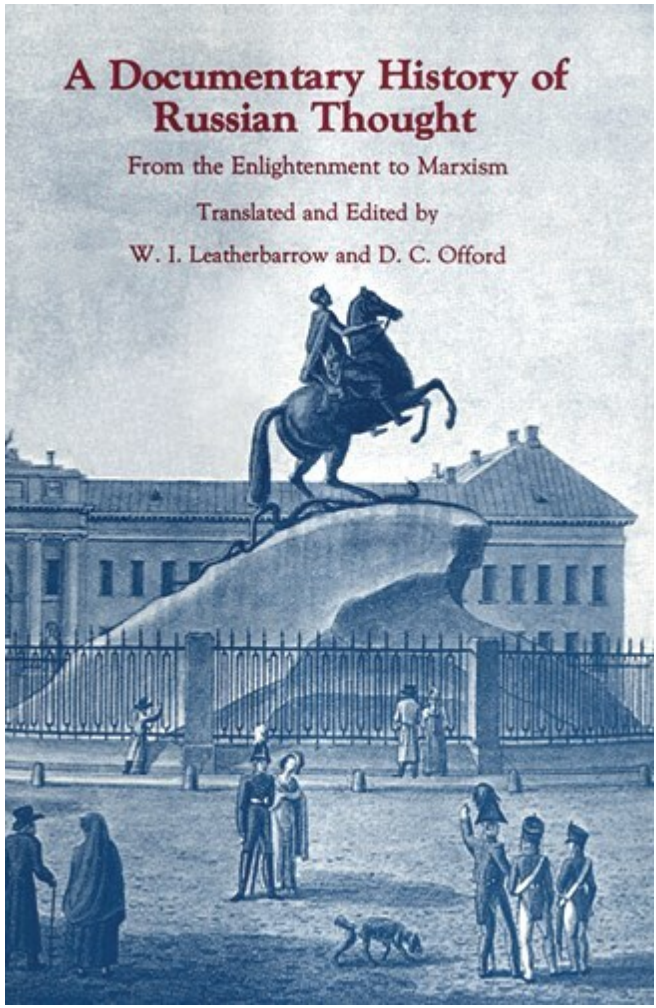

The Widows of Russia
AND OTHER WRITINGS

ИОСИФ
БРОДСКИЙ

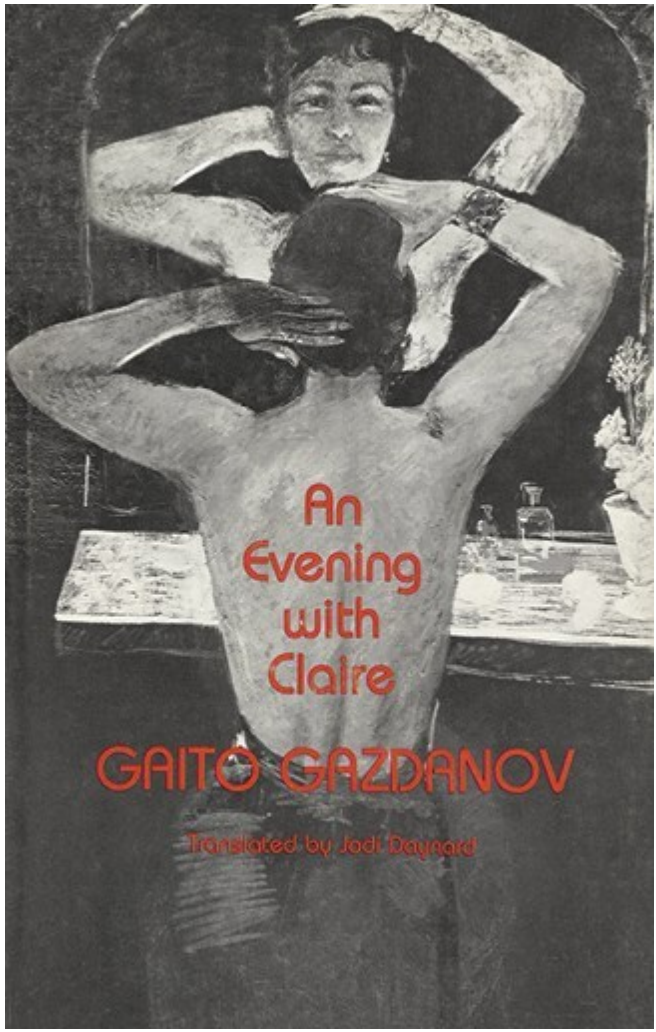
УРАНИЯ

АРДИС

МОСКВА
2042
Владимир
ВОЙНОВИЧ


A Documentary History of
Russian Thought
From the Enlightenment to Marxism
Translated and Edited by
W. I. Leatherbarrow and D. C. Offord

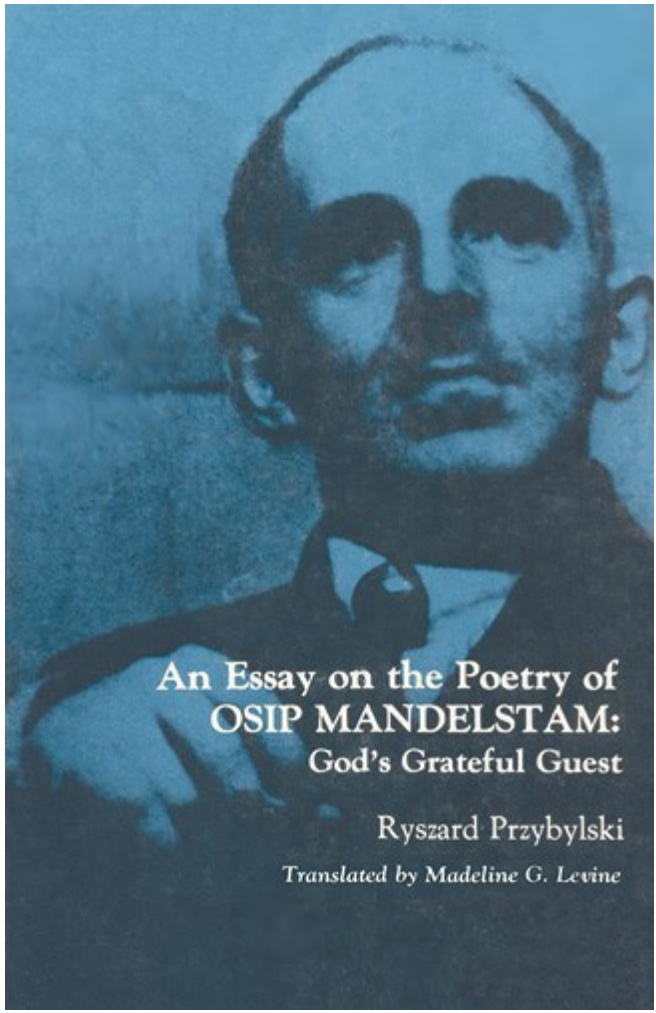
1987

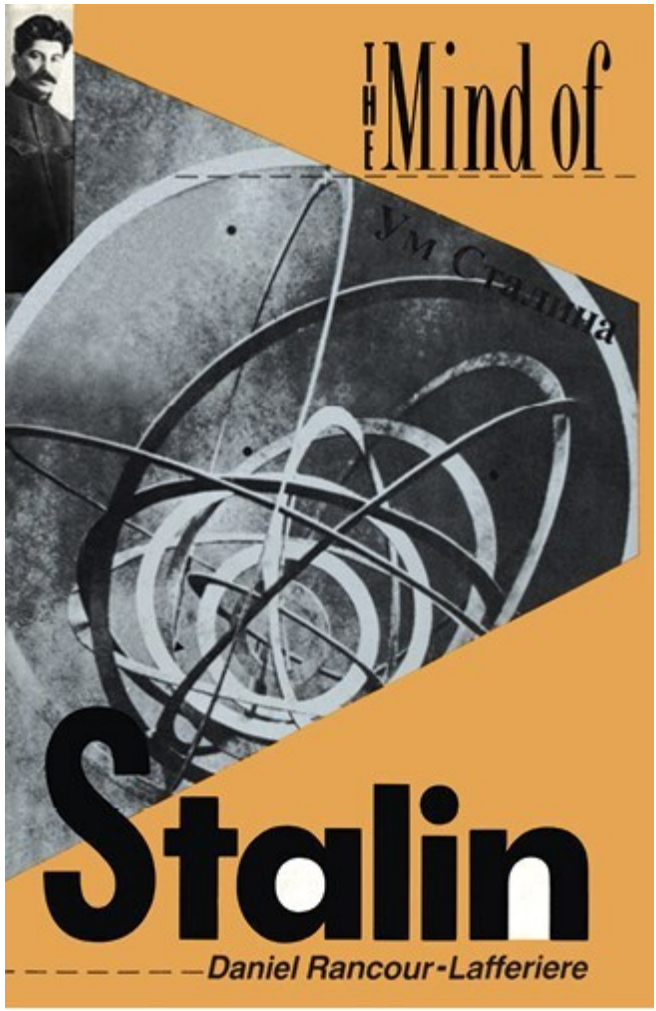

An
Evening
with
Claire
GAITO GAZDANOV
Translated by Jodi Daynard

The Song of Igor's Campaign

Translated, with a Foreword by

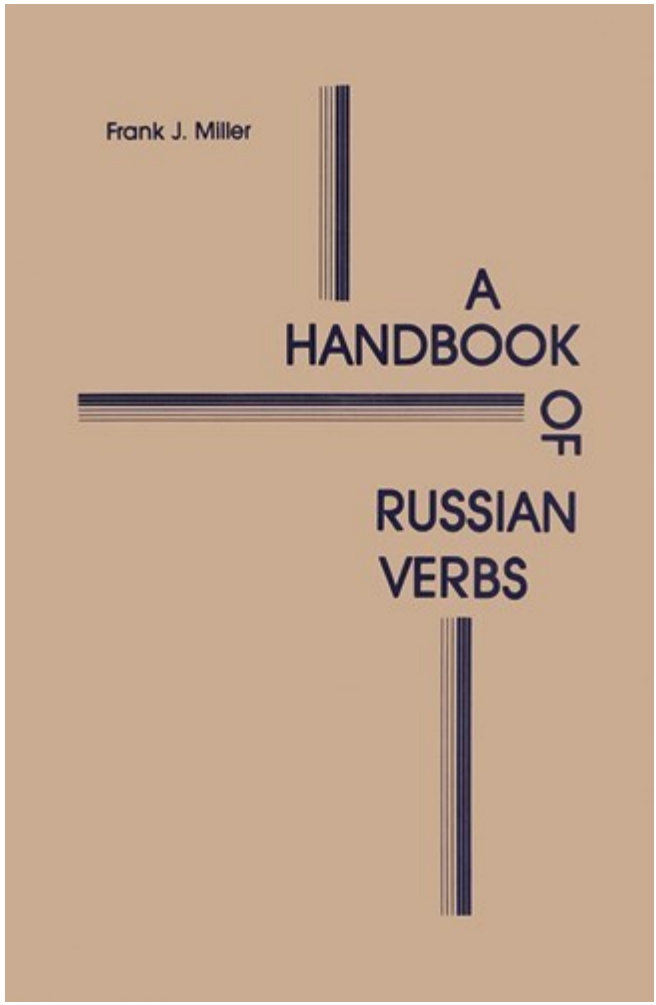
Vladimir Nabokov


An Essay on the Poetry of
OSIP MANDELSTAM:
God's Grateful Guest
Ryszard Przybylski
Translated by Madeline G. Levine



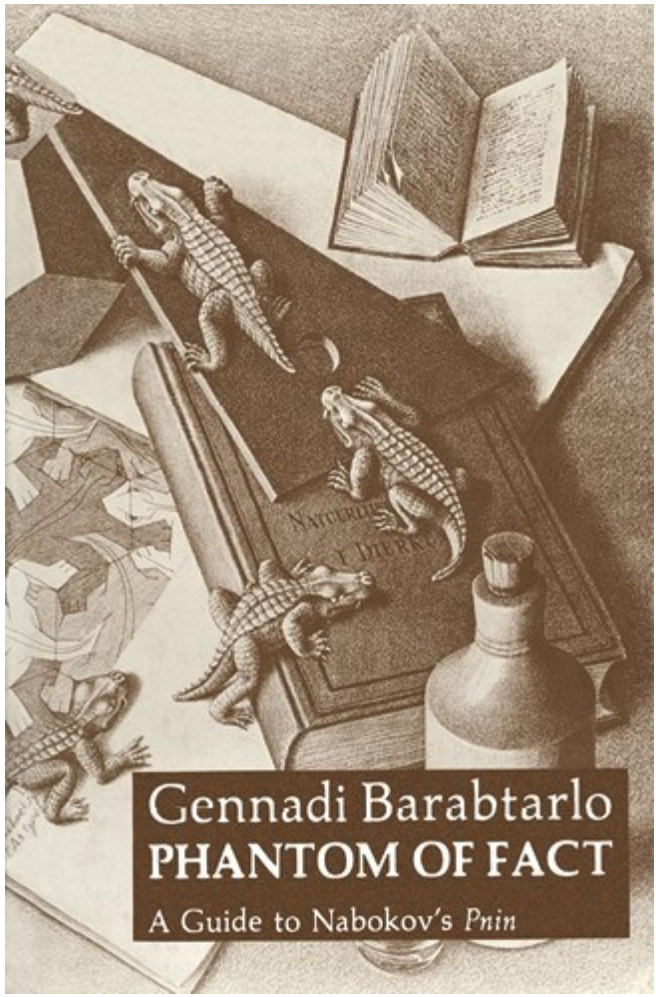
1988

Alexander
OSTROVSKY
The
STORM



1988

1988


Gennadi Barabtarlo
PHANTOM OF FACT
A Guide to Nabokov's *Pnin*

1989

С. КОЭН

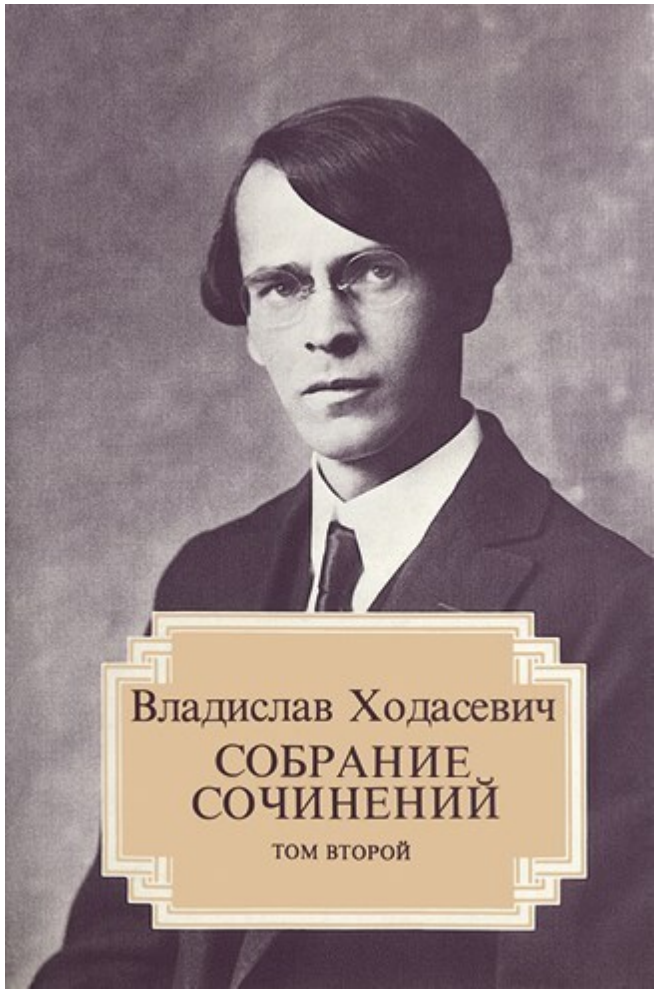
БУХАРИН

БАБЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ 1918

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

VI

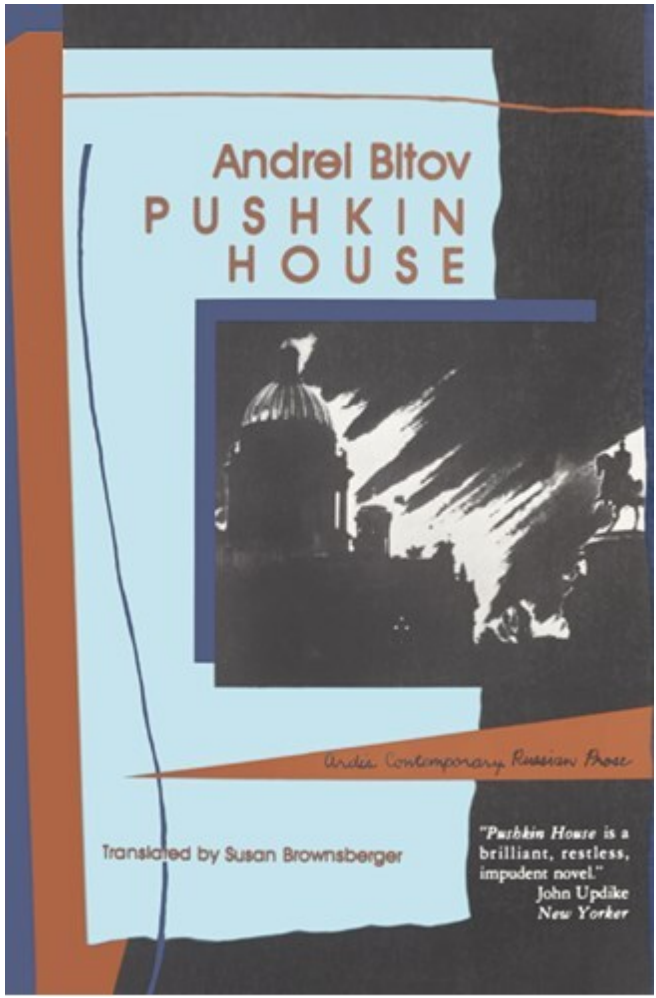


1989

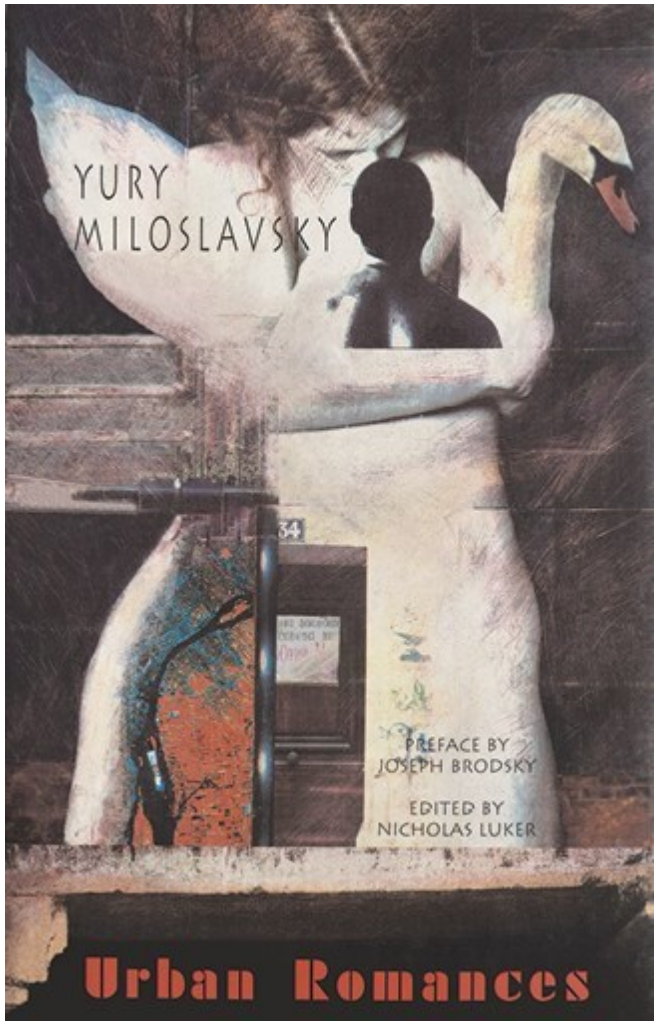
THE BEAT GENERATION AND THE RUSSIAN NEW WAVE

INTERVIEWS WITH GINSBERG, VOZNESENSKY, AKSYONOV, SNYDER, BITOV, AKHMADULINA, OKUDZHAVA, MCCLURE, GLADILIN, FERLINGHETTI

Inger Thorup Lauridsen
and Per Dalgard


Andrei Bitov
PUSHKIN
HOUSE
Ardis Contemporary Russian Prose
Translated by Susan Brownsberger
"Pushkin House is a brilliant, restless, impudent novel."
John Updike
New Yorker

1990


YURY
MILOSLAVSKY
PREFACE BY
JOSEPH BRODSKY
EDITED BY
NICHOLAS LUKER
Urban Romances

1994

1996

notes

Примечания

1

1 В силу близких отношений Татьяна Лоскутова давала мне интервью в разные годы — начиная с 2013-го. В дальнейшем, если нет других ссылок, имеются в виду наши с ней продолжительные беседы за последние семь лет работы над книгой.

2

2 Эллендея Проффер Тисли дала мне два больших интервью: 5 мая 2013 года и 6 ноября 2013 года. Фрагменты первого были опубликованы в журнале «Сноб», № 9, сентябрь 2013 года. В дальнейшем, если на цитаты Эллендеи нет других ссылок, имеются в виду эти беседы.

3

3 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 17.

4

4 Там же. Письмо № 19.

5

5 Там же. Письмо № 20.

6

6 Playboy. 1969, July. P. 12.

7

7 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. М., 2015. С. 20.

8

8 «Торфянка (Торфянник) — «сонная деревушка» из бревенчатых «изб» (хижин); и «Гамлет, сельцо на половину русское», является на самом деле аллюзией на Гамлета…» (*англ.*). См.: Playboy. 1969, July. P. 14.

9

9 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 22.

10

10 Карл Проффер. Без купюр. С. 23–24.

11

11 Эллендея Проффер Тисли. С. 35.

12

12 Карл Проффер. Без купюр. С. 23–24.

13

13 Карл Проффер. Без купюр. С. 114–115.

14

14 Там же. С. 116.

15

15 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 18.

16

16 Эллендея Проффер Тисли. Женщины, смерть и русская литература // Карл Проффер. Без купюр. М., 2017. С. 14.

17

17 Карл Проффер. Без купюр. С. 242–243.

18

18 Там же. С. 246.

19

19 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 18–19.

20

20 Карл Проффер. Без купюр. С. 60.

21

21 Вячеслав Всеволодович Иванов дал мне интервью 7 ноября 2013 года. Все его цитаты в книге приводятся по тексту нашей беседы.

22

22 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 22.

23

23 RLT. 1971. Vol. 1. P. 3.

24

24 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 19.

25

25 Jack Lessenberry. Getting the world out // Toledo Magazine. April, 1983. P. 6.

26 Jack Lessenberry. Getting the world out // Toledo Magazine. April, 1983. P. 7.

27

27 Toledo Magazine. April 24, 1983.

28 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 27.

29

29 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 53.

30

30 Значительная часть речи Иосифа Бродского процитирована в предисловии к этой книге.

31

31 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 30.09.1979.

32

32 Дональд Бартон Джонсон. Послесловие к русскому изданию «Ключей к «Лолите»» Карла Проффера // Карл Проффер. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 297.

33

33 Дональд Бартон Джонсон. Послесловие к русскому изданию «Ключей к «Лолите»» Карла Проффера // Карл Проффер. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 297.

34 Роберт Роупер. Набоков в Америке. С. 219.

35

35 Эллендея Проффер Тисли. Женщины, смерть и русская литература // Карл Проффер. Без купюр. М., 2017. С. 8.

36 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 10.

37

37 Carl Proffer. The Simile and Gogol's «Dead Souls». The Hague; Paris, 1967. P. 2–3.

38

38 Эллендея Проффер Тисли. Истоки «Ардиса» // НЛО. 2014. № 125.

39

39 Алексей Лидов побеседовал со мной летом 2017 года.

40 William Grimes. Igor Sevcenko, Byzantine and Slavic Scolar, dies at 87 // The New York Times. January 5, 2010.

41

41 Эллендея Проффер Тисли. Истоки «Ардиса» // НЛО. 2014. № 125.

42

42 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 3.

43

43 Boyd Brian. Vladimir Nabokov. American years. Princeton, 1991. P. 361.

44 Ibid. P. 359.

45

45 Роберт Роупер. Набоков в Америке. С. 250.

46

46 Ольга Майорова дала мне интервью 20 июня 2017 года. Здесь и далее ее цитаты приводятся из этого интервью.

47

47 Например, подробные письма Л. Флейшмана Карлу о Лотмане, датированные 1972 годом. Umich, Ardis records, Authors, 3, Fleishman, Lazar.

48 Carl Proffer. The Simile and Gogol's «Dead Souls». The Hague; Paris, 1967. P. 17.

49 Ibid. P. 13.

50 Ibid. P. 18.

51 Ibid. P. 14.

52

52 Umich, Ardis records, Authors, 1, Carl Proffer.

53

53 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 1.

54 Там же. Письмо № 2.

55

55 Letters of Nikolai Gogol / Selected and edited by Carl R. Proffer. Translated by C.R. Proffer in collaboration with Vera Krivoshein. Ann Arbor, 1967.

56 Карл Проффер. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 9.

57 Ronald Hingley. Profferings // TLS. Oct. 10, 1968.

58 Carl Proffer. The Simile and Gogol's «Dead Souls». The Hague; Paris, 1967. P. 9.

59 Ibid. P. 14–15.

60 Ibid. P. 16–17.

61

61 Carl Proffer. The Simile and Gogol's «Dead Souls». The Hague; Paris, 1967. P. 8.

62

62 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 3.

63

63 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 14.

64 Александр Долинин. Карл Проффер и Владимир Набоков: к истории диалога // НЛО. 2014. № 125.

65

65 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 15.

66 Там же. Письмо № 1.

67

67 Письмо, сопровождавшее рукопись, не датировано, но в другом письме сам Проффер указывает, что отправил рукопись Набокову летом 1966 года. Первое процитированное выше письмо Набокову датировано 10 августа, 24 августа Вера Набокова сообщает Профферу точный адрес, по которому следует отправить рукопись. Таким образом, она должна была оказаться в Монтрё вскоре после этого. См.: Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 1, 2, 3, 4, 8.

68 Там же. Письмо № 4.

69 Там же. Письмо № 6.

70 Там же. Письмо № 15.

71

71 Карл Проффер. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 139–140.

72

72 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 4.

73

73 Александр Долинин. Карл Проффер и Владимир Набоков: к истории диалога // НЛО. 2014. № 125.

74 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 5.

75

75 Александр Долинин. Карл Проффер и Владимир Набоков: к истории диалога // НЛО. 2014. № 125.

76 Карл Проффер. Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 9–10.

77 Там же. С. 20.

78 Там же. С. 17–18.

79 Там же. С. 19.

80 Там же. С. 97.

81

81 Там же. С. 48–50.

82 Там же. С. 16.

83 Там же. С. 37.

84 Там же. С. 10.

85

85 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 1.

86 Александр Долинин. Карл Проффер и Владимир Набоков: к истории диалога // НЛО. 2014. № 125.

87

87 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 3.

88

88 Карл Проффер. Ключи к «Лолите». С. 197.

89 Там же. С. 143–144.

90 Там же. С. 268.

91

91 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 13.

92 Там же. Письмо № 9.

93

93 Александр Долинин. Карл Проффер и Владимир Набоков: к истории диалога // НЛО. 2014. № 125.

94 Карл Проффер. Ключи к «Лолите». С. 244–245.

95 Там же. С. 245.

96

96 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 12.

97 Там же. Письмо № 13.

98

98 Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. Письмо № 13.

99 Там же. Письмо № 15.

100

100 Там же. Письмо № 16.

101

101 Цит. по: Леонид Парфенов. Намедни. Наша эра. 1961–1970. М., 2009. С. 145.

102

102 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 14–15.

103

103 Эллендея Проффер Тисли. Истоки «Ардиса» // НЛО. 2014. № 125.

104

104 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 49–50.

105

105 Карл Проффер. Без купюр. С. 213.

106 Там же. С. 211.

107

107 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 75.

108

108 Михаил Барышников дал мне интервью 5 ноября 2015 года. Здесь и далее его цитаты приводятся из этого разговора.

109

109 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 75.

110

110 Карл Проффер. Без купюр. С. 106–107.

111

111 Там же. С. 204.

112

112 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 43.

113

113 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 26.10.1979/1980 (?)

114

114 Карл Проффер. Без купюр. С. 258.

115

115 Карл Проффер. Без купюр. С. 107.

116

116 Там же. С. 200.

117

117 Там же. С. 107.

118

118 Umich, Ardis records, Authors, 9, Vigilianskii, V. N., письмо Владимира Вигилянского Профферам 20.03.1971.

119

119 Umich, Ardis records, Authors, 9, Vigilianskii, V. N., письмо Владимира Вигилянского Профферам 28.06.1971.

120

120 Umich, Ardis records, Authors, 9, Vigilianskii, V.N., письмо Владимира Вигилянского Профферам 28.07.1971.

121

121 Карл Проффер. Без купюр. С. 47–49.

122

122 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 18.

123

123 Карл Проффер. Без купюр. С. 240.

124

124 Алексей Цветков. Интервью 23 апреля 2014 года.

125

125 Марк Липовецкий. «Ардис» и современная русская литература: тридцать лет спустя // НЛО. 2014. № 125.

126

126 Карл Проффер. Без купюр. С. 35.

127

127 Там же. С. 35

128 Там же. С. 39.

129

129 Карл Проффер. Без купюр. С. 65.

13 ˚Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 100.

131

131 Карл Проффер. Без купюр. С. 196.

132 Там же. С. 214.

133

133 Umich, Ardis records, Authors, 7, Nikolskaya Tanya, письмо Татьяны Никольской Профферам (предположительно начало 70-х годов).

134

134 Карл Проффер. Без купюр. С. 203–204.

135

135 Здесь и далее все цитаты Маши Слоним даются по интервью, которое я у нее взял 10 ноября 2015 года.

136

136 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 173–175.

137

137 Марк Липовецкий. «Ардис» и современная русская литература: тридцать лет спустя // НЛО. 2014. № 125.

138

138 Карл Проффер. Без купюр. С. 137.

139

139 Там же. С. 81

140

140 Карл Проффер. Без купюр. С. 25, 35.

141

141 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 36.

142

142 Карл Проффер. Без купюр. С. 28–29.

143

143 Карл Проффер. Без купюр. С. 92.

144

144 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 36–37.

145

145 Карл Проффер. Без купюр. С. 213.

146

146 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 42.

147

147 Карл Проффер. Без купюр. С. 92.

148

148 Карл Проффер. Без купюр. С. 99.

149

149 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 56.

150

150 Карл Проффер. Без купюр. С. 96–99.

151

151 Карл Проффер. Без купюр. С. 100.

152 Там же. С. 101.

153

153 Там же. С. 80.

154

154 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 43.

155

155 Карл Проффер. Без купюр. С. 209, 248.

156 Там же. С. 206.

157

157 Там же. С. 78.

158 Там же. С. 206.

159

159 Там же. С. 84.

160 Там же. С. 85–86.

161

161 Карл Проффер. Без купюр. С. 86.

162

162 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 51.

163

163 Там же. № 52.

164

164 Карл Проффер. Без купюр. С. 208.

165

165 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 65.

166

166 Карл Проффер. Без купюр. С. 86–89.

167

167 Там же. С. 61–62.

168

168 Карл Проффер. Без купюр. С. 62–63.

169

169 Там же. С. 64–65.

170

170 Там же. С. 66–67.

171

171 Там же. С. 81–82.

172 Там же. С. 83–84.

173

173 Umich, Ardis records, Authors, 8, Rudnitsky Konstantin, письмо Константина Рудницкого Профферам 13.11.1972.

174

174 Карл Проффер. Без купюр. С. 90.

175

175 Там же. С. 209.

176

176 Там же. С. 90.

177

177 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 145.

178

178 Карл Проффер. Без купюр. С. 91.

179

179 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Василия Аксенова Профферам 3.10.1977.

180

180 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 152–153.

181

181 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 147–149.

182

182 Светлана Иванова. Интервью 7 ноября 2013 года.

183

183 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Василия Аксенова Профферам 1.12.1977 (эта датировка появилась позднее. Очевидно, письмо было написано раньше, когда Аксенов был в Париже. См.: Дмитрий Петров. Аксенов. М., 2012. С. 190–191).

184

184 Ibid., письмо Василия Аксенова Бродскому 7 ноября 1984 года (копия).

185

185 Carl and Ellendea Proffer. Introduction // The Ardis Anthology of Recent Russian Literature. Ann Arbor, 1975. P. 3.

186

186 Карл Проффер. Без купюр. С. 55.

187

187 Там же. С. 130.

188 Там же. С. 138–139.

189

189 Карл Проффер. Без купюр. С. 196.

190

190 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 79.

191

191 Карл Проффер. Без купюр. С. 136–137.

192 Там же. С. 130–131.

193

193 Там же. С. 146.

194 Там же. С. 150.

195

195 Там же. С. 57.

196

196 Там же. С. 147.

197

197 Там же. С. 144.

198

198 Umich, Ardis records, Authors, 8, Rudnitsky Konstantin, письмо Константина Рудницкого Профферам 22.09.1971.

199

199 Денис Козлов. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // НЛО. 2014. № 125.

200

200 Umich, Ardis records, Authors, 9, Vigilianskii, V.N., письмо Владимира Вигилянского Профферам 1971–1972 (?).

201

201 Carl Proffer. In the Shadow of Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 101–102.

202

202 Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 115–116.

203

203 Umich, Ardis records, Authors, 8, Soloukhin Vladimir, письмо Владимира Солоухина Карлу Профферу (без даты).

204

204 Umich, Ardis records, Authors, 8, Rasputin V., письмо Карла Проффера Валентину Распутину 15.07.1984.

205

205 Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 115–116.

206

206 Carl Proffer. In the Shadow of Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 106.

207

207 Карл Проффер. Без купюр. С. 140.

208

208 Carl Proffer. In the Shadow of Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 106.

209

209 Карл Проффер. Без купюр. С. 125–126.

21 ˚Carl Proffer. In the Shadow of Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 105.

211

211 Карл Проффер. Без купюр. С. 209.

212

212 Carl and Ellendea Proffer. Introduction // The Ardis Anthology of Recent Russian Literature. Ann Arbor, 1975. P. 4.

213

213 Владимир Войнович дал мне интервью 26 декабря 2017 года (кажется, это его последнее интервью). В дальнейшем, если не указан другой источник, цитаты взяты из этой беседы с ним.

214

214 RLT, 1971. P. 3

215

215 RLT, 1971. P. 342.

216

216 Carl Proffer. In the Shadow of Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 101–102.

217

217 Карл Проффер. Без купюр. С. 205.

218

218 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

219

219 Андрей Битов дал мне интервью 14 сентября 2016 года. В дальнейшем, если нет других сносок, все цитаты приводятся по этой беседе с ним.

22 ˚Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Are Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 112.

221

221 Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 109–111.

222

222 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, письмо Карла Проффера Фазилю Искандеру 26.12.1981.

223

223 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 2.08.1982.

224

224 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 26.10.1979 (?).

225

225 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 18.05–29.05 (предположительно 1980 год).

226

226 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 30.10. 1978.

227

227 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам, без даты. Там же: Power of Attornity, датированная 5.04.1973.

228

228 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 10.08.1979.

229

229 Umich, Ardis records, Authors, 9, Voinovich Vladimir, письмо Карла Проффера Владимиру Войновичу 5.02.1976.

230

230 Андрей Битов, интервью 14 сентября 2016 года.

231

231 Umich, Ardis records, Authors, 2, Bitov Andrei, письмо Андрея Битова Карлу Профферу 13.10.1978.

232

232 Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Are Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 117–118.

233

233 Umich, Ardis records, Authors, 2, Bitov Andrei, письмо Андрея Битова Карлу Профферу 30.11.1978.

234

234 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 22.12.1978.

235

235 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, запрос ВААП к Профферам 12.07.1982.

236

236 Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Are Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 116–117.

237

237 Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 107–108.

238

238 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 30.09.1979.

239

239 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Карла Проффера Василию Аксенову 18.05.1979.

240

240 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1980.

241

241 Лев Лосев. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2011. С. 187.

242

242 Сам Проффер официально указывал на Бродского, но, думаю, потому, что ссылаться на Машу Слоним в официальной статье, посвященной ландшафту русской литературы, было бы хуже, чем на поэта, который уже приобрел некоторую известность. См.: Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 109.

243

243 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 69.

244 Там же. № 84.

245

245 Umich, Ardis records, Authors, 8, Sokolov Sasha, письмо Карла Проффера Саше Соколову 22.04.1975.

246

246 In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 109–110.

247

247 Umich, Ardis records, Authors, 9, Tsvetkov Alex, письмо Карла Проффера Алексею Цветкову 12.04.1975.

248

248 Umich, Ardis records, Authors, 9, Tsvetkov Alex, письмо Карла Проффера Алексею Цветкову 28.10.1977.

249

249 In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 110.

250

250 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу (без даты, предположительно 1975 год).

251

251 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 20.04.1978.

252

252 Лев Лосев. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2011. С. 187.

253

253 Umich, Ardis records, Authors, 6, Limonov Eddie, письмо Карла Проффера Эдуарду Лимонову 23.10.1977.

254

254 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 20.04.1978.

255

255 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Карла Проффера Владимиру Марамзину 4.03.1978.

256

256 Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 110.

257

257 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 18.05.1979.

258

258 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Карла Проффера Владимиру Марамзину 13.04.1978.

259

259 Б. Сарнов ссылается на личный разговор с Карлом. См. об этом: Марк Липовецкий. «Ардис» и современная русская литература: тридцать лет спустя // НЛО. 2014. № 125.

260

260 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 7.09.1976.

261

261 Carl Proffer. In the Shadow of the Monolith // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 104.

262

262 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 7.09.1976.

263

263 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 11.02.1979.

264

264 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 5.02.1976.

265

265 Игорь Ефимов. Нобелевский тунеядец. М., 2005. Часть 2 «В Америке».

266 Там же С. 18.

267

267 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatov Sergei, письмо Сергея Довлатова 28.04 (1981?).

268

268 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 100.

269

269 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 100.

270

270 Там же.

271

271 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 100.

272

272 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, письмо Карла Проффера Фазилю Искандеру 6.11.1978.

273

273 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 6.04.1982.

274

274 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

275

275 Umich, Ardis records, Authors, 9, письмо Инны Варламовой Профферам (1978?).

276

276 Umich, Ardis records, Authors, 9, письмо Инны Варламовой Профферам (1978?).

277

277 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 11.02.1980.

278

278 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Василия Аксенова Карлу Профферу 23.08.1978.

279

279 Дело «Метрополя». Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / Подготовка текста, публикация, вступительная статья и комментарии Марии Заламбани // НЛО. 2006. № 82.

280

280 Umich, Ardis records, Authors, 5, Kaiser Robert, письмо Карла Проффера Роберту Кайзеру 17.11.1976.

281

281 Светлана Иванова. Интервью 7 ноября 2013 года.

282

282 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Василия Аксенова Карлу Профферу 22.03.1980.

283

283 Carl Proffer. A Disabled Literature: Are There Are Any Writers Left in the Soviet Union // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 117–118.

284

284 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, письмо Карла Проффера Фазилю Искандеру 26.12.1981.

285

285 Carl Proffer. The Remarkable Decade That Destroyed Russian Émigré Literature // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 126–127.

286

286 Carl Proffer. The Remarkable Decade That Destroyed Russian Émigré Literature // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 126–127.

287

287 Carl Proffer. Russian Writing and Border Guards: Twenty-five Years of the New Isolationizm // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 151.

288

288 Carl Proffer. The Remarkable Decade That Destroyed Russian Émigré Literature // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 126–128.

289

289 Carl Proffer. Russian Writing and Border Guards: Twenty-five Years of the New Isolationizm // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 145–146.

29 ˚Carl Proffer. Russian Writing and Border Guards: Twenty-five Years of the New Isolationizm // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 146.

291

291 Ibid. P. 146–147.

292

292 Carl Proffer. Russian Writing and Border Guards: Twenty-five Years of the New Isolationizm // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 152.

293

293 Carl and Ellendea Proffer. Introductio: Russian Fiction into the Eighties // The Barsukov Triangle, The Two-Tined Blond and Other Stories. Ann Arbor, 1984. P. 9.

294

294 Carl Proffer. Russian Writing and Border Guards: Twenty-five Years of the New Isolationizm // Carl Proffer. The Widows of Russia. An Arbor, 1987. P. 157.

295

295 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 6.04.1982.

296

296 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 40.

297 Там же. № 53.

298

298 Umich, Ardis records, Authors, 2, Bitov Andrei, письмо Карла Проффера Андрею Битову 21.05.1977.

299

299 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 19.

300

300 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Карла Проффера Василию Аксенову 17.04.1980.

301

301 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 61.

302

302 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 30.01.1976.

303

303 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 23.03.1979.

304

304 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatova Elena, письмо Елены Довлатовой Профферам, 1983.

305

305 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatov Sergei, письмо Сергея Довлатова Эллендее Проффер 3.08.1983 (?).

306

306 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, письмо Карла Проффера Фазилю Искандеру 3.03.1978.

307

307 Umich, Ardis records, Authors, 8, Popov Evgeny, письмо Карла Проффера Евгению Попову (предположительно начало 80-х годов).

308

308 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 6.04.1982.

309

309 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

310

310 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

311

311 Рональд Майер дал мне интервью 24 апреля 2014 года. Все цитаты приводятся по этому интервью.

312

312 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 30.10.1978.

313

313 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 15.08.1978.

314

314 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 23.03.1979.

315

315 Там же.

316

316 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, Профферы — Копелевым, 1979/1980 (?).

317

317 Владимир Войнович, интервью 26 декабря 2017 года.

318

318 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Льва Копелева Профферам 23.03.1979.

319

319 Письмо Роберта Кайзера 5.08.2020.

320

320 Umich, Ardis records, Authors, 5, Kaiser Robert, письмо Карла Проффера Роберту Кайзеру 17.11.1976.

321

321 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatov Sergei, письмо Сергея Довлатова Эллендее Проффер 8.07 (конец 70-х — начало 80-х?).

322

322 Карл Проффер. Без купюр. С. 57.

323

323 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Карла Проффера Василию Аксенову 2.10.1978.

324

324 Umich, Ardis records, Business records, Iskander, 11, письмо Карла Проффера Фазилю Искандеру 3.03.1978.

325

325 Владимир Войнович, интервью 26 декабря 2017 года.

326

326 Umich, Ardis records, Authors, 1, Graham Thomas E., Jr.

327

327 Umich, Ardis records, Authors, 1, Baranoff-Shestova Natalie, письмо Натальи Барановой Карлу Профферу 21.06.1979.

328

328 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 84.

329

329 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 99.

33 ˚Carl Proffer. Maramzin Trial // New York Review of Books, March 6, 1975.

331

331 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 65.

332

332 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу 8.08.1975.

333

333 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 22.

334

334 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Карла Проффера Владимиру Марамзину 13.04.1978.

335

335 Umich, Ardis records, Authors, 5, Kaiser Robert, письмо Карла Проффера Роберту Кайзеру 17.11.1976.

336

336 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 24.

337

337 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Карла Проффера Владимиру Марамзину 3.05.1978.

338

338 Там же.

339

339 Umich, Ardis records, Authors, 5, Kaiser Robert, письмо Карла Проффера Роберту Кайзеру 17.11.1976.

340

340 Письмо Роберта Кайзера 5.08.2020.

341

341 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Карла Проффера Владимиру Марамзину 3.05.1978.

342

342 Umich, Ardis records, Authors, 8, Popov Evgeny, письмо Карла Проффера Евгению Попову (без даты, предположительно начало 80-х годов).

343

343 Umich, Ardis records, Authors, 1, Slonek Rae, письмо Карла Проффера Р. Д. Слонек (вторая половина 70-х годов).

344

344 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 19.08.1982.

345

345 Umich, Ardis records, Authors, 2, Bitov Andrei, письмо Карла Проффера Андрею Битову 18.05.1979.

346

346 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatova Elena, письмо Карла Проффера Елене Довлатовой 21.07.1979 (?)

347

347 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 14.02.1979.

348

348 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 10.08.1979.

349

349 Umich, Ardis records, Authors, 4, Gladilin Anatolii Tikhnovich, письмо Карла Проффера Анатолию Гладилину 3.09.1978.

350

350 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 17.07.1979.

351

351 Переписка Карла Проффера с Владимиром Набоковым. № 78.

352

352 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 20.10.1979.

353

353 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

354

354 Carl and Ellendea Proffer. Introductio: Russian Fiction into the Eighties // The Barsukov Triangle, The Two-Tined Blond and Other Stories. Ann Arbor, 1984. P. 7.

355

355 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 20.10.1979.

356

356 Alfred Reisch. Hot books in the Cold War. The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program Behind the Iron Curtain. Budapest — New York, 2013. P. 505–520. В примечании Райш упоминает, что ILC курировал несколько организаций: ALI, CIL и UBEX. Он не раскрывает содержание аббревиатуры CIL (Ibid. P. 514. Footnote 16).

357

357 Fred Moody. Remembering Ardis // The secret History of Vladimir Nabokov.

358

358 Peter Finn, Petra Couvee. The Zhivago Affair. The Kremlin, the CIA, and the Battle Over a Forbidden Book. New York, 2014. P. 124–125.

359

359 Alfred Reisch. Hot books in the Cold War. The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program Behind the Iron Curtain. Budapest — New York, 2013. P. 511, 513.

360

360 Alfred Reisch. Hot books in the Cold War. The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program Behind the Iron Curtain. Budapest — New York, 2013. P. 513, 515.

361

361 Fred Moody. Remembering Ardis // The secret History of Vladimir Nabokov.

362

362 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 20.10.1979.

363

363 Carl Proffer. The Remarkable Decade That Destroyed Russian Émigré Literature // Carl Proffer. The Widows of Russia. Ann Arbor, 1987. P. 130–131.

364 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 23–24.

365

365 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Эллендеи Проффер Копелевым 14.02.1979.

366

366 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Льву Копелеву 29.07.1979 (?).

367

367 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aleshkovskii Iuz, письмо Карла Проффера Юзу Алешковскому 10.08.1979.

368 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 24.

369

369 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 17.04.1980.

370

370 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 18.05.1979.

371

371 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 25.04.1979.

372 Jack Lessenberry. Getting the world out // Toledo Magazine. April, 1983. P. 6.

373

373 Umich, Ardis records, Authors, 6, Maramzin V., письмо Владимира Марамзина Карлу Профферу (без даты, предположительно середина 70-х годов).

374 Евгений Рейн, интервью 12 октября 2013 года.

375

375 Эллендея Проффер Тисли. Женщины, смерть и русская литература // Карл Проффер. Без купюр. С. 14.

376

376 Umich, Ardis records, Authors, 2, Brodsky Josef, письмо Карла Проффера Иосифу Бродскому 15.06.1975 (?).

377

377 Umich, Ardis records, Authors, 1, Aksenov Vasilii, письмо Карла Проффера Василию Аксенову 18.05.1979.

378

378 Эллендея Проффер Тисли. Смерть, женщины и русская литература // Карл Проффер. Без купюр. С. 15.

379

379 о Бродском и его английских переводах довольно подробно рассуждает Эллендея в своих воспоминаниях: Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 115, 143.

380

380 Татьяна Лоскутова. Лублу. Бостон, 2016. С. 207.

381

381 Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас. С. 98.

382

382 Umich, Ardis records, Authors, 5, Lev Kopelev, письмо Карла Проффера Копелевым 19.08.1982.

383

383 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatov Sergei, письмо Сергея Довлатова Карлу Профферу 5.08 (1982?).

384

384 Umich, Ardis records, Authors, 3, Dovlatov Sergei, письмо Сергея Довлатова Профферам 9.04 (1982?).